

РАССКАЗЫ
О ПОЛТАВЦАХ
И ПРОЧИХ ДЕЯТЕЛЯХ

**ПРАВДИВЫЕ РАССКАЗЫ
О ПОЛТЕРГЕЙСТЕ
И ПРОЧЕЙ НЕЖИТИ
НА ОВИНЕ, В ИЗБЕ
И БАНЕ**

**Пермь
«Янус» 1993**

ББК 84.Р7

Составители:

К. Шумов, Е. Преженцева

Во втором сборнике серии «ЛУ-
БОК. ВЕК XX» использованы записи
быличек о духах построек, относя-
щиеся к традиционному крестьянско-
му фольклору; и записи рассказов о
подтергейсте и барабашке. В сбор-
ник включены записи XIX—XX ве-
ков.

© К. Шумов, Е. Преженце-
ва, составление, вступи-
тельная статья и ком-
ментарии, 1993

© «Янус», оформление, 1993

Во втором сборнике из серии «Лубок» собраны рассказы русских крестьян о духах построек. Они дополнены современными рассказами об аномальных явлениях, связанных местом действия с домом человека. Истоки всех этих рассказов уходят корнями в глубокую древность юности человечества. Привычные и хорошо знакомые нам с детства домовые населяют мир фантазии человека очень давно. Интересно, что изначально они, в общем-то, никак не были связаны непосредственно с человеческим жилищем. По мнению многих исследователей происхождением своим домовые обязаны культу огня, характерному для первобытного человека. Еще А. Афанасьев, замечательный русский ученый-мифолог, прекрасный знаток народных традиций и фольклора, писал о том, что в образе «дедушки домового» олицетворяется огонь домашнего очага. Поляки называют его «выгорище», белорусы — «падпечка», да и

русские зачастую размещают домового за печью.

Другие духи построек, характерные для русских народных традиций, тоже связаны с огнем. Все они, и гуменник, и банник, обитают в народных представлениях в бане и на гумне, центром которых является очаг, хотя и не домашний. Норовом они бывают и добрыми, и жестокими, совсем, как огонь, который может быть подвластен человеку, а может и навредить, выйдя из-под контроля.

Связь с очагом подчеркивается и некоторыми особенностями восприятия самой постройки — крестьянской избы. В ней особо выделяются углы как средоточие нечеловеческой силы. Вспомним хотя бы «красный угол», где размещается божница с иконами. Она подчеркивает особую роль угла в избе. Но не только так проявляются особенности этого места. В некоторых русских традициях до сих пор сохраняется обычай выливать на угол дома воду, которой обмывали покойника, или воду, которой мыли иконы. Во многих рассказах сохраняются представления о том, что в углу собираются «черные» силы, враждебные человеку. Так, в углах сгоревшей избы обитают черти, пугая ночами редких прохожих жутким воем. Чтобы избавиться от них, приходится окроплять

пожарища святой водой. Да и при строительстве избы особое внимание уделяют не только матице, но и углам первого выложенного венца: строители обносят углы вином и делают особое подношение хозяйну будущей постройки. Очень похожие обычаи существуют и при заселении новой избы. Кроме того, в традиции до сих пор сохраняются некоторые способы наведения ссоры между людьми. Желающий поссорить друзей замечает мусор в избе от угла к печи, собирает его и высыпает на дорожку, по которой ходят люди. Тем самым из избы выносятся все злое, что есть в ее углах, и это злое переносится на чужих, не живущих в избе людей. А на святки девушки отправляются к амбару, садятся на его угол и слушают — услышанное предсказывает их дальнейшую судьбу. Впрочем, слушаться идут и к избе, точнее, к ее красному углу.

Чем же можно объяснить такой характер угла крестьянской постройки? По всей видимости, он связан с самым древним типом очага — открытым, практически обыкновенным костром, разведенным под сводами человеческого жилища. Тот неровный светлый круг, который отбрасывал открытый огонь, проводил четкую границу между светом и тьмой. Мир же, в котором живет человек, делится таким же об-

разом на светлый и темный, добрый и враждебный. Темнота всегда было враждебна человеку, а открытый очаг в прямоугольной постройке сохраняет темными только углы. Вероятно, именно такие факты легли в основу представлений о хозяине огня, его духе, который и защищает человека, и вредит ему.

Но сам образ домового или хозяина постройки собирает в себе отголоски разных эпох, через которые прошло человечество. Обратим внимание на то, куда размещает в доме человек хозяина постройки. Разные традиции дают разные места: домовый может обитать либо под печкой, либо за печкой, под порогом, в подполе, на чердаке. Это дает возможность исследователям предположить, что в образе домового со вмещаются образы духов отдельных элементов постройки. Но не только в этом заключается разнообразие действий, которые может совершать дух постройки. Некоторые данные позволяют судить о нем, как о духе, оберегающем не только постройку в целом и всю семью, но и каждого из живущих в избе. Правда, эти представления не так ярко выражены. В некоторых рассказах люди объясняют, что у каждого человека свой домовый. Да и живут они семьями. Жена домового, которого чаще в живых традициях называют

«суседко», — «суседиха» может показаться перед человеком в облике старушки с маленьким мальчиком, да и зачастую домовых в доме столько же, сколько и жильцов. Именно домовые охраняют дом в отсутствие хозяев, помогают по хозяйству, прогоняют злого духа. А это свидетельствует о том, что главным их предназначением является оберегать, охранять не саму постройку, а человека. Особенно интересны рассказы, в которых домовый прощается с умершим, провожает его в последний путь. Поэтому-то и стало традицией открывать подпол при выносе гроба на похоронах.

Управляют домовые и хозяйством: показывают человеку, какую скотину нужно держать на дворе, какая будет «вестись». А уж, если хозяин не послушает совета домового, он будет наказан — пришедшая «не ко двору» скотина так и не приживется — домовый будет мучить ее, не давать есть и пить вволю, гонять ночью по двору. Тогда уж придется хозяину менять масть коровы или лошади. Это показывает уже другую особенность представлений о духе дома — он, по мнению людей, взял на себя роль другого духа, духа-скотника. Поэтому зачастую и называют домового дворовым. Дворовой же может показываться человеку в облике ласки, мучающей ночами скотину на дворе, что уже являет-

ся не только фантастическим вымыслом, но и отраженном реальности — водятся за лаской такие злые умыслы, когда пробирается зверек во двор к человеку, крадет или убивает кур, пугает скот. Любопытно то, что зачастую в традициях духи двора и дома смешиваются. Отчасти это объясняется тем, что русские, особенно на севере, предпочитали строить жилища, в которых двор примыкал к дому вплотную, они были покрыты одной крышей. Поэтому все жилище, включая и хозяйственные постройки, и баню, и мастерские, воспринималось единым комплексом. А значит, и управлять этим комплексом в человеческих представлениях мог один дух.

Еще одна особенность свойственна всем духам построек, да и не только построек. Могут они предсказывать будущее человека. Не случайно поэтому на святки отправляются девушки слушаться на овин или устраивают гадания в пустой бане, забираются в подпол. Видимо, считали когда-то люди, что очаг, в котором бьется живой огонь, является переходом из мира человека в мир нечеловеческой силы. Именно из чужого мира, где живут рядом и предки, и потомки человека, и можно было узнать о прошлом и будущем. Впрочем, совсем не обязательно было отправляться куда-то специально, чтобы узнать

о том, что тебя ожидает. Домовой предсказывает судьбу человека ночами, когда давит его. Любопытно, что узнать будущее можно по тому, какими пальцами давит домовой: холодными или теплыми. Если холодными, то к худу, если теплыми — к добру. В этом проявляются представления о том, что холодное тело принадлежит покойнику, неживущему человеку, которого боятся и не ожидают от него ничего доброго. Можно было и просто спросить, к чему давит домовой. Предсказывали будущее и овииники.

В их образах тоже явственно прослеживается стихия огня. Перед человеком они появлялись в островерхих шапочках, похожих на языки пламени. И очаг, расположенный на гумне, тоже воспринимался как переход из мира человека в мир мертвых и духов. Так же, как и в бане, в избе. Не случайно поэтому одно из последних испытаний, которое должен был пройти колдун, заключалось в пролезании через пасть огненного чудовища, выходящего из очага. Пройдя через него, то есть пройдя испытание огнем, человек уже мог становиться колдуном. А колдун как раз и есть то существо, которое связывает между собой два мира: мир человека и мир, враждебный ему.

Если же сравнить два разных пласта

представлений человека об окружающей действительности: традиционные крестьянские и современные городские, можно заметить значительные совпадения. Особенно в рассказах о том явлении, которое получило название «полтергейст» в современной уфологии. Интересно то, что рассказы об этом явлении получили популярность в середине 80-х годов нашего века. Это не означает, что раньше их просто не было. Дело в том, что именно в периоды социальных и политических потрясений вспыхивает интерес к мистическому, когда человеку трудно надеяться на свои силы, и он начинает уповать на силы потусторонние.

Сравнение двух тематических групп рассказов (о домовых и о полтергейсте) показывает, что они очень близки по сюжетам. И в тех, и в других персонаж (если, конечно, так можно сказать о полтергейсте) мешает человеку, выживает его из дома, а может и помогать или любить какого-нибудь члена семьи. Нередки и там, и там рассказы о предметах, которые летают по дому, пущенные невидимой рукой. На наш взгляд, это свидетельствует о генетическом сходстве — и те, и другие являются в большей степени порождением человеческой фантазии. Впрочем, возможен и другой подход: человек может заметить

в рассказах о домовых подтверждение того, что полтергейст существовал и раньше, еще в то время, когда нормально фиксировать проявления этого недоброго «духа» было невозможно. Нам бы не хотелось ставить окончательную точку в решении этого вопроса — последнее слово должно быть за специалистами, которые бы смогли применить в своем исследовании пока не разработанные методики. Но почитать те строки нашего сборника, которые посвящены полтергейсту, мы советовали бы внимательно сторонникам и той, и другой точек зрения. Интересно то, что способы избавления от вредного духа дома совпадают и по отношению к злему духу дома, и по отношению к полтергейсту-хулигану. А церковь однозначно трактует проявление обеих сил как козни нечистого духа, сатаны, имеющего массу обликов и много способов смутить человека и свернуть его с пути истинного.

В сборнике помещены тексты, выбранные из основных публикаций русских крестьянских быличек. Источники указаны в конце книги. Рассказы о полтергейсте выбраны из материалов пермской комиссии по аномальным явлениям и газетных пуб-

ликаций. Их к изданию подготовил пермский уфолог О. Сыромятников.

Чтобы удобнее было ориентироваться в записях, мы предлагаем воспользоваться «Указателем сюжетов — мотивов», который помещен в конце книги. Туда включены не только те сюжеты и мотивы, которые встречаются в публикуемых текстах, но которые есть и в других, не вошедших в наш сборник.

Во всех Указателях после предмета, имени духа или сюжетного мотива стоят номера текстов, в которых он встречается.

ДОМОВОЙ

Дом домом,
а домовой даром

1

Когда Господь, при сотворении мира, сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попадали нечистые духи. Отобрались ли сюда те, которые были подобнее прочих, или уж так случилось, что, приселившись поближе к людям, они обжились и пообмякли, умягчились нравом. Не сделавшись злыми врагами, как водяные, лешие и прочие черти, они как бы переродились: превратились в доброхотов и при этом даже оказались с привычками людей веселого и шутливого нрава. Большая часть верующих так к ним привыкла, примирившись с ними, что не согласна признавать домовых за чертей и принимает их в своих представлениях за особую отдельную добрую породу.

Каждая жилая деревенская изба непременно имеет одного такого невидимого жильца, который и является сторожем не

только самого строения, но, главным образом, всех живущих: и людей, и скотины, и птицы. При выборе в избе определенного места для жилья домовый неразборчив, живет и за печкой, и под шестком, поселяется под порогом входных дверей, и в подызбице, и на подволоке, хотя замечают в нем наибольшую охоту проводить время в голбцах (дощатых помещениях около печи со спуском в подполье) и в чуланах.

2

Ничего не было в доме новом. Мне сказали про хозяина: «Ты приехала, а хозяина где взять? Надо на перекресток выйти и позвать: «Хозяин мой, пойдем домой!» Он вскочит тебе на спину и неси в сарай прямо». Все так сделала, так прямо сразу легко стало на душе. Хозяин — это домовый значит.

3

Мы сюда переезжали, а домового с собой брали. Для того, чтобы домового с собой взять, надо поставить в сарае хлеб и соль, как поставишь, так и говоришь: «Домовой, домовой, пошли с нами». А как на новое место приезжают, то хлеб и соль там в сарае ставишь. А как в дом въезжаешь, то первой в дом надо кошку пустить.

4

Если хочешь суседку с собой взять, надо лапоть под порог или в голбец положить и сказать: «Вот тебе сани, поедем с нами». Так его в лапте и перевозят, а в новом доме в голбец спускают.

5

Это когда на новое место едешь, суседку с собой зовешь. А сделать это надо так. Берут веник обыкновенный, просяной, им в подвале паутину собирают и трижды говорят: «Суседушко-братанушко, запрягай сани, поедем с нами».

6

У Ординых домовой был. Вот они стали переезжать, и его надо было с собой взять. Так они лапоть в печь бросили и кричат: «Домовой, выходи!» Затем лапоть в полотенце обернули и на новую квартиру принесли. А на новой квартире налили стакан воды, взяли кусок черного хлеба и вместе с лаптем положили в печь. Если утром из стакана убудет и от куска откусано, то домовой здесь, а если нет, то повторяли все сначала.

7

Суседушка у меня хороший был, доброй. Я вот когда переезжала в этот дом, в старом доме подпол открыла и сказала:

«Суседушка-браток, пошли со мной!» Сейчас он со мной в этом доме живет. Когда у меня сестра умерла, суседушко-то мой тоже плакал, жалел.

8

Суседку на помеле или венике перевозят. Или можно на кочергу сесть, как Баба-Яга, и позвать, он тоже на нее сядет. А тоже и на поганом корыте. Погано корыто волокут и приговаривают: «Как погано корыто счастливое, так и нам счастья!» С квашонкой в новый дом переходят и говорят: «Суседушко-братанушко, пусти нас в дом жить-поживать на долгие годы».

9

В дом заходишь — кошку вносишь, во двор — собаку. Кошку в дом несут, чтобы люди целые были. Собаку — чтобы скот сбережен. Мы в дом-то новый зашли так, а кошка и собака вскоре пропали. А так бы нам беда какая была (если б мы сами первые на двор вошли).

10

А вперед себя в новую избу пускают петуха и кошку. Если суждено случиться беде, то пусть она на них и стряжется. За ними уже смело можно входить с иконой и хлебом-солью, всего лучше в полнолуние

и обязательно ночью. Ночью же в новый дом и скотину перегоняют. Счастливыми днями для новоселья считаются двенадцатые праздники и между ними главное всех — Введение во храм Богоматери. Испушенные житейским опытом хозяйки-бабы, поставив икону на тѣбло, отрезают один сукрой от каравая хлеба и кладут его под печку.

11

Вот я в этот дом переходила, да всю с углов сложила тенету. И когда будешь переходить, ты говори: «Суседушко-медведушко, скотовой-домовой, пойдем со мной». Три раза скажи. Я тенету положила в угол за икону (и щас, наверное, там лежит).

12

А я вот слышала, что суседко в дом сам придет, если переезжаешь, его переводить не надо. Надо только сказать: «На новый год пойду в новую квартиру». И сам пойдет. Только, вишь, его предупредить заранее надо. Ну, чтоб там собрался, значит, он. У него ведь тоже, наверное, какое хозяйство есть. Так чтоб собрался. А когда я в дом к мужу шла, так научили меня сказать: «Суседушко-братанушко, прими меня в дому хозяйской». Чтобы он вреда не сделал, его задобрить надо. Я за печку

хлеб ложила, да копеечек сколько-то кинула по углам.

13

Мой дедушка ездил на Украину. Когда едет, он говорит: «Дедушка-домовой, хозяин молодой, пойдем с нами». Если скажем: «Поедем», то лошадь плохо будет идти. Надо говорить: «Пойдем». Вот и будет идти. Шел-шел и заморился. Остановился отдыхать, и он заснул, позабыл, что надо вставать, спит себе, посыпает. А дедушка поднялся, и он пошел опять с ним.

14

С нами рядом моего свекра брат жил. У него было два сына, женатай. Они разделились. А у меня золовка была, она как раз за чем-то забежала. Приходе, рассказывает: «Молились богу... Скатерть расстлали, хлеба положили, соль. Лампадку зажгли. Помолились богу. Эти два брата будут уходить от отца. Один говорит (она-то рассказывает)... братка Ваня говорит: «Хозяин, пойдем с нами жить на новую усадьбу, жить, добро наживать!» И братка Макар так сказал: «А старый хозяин оставайся на старом дворе!» Это она прибежала и рассказывает.

15

Когда Оля переезжала, то на новом месте во сне к ней пришел соседко. Постучался к ней, такой черненький, маленький, и говорит: «Какая ты недогадливая, меня с собой не взяла. А я высмотрел, куда ты пошла, потом махнул, да так в твоём доме и оказался». Говорят, нельзя соседку в старом доме бросать. Я вот не взяла соседко с собой, так ногу изломала.

16

Переезжали одни в новый построенный дом. Так поздно вечером видели, как соседиха, вся обвешанная картошкой, насабиранной на нитку до самого пола, тоже вслед за ними переходила.

17

Была бабушка. Она все узнавала и лечила. Я к ней ходила два года лечилась, когда мы сгорели. И вот я так один раз пришла, у ей сидят две женщины. Одна женщина говорить: «Бабушка, поладь мне курочкам. У меня курицы дома не живут. Как только развидняется, они становятся на насесте на ноги и кудакают, кудакают и кудакают! Вот совсем развидится, они улезут к соседу и целый день домой не заходят — у соседа. А как вечер, они идут домой да вот головы вытягивают, как чего-то видють, как вроде ко-

го-то и боятся. Идут и кудакают. Вот прямо не с охотой идут домой». А она, бабушка, начерпала кружку воды, глянула да говорить: «Вы недавно в селе-то отделились?» — «Да, мы недавно отделились». — «А почему вы хозяина не пригласили с собой? А это у вас он ходит, стонает к вам». — «Бабушка, правда, мы слышим, у нас на дворе кто-то стонает». — «Это хозяин. Он ходит. Он на вас обижается. Вы его позовите. И курочки будут там жить». Но они, может, так и сделали.

18

У нас одне в Сибирь поехали. Вот когда они уехали, люди-то говорят: «Не позвали-то суседка с собой, домохозяина-то. Он каждый день тут ревет». Плакал суседко. Так, говорят, плакал, блажил! Маленький такой, как кошка, мужичок мохнатенький.

19

Дом без домового не живет. Такой случай был. Одни перешли с одного места на другое. По ночам у них в голбце нового дома шум, драка! Что такое? Спрашивают хозяев люди: «Вы домового-то с собой взяли?» — «Да». — «Значит, те не увели. Вот они и дерутся, дом делят». Потом пришли старые хозяева, пригласили своего домового к себе. Шум и прекратился.

20

Мать мне рассказывала. Собирались они в новый дом переезжать. Вещи уже приготовили. А только спать лягут, как кто-то ходит по дому туда-сюда. И ветер какот подул слабенький. Мать-то не знает, что делать, а соседка ей и говорит: «Ты спроси их». Мать пришла да говорит: «Не волнуйтесь, мы вас с собой заберем». Они успокоились. Когда поехали, бутылку водки и хлеба им на окне оставили, если надумают остаться. Да они тоже уехали, звали ведь их, домовых-то.

21

Сядет вся семья за стол есть, а кто-то в чашку — бух! лапоть. А кто — не видят. Это домовый перед переездом напоминал о себе, чтобы хозяева его с собой взять не забыли. На лапте ведь его перевозят. Это вроде его телега или сани.

22

Во дворе есть хозяин, в бане есть хозяин, везде есть хозяин этого жилища. Суседиха — хозяйка дома — в голбце живет. Ее не уважишь, не напрочишься — все! Надо напрашиваться. В хату, во двор лошадь или корову пускаешь — тоже надо напрашиваться, а то суседка любить не будет, вредить станет всяко.

Суседушко-братанушко, люби мою скотинушку

23

Когда скотину в дом вводили, перед порогом под ноги ей скатерку клали, чтобы она на голую землю не ступала, и говорили: «Суседушко-братанушко, скотинушку люби, уважай, пой, корми, чисто води, в люди выводи». Если скотина правой ногой на скатерку ступит — жить долго будет, а левой ногой — помрет скоро.

24

В некоторых уездах Воронежской губернии, когда куплена новая лошадь, ее приводят на двор и пускают без узды со следующими словами: «Нехай уже домовой сам найде для ней место!» Где лошадь остановится, там домовой и желает поместить ее; случается, что ради этого переносят конюшню на новое место.

25

В других губерниях, вводя купленную животину в стойло, низко кланяются, обращаясь к каждому из четырех углов хлева, и произносят: «Вот тебе, хозяин (домовой), мохнатый зверь! Люби его, пой да корми». Или: «Дедушко-атаманушко! Полюби моего черняюшка (или пестряюшка, смотря по шерсти), пой-корми сыто,

гладь гладко, сам не шути и жены не спущай, и детей унимай». Веревку, на которой купленное животное приведено на двор, вешают у кухонной печи.

26

Я взамуж вышла, дал мне отец корову. Скажут корову привести во двор, так надо: «Хозяин с хозяйшкой, берегите мою скотинушку...» А мы не сказали ничего, дак, знаешь, корова неделю стонала. Потом к колдуну ездили да потом по всем уголкам наклали, вот в каждый уголок — и чаю, и сахару, и вот: «Вот тебе, домовый хозяин, гостинца, ты береги мою скотинушку...» Вот. Это уж тоже на себе... Теперь-то не верят, теперь нету колдунов.

27

В Меленках один спрятался в яслях, и ему так повеселилось там, что он увидел, как домовый соскочил с сушила, подошел к лошади и начал плевать ей в морду, а левой лапой у ней корм выгребает и ворчит про себя, но так, что очень слышно: «Купил бы кобылку пеганьку, задок беленькой!» Послушались его и купили. И вот из-под яслей хозяин видел, как с сушила соскочил домовый в лохматой шапке, в желтой свитке, обошел кругом лошадь, осмотрел ее, да и заговорил: «Вот это лошады! Эту стоит и кормить, а то

кушил какую-то кляцю». Стал ее гладить, заплел на гриве косу, ходит да похваливает и сует ей в морду овес.

28

Хозяин черный — держи скотину черную. Хозяин русский — держи скотину русую, а не то он (дворовой) ее защекочет. Купил лошадь отец и никак не ведется. А говорит ему кто-то: сядь в ясли в двенадцать часов, придет дворовой и скажет, какой масти. Тот сел. В двенадцать часов ночи пришел. Садится, воеет, щекочет и говорит: «Хоть хроменькую, но пегенькую, хоть хроменькую, но пегенькую». Пошли на базар, купили хроменькую пегенькую — и перестала хромать. Как печка была эта лошадь. Вот и у нас все красные ведутся.

29

В Орловской губернии хозяин, желающий узнать, какая масть домовому по мысли, берет на Светлое Христово Воскресенье кусок кулича, завертывает в тряпицу и вешает в конюшню, а через шесть недель смотрит: какого цвета завелись в куличе червячки? Именно такой масти следует и лошадей водить.

30

В Ярославской и Нижегородской губерниях советуют покупать коров и лошадей,

применяясь к цвету шерсти своего домашнего; только таких животных он любит и холит, какие на него похожи.

31

Если суседушко коню косу заплетал, то это хорошо, значит, приглянулась ему лошадь. Бывало паршивая совсем лошаденка, а как заплетет ей суседушко косу, так и похорошеет она, ладная да красивая станет. А если не влюбит суседко скотину, то изведет ее. Мокнет да сохнет тогда скотина. Вот стоит в конюшне лошадь привязанная, а вокруг все потоптамо, памято — это суседка на лошади катался.

32

Это со старины говорят, что некотора масть не ко двору. Если на огороде или на дворе есть красная или черная земля, то больше скотина будет стоять этой масти, красной или там черной. Если, например, белая скотина, а белой земли нет, то такая корова жить долго не будет, она не ко двору, значит.

33

А это плел косы лошади на гриве, суседко-то. Какой-то дворовой, чертенок такой. Или вот шерсть выщиплет у коровы, у лошади может, вот шерсти не будет на этом месте, кожа одна будет. Когда-то я вот.

слыхала от отца. Ночью-то надо в полночь выйти, он-де там «чик-чик-чик-чик» — предет шерсть-от, дак спина вся обглодана, шерсти нету у овец. Вот сейчас у дочери овцы есть. Овца вся голая почти что, вот это этот обдирает, весной-то да в апреле месяце. И вот она-то выйдет во двор в полночь, если «чик-чик-чик-чик-чик» — поглядит — кружочек-то на овце вот такой.

34

А мы вот тоже скотинушку покупали, заводили ее в хлев, говорили: «Суседушко, матушка, прими-ко мою скотинушку. Люби ее, уважай ее». А иногда утром встанешь, ну корова вся сырая, вся в мокре. Или у меня коза была. Утром пришла во двор — чудо — сено было как-то сплетено и к ноге привязано. Я думаю, че это у меня коза ногу волочит? Посмотрела — веревка навязана, ее ведь так и не развяжешь, так выплетено было. Пришлось разрезать. Но так руками не сделать. Че-то это есть!

35

В каждом хозяйстве есть домовой. Если не залюбит кого — запарит. Лошадь стояла у нас вся взмыленная и овса не ест. Если не залюбит корову, та ослепнет. У нас ни черные, ни белые коровы в доме не водились, сивые тоже не велись. Была у нас

сивая, так зайдем в конюшню, у нее хвост и грива перепутаны, как человек заплел. Вот поди-ка докажи.

36

Раньше у нас говорили: если животное не ведется, значит, она домовому хозяину, не ко двору. А чтобы скотина была справной, велась, надо во дворе держать баханку (козла). И вот у того, кто хорошо жил, всегда козел во дворе ходит. У Павловских был большой старый козел. Все по улицам объявления читал. Только пройдет тот, который клеил, козел слизнет объявления и лижет этот бурдук, клейстер. И был у нас серый конь. Говорили, на нем сусе-душка ездит. Вечером сухой конь, утром весь закуржавеет, стоит, на ногах еле держится. И стали баханку запускать — все стало хорошо.

37

Говорят, вот если кошка погибает, не взлюбил дворовой твоей кошки. Не самой-то кошки не полюбил, а шерсти не полюбил. Я как рыжего кота возьму, так и помирает. Серые живут, а рыжие помирают.

38

А вот это бывало. Если лошадь потеет шибко ночью, то яманий лоскуток привязывали к шее. Это вот суседка не любит. Значит, яманий лоскуток привязывали, вот

к шее привяжут, он бросает, не будет лошадь потеть. Это суседка. Конь ходит и ходит — весь мокрехонек. А никто не видел.

39

Раньше скотину держали — все нормально было, а эта каждое утро мокрая. Сказали, что ее не любит хозяин. Надо деньги в конюшне по углам побросать. Так и сделали, так, вроде, помогло.

40

У нас кони не стояли: то пропадет, то ногу сломает. И вот один старичок отцу говорит: «Ты двор перетащи на новое место. Не поленись, перетащи. Отступи вот сюда и перетащи (это значит на новом месте загородить надо). У тебя кто-то враг есть или кто-то подсмеивается». А раньше же шаманы эти были. Но ладно. Че сказано, то сделано — это в пословице говорится. Взяли и перетащили двор на друго место. Перегородили. Взяли новую кобылу. Она ожеребилась. Он начал продавать коней. И в колхоз только сдал десять. Видел? Как получилось. А то у нас за полтора года восемь лошадей ушло на тот свет.

41

Суседко — он мыши больше, а хомяка меньше. Мы справно жили, сивая кобыла

у нас была. Утром встанешь — вся грива у нее в косах. Это суседка плетет. Я и говорю: «Давай, тятя, все обрежу». — «Ни в коем разе». Бабушка один раз видела, как суседко кусочки сена лошади спускает. А как бабку увидел, так на повити ушел. А лошадь та добрая была.

42

Говорят, что суседко есть в доме. Волосы по ночам плетет, а стричь эти косы нельзя, не то суседко рассердится. А выпавшие волосы под порог надо класть, суседко их заберет. А в конюшне суседко лошадям гривы сплетает. У нашего коня грива длинная была. Мама видела раз: лежит конь, а у гривы что маленькая черная собачка, суседко и есть.

43

Раз уж к корове ходил. Ночью придет и молоко выпьет. Утром придут — нет молока у коровы. Стали следить. Однажды выследили: ползет ужик, обвил ее ногу и висит. А корова полюбила его. Пробовали оставлять ее на ночь во дворе, так она редела страшно. Пришлось продать корову, раз повадился суседко ее доить.

44

Брат мой видал суседко. Братишка мой, семнадцать лет ему было, шел как-то до-

мой поздно вечером с улицы. Видит: соседко сена кобыле дает. Из себя он — маленький старичок. Видно, соседко любил кобылу.

45

Баба была у нас шибко вредная и скотину обижала. Корова у нее добрая была. Вот поставила она корову в хлев-то да и спать легла. Видится ей во сне, что мужик сидит подле коровы и доит ее. Утром встала, пошла к скотине, доить стала, а молока-то и нет! То, видно, соседко ее наказал. Скотина-то она ведь тоже живность — нельзя ее обижать.

46

В одной деревне Череповецкого уезда домовой, навалившись ночью на мужика и надавливая ему на грудь и живот, прямо спросил (и таково сердито!): «Где Серко? Приведи его назад домой». Надо было на другое же утро ехать в ту деревню, куда продал хозяин лошадь, и размениваться. А там тому рады: у них, когда вводили лошадь на двор, она фыркала, а на другое утро нашли ее всю в мыле.

47

Бывают лошади «двужильные» (переход от шеи к холке раздвоенный), в работу негодные — служат только на домового. Кто

об этом дознается, тот спешит продать за бесценно: вся беда в том, что если она околет на дворе, то сколько лошадей ни покупай потом, все они передохнут (счетом до двенадцати) и нельзя больше держать эту скотину. Вот только в таком единственном случае, как ни добр нравом, всякий домовый неуступчив. И тогда пробуют поколелую лошадь вытаскивать не в ворота, а в отверстие, нарочно проломанное в стенке хлева, — и то не всегда помогает.

Добры помощник

48

Домовой любит те семьи, которые живут в согласии, и тех хозяев, которые рачительно относятся к своему добру, в порядке и чистоте содержат свой двор. Если из таких кто-нибудь забудет, например, замесить коровам корм, задать лошадям сена, домовый за него позаботится. Зато ленивым и нерадивым он сам охотно помогает запускать хозяйство и старается во всем вредить: заезживает лошадь, мучает скотину, забивает ее в угол яслей, кладет ее вверх ногами в колоду, засоряет навозом двор, давит каждую ночь и сбрасывает с печи и полатей на пол и хозяина, и хозяйку, и детей их...

Вот у нас раньше тут было. Уехали у нас одне, никого дома не осталось, а скотина-то не ревет. День прошел, другой. Вот соседи-то и решили подсмотреть, в чем тут дело-то. А того не знают, что это домовой и домовиха всю скотину кормили. Глянули они во двор, а там домовой с домовихой катаются. Вот и поняли, почему скотина не ревет, кто ее поит, кормит. А суседко на всех обиделся и ушел со своей суседкой из дома. Так скотина потом три дня ре-вела — смотреть-то за ней некому стало.

Я еще девчонкой была, а помню. Как-то в память все позапало. Лошадка у нас тогда была. Наповадился к нам в стайку кто-то ходить да косичку заплетать. Вот как-то однажды дед пошел в сарай — у лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверное, домовой». А смотрит, старичок сидит. Он и говорит: «Сидишь?» А тот сжался весь, махонький такой стал, да так тихонечко покряхтел. А сам косу-то плетет. Мать моя частенько тоже поговаривала, мол, уйдет куда-то, вернется — а в избе-то уже все прибрано. Маленький, говорит, такой, седенький.

Мала я была. Сяду и ноги протяну по

окошку. Сажу на подоконнике. И вот это смотрю (а я на кухне сидела): западня открывается, выходит оттуда женщина, такая вот большая. Выносит это, раньше-то хлеб тварили, силвисом называлось, квашонка. Она все это вынесла, муку принесла, давай муку сеять. Квашонку растворила, на печь задвинула, а сама опять ушла в подвал. Я так глаза закрыла и сажу. Я ее испугалась. Знала, что такой женщины у нас нет.

52

Отец рассказывал, бочка у нас во дворе была для воды, в нее лошадь запряжена. Раз отец смотрит: нету бочки во дворе. Зимой дело-то было. Вышел на улицу, смотрит: суседко воду в бочке-то везет. А в бочке дырочка была маленькая. Суседко везет, а вода-то выливается. Вода-то вылилась, да и сам суседко к бочке примерз. Вот как воду-то в дырявой бочке возить. А какой он, суседко-то, отец не рассказывал.

53

У одной старухи батрак землю пахал, а как зашел домой, слышит шаги на чердаке, кто-то ходит. Поднялся, а там небольшой мужичок в красном колпаке. Домовой дом охранял, пока он робил.

Это уж я своими ушами слышала. Построил в травяной пади один наш мужичок зимовье. Скот там пасти, то, друго... Скотину перегнали. А перед тем попросился у домового: «Хозяин, хозяин, пусти меня к себе и скотину мою жалуй». На ночь каши наварил полный горшок, сам не тронул, а на шесток домовому поставил. Ну вот. Загнал во двory скотину, стал жить, пасти.

И как раз дождь был. Он промок весь, к вечеру загнал скотину во двory, пошел, согрелся и уснул. Спит, вдруг кто-то его за плечо встряхнул: «Хозяин, хозяин! А быки-то твои становик разбили, ушли вверх по пади (становик — изгородь из леса)». Соскочил он. Выбежал: правда, двory пусты. Он на коня и вверх по пади. И уже в вершине догнал, заворотил. Потом снова как-то... Спит, слышит: «Хозяин, у тебя зимовье-то горит!» Проснулся: вот беда! Все огнем занялось! «Дедушка-домовой, помог бы мне тушить-то». И сразу дело лучше пошло, затушил скоро, ничего как-то не погорело.

Под Орлом знают про такой случай, когда домовые раздобрились для своих любимых хозяев так, что помогали им в по-

левых работах, а неудачливого спасли тем, что наладили его на торговлю, и на этот раз с таким же успехом, что все дались диву и завидовали.

56

Будучи бережлив и расчетлив, домово́й не считает грехом таскать из чужих сеновалов и закромов корм для своей скотины. Домово́й не дает и лешему потешаться в хозяйском саду, и ведьмам не позволяет задаивать хозяйских коров; он устраняет всякий убыток и противодействует замыслам нечистой силы.

57

Тетя у нас жила в Пермской области, плохо у них было что-то. У тетки сивый мерин был, а рядом у соседа лошадь была такая же. И парнишки у них одногодки, лет по восемь им. У них женщина жила, пошла ночью, видит: мальчик охапку сена несет. Лошадь заржала. Она подбегает к тетке и говорит: «У тебя Семен от Митьки сено носит». Посмотрели, а Семен спит. Это суседко носил лошади еду.

58

Если он замечает покушение на излюбленное им жилище со стороны соседнего домового, если, например, он уличит его в краже у лошадей овса или сена, всегда

вступает в драку и ведет ее с таким ожесточением, какое свойственно только могучей нежити, а не слабой людской силе. Но одни лишь чуткие и прислушливые люди могут слышать этот шум в хлевах и конюшнях и отличать возню домовых от лошадиного топота и шараханья шальных овец.

59

Нередко домовые хозяева терпят от ссор, какие заводят между собой соседние дворовые, несчастье, которое нельзя ни отворотить, ни предусмотреть. В Вологодской губернии злой дворовушко позавидовал своему соседу, доброму дворовушке, в том, что у того и коровы сыты, и у лошадей шерсть гладка и даже лоснилась. Он провертел дырку в чане, в котором добряк возил в полночь воду с реки. Лил он, лил ее в чан и все ждал, пока вода сравняется с краями, да так и не дождался: и с горя на месте повис под нижней губой лошади ледяной сосулькой в виде маленького человечка в шерсти.

60

Заботы и любовь свою к семьям простирает иной «доможил» до такой степени, что мешает тайным грехам супругов и куда не успеет вовремя наказывает виновного тем, что наваливается на него и каждую ночь

душит. Так как всей нечистой силе воспрещено самим Богом прикасаться к душе человеческой и трогать ее, то, имея власть над телом, домовые не упускают случая пускать в ход шлепки до боли и щипки до синяков. Не успеет виновная, улегшись спать, хорошенько забыться, как почувствуется в ногах тяжесть и пойдет она подниматься к горлу, а там и начинает мять так сильно, что затрещат кости и станет захватывать дыхание. Одно спасение на такие случаи в молитве, да и то надо изловчиться суметь собраться с духом и успеть проговорить вслух ту самую, которую не любят все нечистые: «Да воскреснет Бог!»

61

...Вот нам тетя говорила, что нельзя с веревкой баловаться, а то черт подтолкнет в петлю и удавит. В Кушаках, говорит, одна девка рассердилась на мать. Той дома не было, она и думает: «Я ее напугаю». Привязала веревку, встала на табуретку и только хотела петлю надеть, как почудилось ей: старичок с белой бородой. Он говорит: «Не балуйся, нельзя!» — и исчез. Она бросила веревку, а тут кто-то за спиной как выбьет у нее табуретку из-под ног! Она упала, чуть не умерла со страху. А черт (его не видно) ругается, все тише, тише и не слышно стало.

Татьяна в положении была. А у них было две избы. Вот она что-то зашла один раз в старую избу, а из-под печки маленькая женщина: «Уходи, — говорит, — скорей из избы». Та только вышла, тут матица и обвалилась. Это суседица ее предупредила.

Как-то раз полезла я в голбец, да сорвалась. Руками успела ухватиться, их крышкой придавило, вот-вот упаду. Молиться стала. Тут вдруг крышка немного поднялась, и снизу мне в ноги сила как даст, что я так и вылетела. Вот, я думаю, домовой мне помог.

У Татьяны-то с Володей, соседей наших, домовой есть. Перед войной они с самого утра в поле ходили, раньше ведь строго было. Кольке ихнему год был, его дома оставляли. Кормить приходили, а он ревет-заливается. Через некоторое время приходят домой, а ребенок лежит сытый и улыбается. И так стало каждый день. Не знали, что и думать. Однажды заходят в дом, смотрят: кто-то маленький, с метр всего, мохнатый, мальчика на руках держит. Их заметил, Колю-то положил аккуратно, а сам в печку юркнул. Потом видели, как

домовой мух отгонял от кровати и кошку не пускал.

Ночная пряха

65

Кто знат — правда, нет. Все уж теперь на дьявольскую жизнь перешли. Раньше ведь говорили: «Ой, не благословясь положила прялку-то сегодня, дак поблазнилось, будто суседиha пряха. Пряжа-то вся спутана была». Все ведь раньше благословясь делали.

66

Пришла раз с вечеровишша на полати, еще поела. Чую, как ввернет на полу веретенушко. А ишшо синенький маленький огонек горит. Я че-то взяла и голову высунула — так все и пропало. А утром-то я спрашиваю: «Ктось вчера прях?» — «Никто», — говорят. — «Идите, смотрите, у кого прялка в сѣсках». Посмотрели, дак вся бородка исполосована. Не благословясь веретено оставили. Вот так.

67

Мама спала дома; выйти захотела. А ночь лунная была, она увидела: женщина, вся в голубом, волосы черные, коса длинная, прядет. Около нее мальчик лет четырех си-

дит, черненький, стриженный. Она шелохнулась — и в голбец, все исчезло.

68

Мама пряла. Они с отцом спали на кровати, а мы на подстилке — все ребятишки. Когда мама придет в прялочную, положит под столик простеночный пряслицу, тогда идет спать. Так вот, мы спали, я приоткрыла глаза. Зимой темно, вижу: идет из-под голбца маленькая бабка в сарафане и рубашке, в платочке. Подходит, берет прялку и начинает прять, потом положила и пошла. Я поползла за ней на четвереньках, она ушла в голбец.

69

Я у свекрови жила, а та все пряла. Ночью я пробудилась, смотрю: сидит старуха у месяца, прядет свекровь-то, не спится ей, видно. Я ей утром говорю: «Ну, много напрядла за ночь-то?» — «А я и не пряла, я и не вставала». Это суседица в нее переделалась! Как похожа была.

70

Домовой предвещает беду. Он в каждом доме есть. Один раз бабушка рассказывала: сплю-де и слышу — жужжит веретено, а кто прядет у меня, боюсь посмотреть. Потом все-таки глянула и вижу, что на шестке свеча горит. Подняла голову, а там

женщина сидит, суседка-то. Прядет да прядет. Бабка молиться начала: «Господи, помилуй мя, грешную». И не стало ее. А после этого корова у нас пропала, спряла корову-то. А пряла-то она бойко.

Суседиха сеет муку

71

Я сама лично чуяла, как суседко муку сеет. Мужик у меня да два деверя уехали пахать, я одна спать легла. Только уснуть не могу: чую, что суседко муку сеет. Сеет, сеет... Что-то похлопает, опять сеет. Я голову подняла, послушала — опять сеет.

72

Старик у меня на кровати спал, а я что-то на печь легла. И вот вижу во сне: баба толстая такая сеет муку и на меня смотрит. Фартук у нее повязан, а сверху до пояса голая. Платок на голове. Вся аж трясется, сеет. На работе Таня сказала, что это к хорошему, когда тебе суседиха муку сеет, значит, в хозяйстве помогать будет. И правда, в новом доме стали лучше жить.

73

Соседка стряпала, а решето потом забыла перекрестить. Так он у нее решето-то ута-

шил. Долго потом искали. Все ведь крестом закрывать надо, чтобы порядок был. Суседко порядок любит. А то еще муку оставят без креста, дак потом слышат, как суседко ту муку в голбце сеет, шебурчит да щелкает. Вот он и сеет на пол.

Кому домовый косы заплетает

74

Жила у нас старая девка, незамужняя, звали ее Ольгой. Ну, все и ходил к ней дворовушка спать по ночам и всякий раз заплетал ей косу и наказывал: «Если ты будешь ее расплетать да чесать, то я тебя задавлю». Так она и жила нечесой до тридцати пяти годов. И не мыла головы, и гребня у себя не держала. Только выдумала она выйти замуж. И девичник настал: пошли девки в баню и ее повели с собой. В бане стали ее мыть. Начали расплетать косу и долго не могли ее расчесать: так-то круто закрепил ее дворовушко. На другое утро надо было венчаться — пришли к невесте, а она в постели лежит мертвая и вся черная: дворовушко-то ее и задавил.

75

С моей сестрой так было: ляжет спать с распущенными волосами, а встает с косой.

42

Говорят, после этого нельзя волосы обрезать, косу-то, а то глаза заболят. Это домовый чудит.

76

Я от бабушки слышал. С ее подругой было. Я, грит, сплю ночью, мне, грит, снится: у меня парень — ну, я будто в молодости, я с парнем — он меня че-то за волосы по голове гладит, целует. Я, грит, проснулась, думаю: «Че такое?» Ну, как ощущение рук, волосатых рук. Слышу голос: «Спи, спя». Я — раз! — грит, повернулась и опять сплю. Такое ощущение легкости. Вот утром, грит, встала, четыре косички заплетено, не две, а четыре. Она сначала не поняла, че к чему. Ну и, говорит, месяца два продолжалась такая ерунда. Потом и муж пришел (старик уж тоже), а они спали отдельно друг от друга — че там у них, я не знаю. Вот утром встанет, на нее посмотрит — она заплетена, но косички, все заплетено. И вот он начал потом (...), в подпол залезет и давай: картошку они всю оттуда выгребли. Ну и все, вроде ниче нет. А потом старуха научила: принесите, грит, ветоши. Ну, это трава, которая на зиму остается. Ветоши, грит, принесите, облейте водой. Водой, грит, облейте: ну, чтобы она не горела — дымила. Зажгите ее и все. Они — раз! — зажгли, и все, не стало.

77

Да, домово́й у нас поселился. Да залюбил он меня, видно: с мокрыми волосами спать лягу — косички на утро заплетены. Не вру. Только я у него спрашиваю: «К чему плетешь: к добру или к худу?» — так молчит, стеснительный, молоденький, видно. Ведь старый домово́й живет с молодым, обучает его, чтобы замена была. Они, как люди.

78

И мужикам тоже косички плетет. У меня дедушка был, у него борода — вот по мизинцу все соски, соски. Их обрезать нельзя — неладно будет. А так не расчешешь, не раздернешь.

79

У свекора на бороде косы были. Одну состриг и стал хворать. Не спать стал. Суседко его не залюбил за то. Так он говорит: «Суседушко-батюшко, я ведь не знал».

Как домово́й поминает своего хозяина

80

На поминках обязательно и домовому ставят сто грамм и хлеба черного. Так положено. Он тоже хозяина помянуть должен.

81

Вот токо унесут покойника из избы, голбец тогда открывают, чтобы суседко тоже вышел, простился с хозяином-де.

82

Не видала я суседку, но слышала, как покойника из избы выносят, так он в ту пору выходит, провожает своего. Тут его и узнать как-то можно.

83

Старушка померла. Пришли женщины обмыть, одеть ее. Вдруг слышат: идет кто-то из подвала, стучает сапогами. Суседка, говорят. Женщина одна подвал перекрестила, все прекратилось. Потом они ушли, а племянник покойной остался в доме; напился, видно. Так суседка ночью выгнал его оттуда. Двери закрыл, не пускает его, а сам колотит. Парень-то с испугу раму вышиб и убежал.

84

Друг у меня один был. У него отец умер. Похоронили отца-то, помянули. Люди разошлись. Так за день умаялись, что ничего убираться не стали. Ну, меня мать его упросила ночь побыть. Спать-то и ложиться не стали, сидим в темноте. Тишина тягостная. Вдруг кто-то ложкой стучит и говорит: «А у них кисель-то вкусный». Я так

к месту и присох. На Вовкин (это друг мой) голос не похож, а кроме меня и его — мужиков-то не было. Мать-то его к выключателю бросилась, свет включила: никого нет! Так до утра со светом сидели.

85

Говорят, что если покойник помрет, старшая голова, то обязательно нужно какую-то скотину заколоть. А у нас так получилось. Мой папа помер в марте. Думали колоть боровчана, а дядя говорит: «Поково его колоть? Ни рыба, ни мясо!» После зимы-то купили мясо в лавке и похоронили отца. А стары-то люди говорят: «Почему же вы не закололи этого бычка? Надо бы заколоть, ведь он (отец) у вас голова семьи был». Я говорю: «Дак он сухой был». ... И только трава пошла от земли, этот бычок наелся и пропал. Покойник-то, говорят, не просит, а свое возьмет. И после этого пошло: то подавится скотина, то сдохнет. Нам и сказали: «Надо масть сменить». (Вот вывели мы эту масть и взяли красненьких, и вот они у нас пошли).

Домовой давит спящих

86

Я на себе испытала... Я его, конечно, не видела, только чувствовала. За руку поймала. Рука-то мягкая-мягкая. Я родила

46

Вовку в сорок первом году, в апреле, перед войной. Я родила, наверно, часов в одиннадцать, а где-то в двенадцать слышу: с печки спрыгнул кто-то и ко мне идет. Я крикнуть-то хочу, а не могу. А потом как-то рукой его схватила... Рука-то моя — как в пух. Мягко че-то, тако, пушисто! А я никакой сроду молитвы ниче не знаю. Лежу, думаю: «Господи!» А мужик-то у меня с ребятишками на полу. Спал крепко, если он уснет, его не разбудишь. Он мне притащил палку: «Если че тебе надо, попить или че ли — потычь меня. А то пока меня будишь и ребят разбудишь». Я лежу, боюсь пошевелиться. Потом разбудила его... Я так всю ночь пролежала с открытыми глазами. А потом, назавтра-то, свекровка пришла, я ей и стала рассказывать: «Мама, — мол, — так и так...» Она: «Ах ты... что же ты его не спросила, к добру или к худу?» Я говорю: «А я испугалась. Мне не приходилось, и я не знала...» Она на меня посмотрела, но ниче мне не сказала. И видимо, подсказала, чтобы убрали все зеркала. Дня три, наверно, прошло, я встала, вижу: ни одного зеркала нет. «Где же зеркало у нас?» — «Не знаем!» А потом (уж много времени прошло) я взглянула в зеркало-то: а у меня на шее на этой стороне три и на этой — два, пальцы-то...

87

Нам в Сибирь надо было ехать завтра. Лежу ночью, слышу — дверь в подполье открывается. И наваливает на меня такая тяжесть, что дыхнуть нельзя. А Гриша со мной лежит. Я кричу, кричу, а он не слышит, да и голоса у меня нету. Раза два так душил.

88

Я в больнице лежала, есть не хотела, все лежали в палате и кушали. Вижу перед собой трех баб с белыми волосами, в белом платье в горошек, в синем с полосами. Кричу: «Девки, видите, кто-то меня в постель вдавливают». Они орут: «Открой глаза-то. Никого нет».

89

Я на диване спал. Руку положил на подушку. Чувствую, давит что-то на руку мягкое. Думал, кошка. Я другой рукой накрыл ее, а ничего нет, свою руку поймал. Наверно, домовый был.

90

В домах суседко водится. На спящих давит. Это от того, что не благословясь ложились спать. Недолго ведь перекреститься. Ну не перекреститься, так хоть сказать: «Господи, благослови», ну и суседко не будет тебя давить. А то давит. Никто не

видал, как давит, только говорят: «Мне опять во сне виделось что-то».

Домовой предсказывает будущее

91

Охотнее всего домовой старается предупредить о несчастиях, чтобы умелые успевали приготовиться к встрече и во всевозможных случаях отворотить от себя неблагоприятно, а догадливые разумеют те знаки без слов, какие он подает, когда ему вздумается. Быть в доме покойнику, если слышится его плач, иногда в самой избе. Иногда у трубы на крыше заиграет в заслонку — будет суд из-за какого-нибудь дела и обиды; обмочит ночью — заболит тот человек; подергает за волосы — остерегайся, жена: не ввязывайся в спор с мужем, не грызись с ним, отмалчивайся, а то, наверно, прибьет, и очень больно. Загремит домовой в поставчике посудой — осторожнее обращай с огнем и зорко поглядывай, не зарони искры, не вспыхнула бы непотушенная головешка, не сделался бы большой пожар.

92

Однажды мне домовой приснился с такими лапищами мохнатыми. Давит и давит.

Я вначале молилась, потом материться стала, его матюками только можно. Рука такая длинная, вся в волосах... К худому это. У меня зять задавился в то время.

93

Первого мужика в армию отправила. Ночью было. Вижу — сшумело только за печью, испужалась, чую, как копыта катятся ко мне. Дак вдруг че-то надавит на колени, на ноги-то и в рот мне дунет. А я-то: «К худу ли, к добру ли?» Мне и в рот-то дунуло.

94

Меня суседко не один раз давил. Из-под подполья выкатился, мохнатый, как медведь, навалился на грудь и давит, давит на меня. Я дышать не могу, кричу: «Уйди, мол, уйди!» А потом спросила: «Живой мой мужик или нет?» Он и отвечает: «Живой, как я».

95

Рассказывают, что домовой не любит по ночам оставаться впотьмах, высекает для себя огонь с помощью кремня и огнива и с зажженными восковыми свечами обходит дозором хлева и конюшни.

96

Он редко показывается человеку, и большей частью бывает это перед каким-нибудь несчастьем.

50

Однажды работница, проснувшись поутру, затопила печь и пошла за ведрами, чтобы воды принести; хватъ — а ведеp-то нету! Видно, думает, сосед взял; бросилась к речке и видит: домово́й — маленький старичок в красной рубахе — черпает ее ведрами воду, чтобы напоить гнедуху, а сам так и уставился на работницу — глаза, словно каленые уголья, горят! Испугалась баба, побежала назад, а на дворе беда: всю избу пламенем обняло!

97

Простонародье верит, что домово́й весь оброс густой шерстью и мягким пушком; даже ладони и подошвы у него в волосах, только лицо около глаз и носа — голое. Мохнатые подошвы его обозначаются зимой на снегу, а ладонью домово́й гладит по ночам сонных, и те чувствуют, как шерстит его рука. Если он гладит мягкой и теплою рукой — это предвещает счастье и богатство, а если холодною и щетинистою — то быть худу.

98

В сороковом году выселяли из маленьких хуторов в большие деревни. Мы у дяди жили. Вот спим однажды, а мне не спится что-то. Смотрю: вдруг двери открылись, идет по лестнице женщина, черная юбка, широкая, с оборками. Вот подошла она

ко мне и села на лицо голой жопой, давит меня. А сама холодная-холодная. А тут у нас была печка, я ногами до нее дотянулась, она и стукнула. Женщина и ушла. А утром лошадь сдохла у нас, еще я ногу сломала, в больницу меня положили. Ночью опять будто врач сел на лицо без штанов, дак он горячий был. Вот у меня нога-то и срослась быстро.

99

Один раз, когда внук Алеша был в армии, от него долго не было писем. К нам прилетел белый голубь и стал у нас жить. Зимовал даже с курами в хлеву, никуда не улетал. Тогда же меня по ночам суседко давить стал и тихонько говорить: «К ху-уду». Через три месяца от внука пришло письмо, что их корабль подорвался. Он чудом спасся, а шестьдесят семь человек погибло. Голубь нас извещал.

100

Суседка в каждом доме живет. Без него ни один дом не стоит. Ты его не видишь, а он тебя держит. Ты свою работу знаешь, а он свою. Один раз одеялом меня он одевал. Тепло мне было, хорошо. Я его спросила: «К добру или к худу?» А он отвечает: «Пху...» То ли к худу сказал, то ли к хорошему. А на следующий день сын

приехал в гости с Дальнего Востока. К хорошему, значит.

101

Дядя напротив жил. У него суседка пряд, всю ночь веретено крутил. У них сестра на выданье была, ну и решили ребята загадать, спросили у него, у суседки-то: «К чему прядешь — к худу или к добру?» — «На штаны!» — он им в ответ, да грубо так сказал. Они испугались, голову одеялом закрыли. Так и вышло — к невесте в доме, к мужчине, стало быть, к штанам. А может, то суседка просто себе на штаны пряжу делал? Уж не знаю, а вот так совпало.

102

Ночью нас стук разбудил. Че такое, кого там в сенках носит! А там будто кто по ведрам с водой пинает, сильно так! Пинает и все! Ну, отец выскочил посмотреть, кто из домашних по ночам гуляет. Вышел, а за дверями, в сенях-то, и нет никого, даже кошек нет. Так мы только на домового подумать и могли, что он это ходил да стучался. А потом сестра за водой пошла на колодец, поскользнулась, ногу сломала. Ведра-то из рук выпали, да вот так же об лед и сгромыхали, как в ту ночь.

103

У меня в доме домовая живет. Хрюкает, как поросенок перед несчастьем. Два поросенка пропали, дак он так ревел, так ревел! Перед тем, как от сестры Марья-колдунья мужа увела, — тоже. И вот сейчас что-то опять беспокоится. Боюсь я — беда какая будет, значит.

104

Одна женщина у нас рассказывала: я, говорит, по кухне хожу (а вот так же занавеска у дверей), хожу на кухне, убираюсь. Что такое? Вот такие большие ноги, белые-белые, по комнате прошли, мужские ноги, от кровати-то туда. Пошла, посмотрела — никого нет. А в обед утонул парень-то, брат ее. Вот такое дело. Какое-то есть предвешенье.

105

А вот нынче-то как мне потерять мужа, как умереть ему... Уехала я в Балаганся со внучком. Че-то признали у него. А распутица была, уже по Ангаре не ездили, запрет был. Туда приехали, восемь ден пролежали. Нас выписали из больницы — раз! — Запрет и никуда. И мы там три дня сидели. И вот так расстроилась, и у меня давление поднялось. Температура. Не могу спать. Выпросила у нянечки чайник. Думаю: чайку попью, может, усну. И по-

шла (это было в час ночи). Чай вскипел, я в кружку засыпала и пошла заливать кипятком. Только на кухню-то ступила — смотрю: оттуда, с улицы — словно кто ее приглашал — хвост, как у белки, да пушистый такой. Ростом она будет величиной с кошку. Вот такая коричневая... бордовая, аж блестит... Хвост так растопырила, — и мне под ноги и вот туда, в угол. Что такое? Мордочка беличья и усики такие, и ушечки, как у белки. Белка и белка! Но большая. Глаза светлые-светлые, как у кролика глаза. Я, дурочка, давай ее искать. Поискала — деться ей некуда. В комнату только захожу-ка, смотрю: она опять у меня из-под ног, эта белка, выскочила. Белка — не белка, кошка — не кошка. И опять же она вот так круг да ла — и под койку. Я опять же ее искать. И тут, когда я не нашла никого, у меня так стронуло... Какой-то меня ужас взял. Домой приехала, кое-как добралась. Он уже знал (муж), что я до магазина-то доехала. Чайку сварил, так меня встречал, дверь открыл. И вот эти полдня я побыла с ним. Всю ночь мы с ним проразговаривали. А на завтра в день, во втором часу, он умер.

106

А вот еще случай был. У меня как раз жила эвакуированная из Гомеля женщина.

И вот я в том углу лежу-ка, она вот сюда, а так вот дверь у нас. И вот я слышу-ка: из-за печки бежит, понимаете, как кролик, а лапой-то вот так: тук-тук-тук — ударит об пол. Я сразу взглянула: смотрю, на пороге заяц. Такой белый-белый. И ушечки маненечко черненькие, кончики. На порог-то заскочил, на задние лапки встал и вот так почистился. На ее посмотрел, на меня и скок-скок-скок, убежал. Вижу, Зоя Павловна следит глазами-то вот так. У меня прямо по коже мороз. — откуда же этот заяц? Он убежал, она и говорит: «Ти-ин (белоруска она), у нас трусы е?» — «Какие же у нас трусы (трусы — кролики по-белорусски)? Какие у нас трусы, когда нам с тобой жрать-то нечего! Еще трусов будем кормить...» Теперь что? Раз! — и свет потух. У нас свет был. И у ей на стуле лампа стояла, керосинка. Она зажигает эту лампу. «Шо таке? Айда искать». И пошли мы искать. Ну хоть бы где-нибудь какое было отверстие. Бывает, в доме кошечке делают такое отверстие, чтоб ходила в подпол. А тут такая шшелочка в подполье, он же не мог в эту шшелочку ускочить. Было это в январе (я забыла... так-то бы записать эту дату), а двадцать первого января у меня мужа убили. И потом, когда у меня бабушка умерла... Пошла я по телят (мне так лет

двенадцать было) — что такое? Такая же маленькая собачонка вот так obeжит кругом меня, посмотрю — нету ее. Такая же желтенька. Обратнo прихожу — бабушка у меня умерла

107

С моим дядькой так было. Лег он вместе с сыном спать. А сыну было лет десять. Сыну не спалось. Он открыл глаза и увидел как бы поросычий нос. И он так чмокает, как поросенок. И лезет к нему, а он к отцу под бок. И накрылся одеялом со страху. Потом дядька мой до поросычьего визгу напился, у него вытащили часы и зарплату. Потом моей тетке объяснили: это не к добру, когда видишь домового явно.

108

Алекса́ндре суседко из голбца вышел, по лбу щелкнул, ниче не сказал. И Ваня ейный помер.

109

Сестра мне сказывала. Дочка маленькая у ей была. Тот раз Нюра вышла куда-то, дочка-то одна в избе осталась. Когда вернулась, дочка ей и говорит: «Смотри, мама, под столом кошечка сидит». Ну, она глянула — там нет никого. А дочка-то умерла скоро. Так суседушко перед смертью людям показыватца.

110

Бывают плохие домовые и хорошие. В белом, говорят, показываются — это к плохому, а в красном — к хорошему. У нас мужик шел к дому, поперек моста человечков маленьких красненьких увидел — потом денег много нашел.

111

Говорят, что маленькие суседки есть. Когда мы жили у мамы, я видела во сне. У меня было два деверя. Они на войне тогда были оба. От одного-то было письмо от друга: «Вашего сына Петю ранило. И увезли его в госпиталь на самолете. Больше я его не видал. Жив или не жив? От такого-то числа, в такое-то время». Ну, ладно, хорошо, хоть он сообщил, что увезли в госпиталь. И больше письма не было. Я говорю: «Мама, я видела во сне, ровно Петя у нас пришел вот такой маленький». А Петя, он у нас высокий был. А тут малюсенький такой. Мама-те и говорят: «Суседко-де его приехал, дак он сам-де должен приехать». Потом война уже кончилась, а Петя письма не прислал, сам приехал. Здоровехонек, руки-ноги целы.

112

Были у меня сыны на войне. И я пошла узнать, живы ли дети. Была одна женщи-

на, водила, у дворового спрашивала. Вот пришли во двор, она стала звать: «Черт, выходи! Водяной, выходи! Жировой, выходи!»... Всех собирала. А я стою, боюсь, думаю, вот: сейчас выйдет, задавит. Долго не выходил. Потом она в другой хлев сходила — он и вышел. Сошел, меня по лицу провел, по губам, потом по плечу. Серед хлева встал и говорит: «Ну, спрашивай!» Прокашлял, как старичок: «Расспрашивай!» Ну, мы стали спрашивать. Я спрашиваю, живы ли у меня дети. «А один, — говорит, — в танке погиб, в танке», два раза повторил. «А другой сын, — говорит, — в Англии в плену». — «Ну, так мне видать ли его?» — «А через три года увидишься». А мне так и не пришлось увидеть...

Тут другая женщина была рядом со мной. «Ну, — говорит, — мне расскажи, живы ли у меня дети». — «А у ты, — говорит, — три сына погибли, а еще остался четвертый сын. С тем доживать». — «А один сын в боях не бывал». — «Ну, не бывал в боях, — говорит, — он поехал на фронт. Его убили по дороге». — «А дочка, — говорит, — еще учится, дак как?» — «А дочка хорошенька, сдает, — говорит, — на учительницу... Ну, довольны вы?» — «Довольны». Мы и пошли. У этой женщины руки развязали: у нее были связаны. Ну, мы вы-

шли, больше ничего. И куда-то ушел этот старичок. Все.

113

Предвещевало у меня: хозяина убило — и мне предвещевало в ту ночь... Теперича. Вечером прихожу-ка домой, убрала все. Ложимся спать мы на полу (раньше коек не было же, деревяшка стоит маленькая, вот ее на постель складываешь). Ложимся спать. Коля у нас в середочке, как поменьше, Аня с краю, я с другого. Слышим: харчит и страшно харчит! Просто как животицу колят, бывает харчание. Я повернулась к печке — вроде как оттуда, из-за печки. Ну, ползет, аж морозит всю... Вот мы лежали, лежали — давай вставать... Приходим к отцу. Отец уже спит посередь ограды (раньше же все спали, вишь, на вышках, на телегах, в амбарах, а сейчас в избах преют. Из-за холоду? Климат изменился, ли че ли? Мы и набегаемся ночью, девками были, кто нас караулит? Отец уже спит, а мы тихонько придем да как не ходили никуда). Я к отцу подхожу, он грит: «Ты чего бегаешь с ребятами? Спать надо». Я плачу: «Тятеьька, вот так и так». Он грит: «А, додумала, со слезами да горем... Ты, Дорка, не плачь». А мне писем от мужа месяца два нету. Я с ума схожу, думаю: «Че же это так долго Иван

не пишет, ниче нет?» Стала тосковать, сны худы стала видеть. Теперь приходим и легли опять-ка на то же место, где спали. Немножко погода как начал опять! Ишо хуже! Мама меня достает через Колю-то: «Вставать надо». Ну кого же! Нельзя лежать никак. Вот мы поперлись опять туды, в дом родной (родительский). Утром я встаю, ребята там остаются, я домой по улице. Прибегаю, отмыкаю, зашла. Все в избе, в подполье соскочила, в амбаре просмотрела — ни даже не подкопаться не к чему. Идет бабушка Мончиха, старушка у нас жила, соседочка. Славная такая, ворожейка. Все угадат! «Тетя Фрося, Ефросинья Ивановна (ее развеличиваю). Вот така и така штука». «Ой, девка... Давно тебе от Ивана че было?» — «Давно уж ниче нет, месяца два, наверно». Она записала на како число-то все это дело. И точно: мне извещение пришло, стала смотреть... Александр Константинович был, учитель, пришел и говорит: «Вот, Дора, пожалуйста, факт налицо. Его убили, а «хозяин» дал тебе знать, что хозяина у тебя теперь нету. Вот видишь, как совпалось».

114

Ночью придавил меня кто-то, больше кошки, черный, за горло душит. А я слышал, что он — предсказывать может человеку.

Я его схватил и спрашиваю, зачем он ко мне пришел. Он говорит: «Меня Бог послал. Берегитесь девятого июля». И исчез. Я матери рассказал. Потом девятого июля на меня хулиганы напали — еле ноги унес.

115

Когда в дом новый входят, то как обычно святой водой побрызгать надо, а кто говорит, посуду надо вперед завести. Вот знаешь, когда мы этот дом построили, и еще тут избушка рядом стояла старенькая. И я взошла ночевать сюда, в новый дом, конечно, еще ничего, даже кота не впускала, ни святой водой этой не побрызгала — ничего. И вы знаете, лежу, еще матрац такой пружинистый положила прямо на пол. Ну, перинка, и легла. Вы знаете, и вот действительно, вот этого я никогда не забуду. Ну какое там время? Двенадцать часов ночи. Вы знаете, вот только задремала, и что-то такое холодное жметя ко мне сзади. Я вот так потрогала: голая голова, холодная, как будто новорожденный ребенок. Я говорю: «Худо или добро?» А оно: «Худо, худо». Боже мой, я уже до утра не спала, еле дождалась, когда рассветет.

116

Мальчишка у меня родился в сорок пер-

вом году. И после этого начало меня давить — хоть одна не спи... Однажды вот так задавил, задавил, задавил — мизинчиком не пошевелишь. Ну, старухи стали говорить: «Ты, мол, спроси, к худому или к хорошему». И вот мужа не было дома, он в командировке был. И вот я здесь на коечке, около коечки на стульчике ребеночек лежит. Натопили жарко в избе. Бабушка у меня ночевала. Уснули. И слышу: два мужчины подходят, слышу прямо чисто наяву. Два мужчины (обои такие видные, при костюмах, рубашечки чистенькие) посмотрели, говорят: «Мальчик... Мальчик маленький». В головах встали, вот стоят они обои, че-то шепчутся. А я уже чувствую, меня уже задавило, чувствую, что все, сейчас умру-ка... А они шепчутся. Думаю: «Че же они хотят, убить меня или че?» И вот на ум-то припало, что бабушка говорила, я я по уме-то: «К худому или к хорошему?» Два раза. Сказать-то не могу. И вот один вот с той стороны: ху-у-у — как дыхнет! Вы понимаете? Жаром, как из каменки в бане! Даже вроде как вспотела я. А потом как до ног дошло, да как заморозит! Все тело как закоробило — и отпустило. Я соскочила и говорю: «Бабушка, бабушка, зажигай огонь. Я сон нехороший видела». И бабушке сразу рассказала. Она говорит: «Девка,

че-то нехорошее... Че-то нехорошее. У тебя бы два мужика не было. У тебя, однако, два мужика будет». «Да ты че, бабушка?» И действительно, в этот год Сашу угнали, убили. Шесть лет прошло, за Николая-то вышла, тридцать лет с Николаем прожила. И все-таки нехорошо: вперед меня умер.

117

Лошадка у нас была. Стучал кто-то ночью долго в дому, нам спать не давал. Колотил и колотил всю ночь. Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: «Батюшко милостивый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?» Он еще три раза постукал. Федя поехал, лошадь под ним и преставилась. Только положил бревно — она уже была плоха,—только положил, лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленницы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уже мертвая была. Сдал он ее на мыло.

118

Есть домовые, есть, да. Вот раз у сестры было. Сидели оне раз с мужем за столом. Вдруг словно плетью два раза по столу ударило. Тогда муж и говорит: «Это домовый две души высек». И верно — через

два дня у них сына убило, похоронка пришла. А ишо через неделю дочь погибла, обожгло ее на заводе. Так что есть она, сила, верить нужно.

119

Слышал я про суседку. Ваське, сыну, как погибнуть, все блазило, что как за рамой кто-то досками щелкает, словно гроб делает. Не к добру все. Сейчас не блазнит нигде, сами люди — биси-то.

120

Лежит женщина одна ночью и слышит, что прядет кто-то. Посмотрела: она сидит, суседка, суседиха. Вся в тряпье, в рубцах, страшная, маленькая. «Не смотри на меня, — говорит, — а то такая же будешь». И скоро у нее пожар был. Все сгорело, и она тоже. Нельзя смотреть на них, не к добру они показываются.

121

У меня племянник летом был из города. Ушел он с утра гулять, на велосипеде кататься. Я стою, рыбу чищу, слышу: «А Максим-то...» Думала, что прислышалось, ан нет, точно ведь Максим с велосипеда упал, да так сильно! Вот, предупредил меня домовый об этом.

122

Тут сосёдка моя квашонку поставила и го-

ворит суседке: «Суседушка-братанушка, к добру ли, к худу, к худому дню?» Стала она снимать квашонку, а из кадки-то дно и выпало. Значит, к худу.

123

Как раз к войне было время. Слышу, муку кто-то сеет ситом в голбце-то. Я и говорю: «К чему ты муку сеешь?» — «К худу, к ху-уду». А там-то как раз война началась.

124

Суседко-то бес, бесишко он. Я его не видела, он не покажется. Он меня через холодильник и через койку побил. Я его спросила, а он только «бу-бу-бу» сказал. Не к добру, значит. Вот у сестры Марьи мужика-то и убили после этого. Суседка всегда в голбце живет. Он маленький, как паренек какой. Мария видела, как на лошади скакал он.

125

Ночью, перед тем, как Сережу взять на фронт, ветер задул в избе. Курицы в доме под шишком жили за печкой. Спать легли на печку, ветер задул, раздался мужской голос: «Что вы делаете!» И кто-то курицу из-под печки выкинул в угол комнаты. Встали, курица сидит, а ветра нет. Потом мужика забрали в военные лагеря, еще до войны. На войне он погиб.

Бабке тоже приснился домовой. В окно будто лезет и говорит: «Ты, бабка, где хитра да умна, а тут деньги не можешь найти». Домовой, как ее старик (старик у нее умер недавно). Пошла в амбар и нашла у старика в кармане штанов триста рублей.

Если поленница раскатилась, значит уехать в новый дом. Лежу однажды, слышу звук, будто поленница раскатилась. Посмотрела — нет, стоит. Потом и правда переехала в новый дом.

Вот помню в деревне наши уехали все в гости. А ко мне девчонки вечеровать пришли и один парень молодой. Наступила ночь, все разошлись. Сижу одна. И вдруг слышу, как кто-то по чердаку ходит, потом спустился. А потом в огород ушел. Думаю — воры. Если что, я в кадку с водой прыгну, спрячусь. А домовой походил, поскрипел по огороду и по воротам как стукнет! Аж изба задрожала. И все стихло. Утром тетка мне и говорит, что домовой-то к замужеству приходил. Из дому выгонял, значит. И вправду я скоро замуж вышла.

Как-то одна в доме спала. И вдруг где-то что-то стучит. Я давай двери закрывать. На печку залезла, к трубе прижалась. Слышу, на чердаке кто-то ходит. Во хлеву корова замыкала. Думала воры, а что у нас воровать? Потом уже перед утром как запором дало по воротам! Так сильно, что дом затрясся. И блазнить перестало. Пошла во двор, а нигде никаких следов нет. Домовой прогонял, уже перед тем, как замуж выходить.

В Сибири мы жили. Беременная я была. Перед тем, как родить, жила на квартире у одного доброго человека. Один раз ночью слышу кто-то меня по щеке гладить. Думала, муж. Глянь — а мужа-то нет, ушел куда-то. Я со свечой весь дом обошла, никого нет, только хозяева в своей комнате спят. А деревня глухая была, километров триста от железной дороги. Испугалась я, легла. А оно опять. Шершавое такое, теплое, нежное. А утром мне хозяева и говорят, что это, мол, домовый их. Жалеет он меня, значит все будет хорошо. Так и вышло. Родила сына. С тех пор и в домовых поверила.

Домовой кур пересчитывает

131

В страстные вечера домовой кур пересчитывает, давит. Может, не суседко, а ласка, зверек такой. У меня был ребенок, ездили крестить в Камгорт. А раньше зыбки были, вы уж их не видели. Зыбки эти весят-ся против печки. Из-под печки вдруг вылетит и под зыбку, и под лавку одна курица и вторая. А кто их гонял? И никто не гонял. Я сколько жила, такое не вида-дела. Суседко, не иначе.

132

Суседушка куриц из шестка выбрасывает. Шесток — курятник под печкой. Выбрасывает их, когда, видно, что-то не по нему. Курица вылетит, заключет, но жива при этом остается. Откуда такому бесу взяться? К добру ли все это?..

133

В детстве жо опять бывало у нас дома. Домовой живет. А где, кто его знает, может, здесь, а может, там. Курицы на шестке, дак он ведь всех куриц выкидает из шестка. Вот так ночью выкидает, и летают они по всей избе, только так держись.

Домовой «шалит»

134

Часто блазнило мне, что кто-то ночью дверь открывает, по чердаку будто ходит. Выйду на крыльцо — никого нет. Широко кто-то ходит по чердаку, шумно ступает. И еще сидим как-то с мамой дома. И вдруг на кухне вроде мешок упал с житом. Я посмотрела. — ниче нету. Обе ведь ясно слышали, а ниче нету.

135

Давно ребята говорят, нечисто в интерна-те. То свет зажигает, то пятками стучит. А то оборачивается и бегаёт. Не влюбил жильцов-то. Вот их и выживает. Кто его знает, может, и не суседко вовсе, так больше некому.

136

Я когда маленькая была, один раз мы с братом дома были. Слышим, как будто мыши скребутся. Вот. Вышли мы в сенки — там нет никого. Потом слышим, опять «оно» там ведро кидает. Мы опять в сенки вошли. Мишка говорит: «Кто тут?» А «оно» не отвечает. Вот. А бабушка сказала вечером, что «хозяин» приходил. Она вчера-то забыла, значит, ну, каши ему положить, то «он» и пришел.

Дома жила, ребяташками были... Родители уехали, братья ушли в клуб, а нас с Сашкой оставили. Сашка спит, а я нет. Боюсь темноты. Слышу, кошка прыгнула, смяукала. Я притаилась. Слышу шаги тяжелые, как сапогами стучат. Я вся боюсь, вся вспотела. Подходит к кровати, остановился, я одеяло на уши натягиваю. Думаю, сейчас тяпнет. И тут слышу, ребяташки из клуба идут. И — раз! Ничего не стало.

У нас здесь жил старик, и жила девка у него. Вот он и говорит: «У нас ночью лавки стучат, пол трясется. Я пойду корову доить вечером, молоко принесу, на стол поставлю, а лавка и стол дрыгают. Иду с колхозного правления (а окошки мы не закрываем), смотрю, че у нас в квартире творится: станок с красками дрыгает, соскакивает». Стали потом спрашивать у него: «Так кто стучит-то у вас, дядя Степан?» — «А я не знаю». Один раз собрались, на лавки сели. Ну, и стол ходит по избе, все дрожит, да и плинтус стал ломаться, пол подниматься. Все побежали, друг дружку начали мять. Потом посмотрели — весь дом-то развороченный стоит. Старик попросил мужа моего, Павла:

«Застрели того, кто у меня в голбце сидит». А я не разрешила: он у меня кассиром был, деньги возил, нече тут с нечистой силой водиться. Старик-то проситься стал ко всем на ночь, а я ему отказала. А потом у нас так вечером на полатях все закачалось. Но потом прошло. До сих пор понять не могу, что это было.

139

В одном доме получилось... У него сени были сделаны — туды дом и сюды дом. Две квартиры, в общем, но у одного хозяина. Теперь что? Он в этом — в улицу котора — жил. Мужик такой столяр был, слишком не трус, ниче. Дак что ты! Забурит, дак ить... Главно — кирпичи летят с печки-то ночью. А что ты! Ребятишек еще стукнет! Кто кирпичи эти ломат? Сначала стукать начнет, потом вот так начнет. Он бился, бился, но и че ты будешь делать? Учитель у нас был. И еще там грамотны-то люди были. Но пришли. «В чем дело? — проверить надо им. — В чем дело?» Он им: «Дак вот, приходится в одной избе жить, а в этой не живу. Вот как. Пустует». Но те... Ночевали, при их не было ниче. А потом еще раз рискнули. Верно! Кирпичи пошли с печки. Дак ежели бы в окошко, так сказали би: «Кто там?» А то ить тут, с печки, сверху. Дуют кирпичи, и ваших

нет. Но ниче те не смогли. А приезжал цыган. Кастрировал этих, жеребцов, быков. «Чепуху-то! Сичас мы ее выживем! Купи картов колоду, бери в магазине». Тот пошел, купил картов колоду, притащил. Он взял их: «Уходите все! А карты потом посмотрите, куда я положу!» Залез в подполье, карты положил там на место. Ну, те залезли потом, чтоб поглядеть-то, действительно, он их положил. Посмотрели — тут лежат. Но теперя говорит: «Заселяйтесь. Живите. Ему есть чем заняться будет». А кто «ему»? Кому «ему»? «Он, — грит, — в карты играть будет, а не здесь...» Посмотрели, действительно, картов-то нету! Куды девались? Никто не приходил. Хозяин в той половине. Учителя пришли: нету, где лежали, карт. Но давайте, попробуем. И вот хозяин ночевал... нету, ушло. А чем объяснить? И че он знал, ково ли знал он? «Ему, — гыт, — заняться нечем было, он вас и беспокоил». Кто?

140

Стал я вечером как-то спать укладываться. Прошусь у мамки на печь лечь, а она не пускает, говорит: «Ужаришься на печке-то». Но я уперся на своем, прошусь — и все тут. Ну, она и согласилась. Лег я, значит, на печку, совсем уж начал было засыпать. Слышу: вроде как козочка ска-

чет по полу. А у нас-то сроду коз не держали. Слышу дальше, вроде как кто-то крючок откинул, а дверь не открылась. Потом копытца по полу туп-туп до печки (а у нас там вперед бабушка спала, которая тогда как раз умерла). Я как закричу: «Мама!» — и к матери. Больше я никогда не спал на печи. Потом спрашивал у матери, не пугала она меня. Она говорит, что нет. Да и к чему ей это? Так я и не понял до сих пор, что это было.

141

Приехали мы в Демино к бабушке и деду. Взрослые ушли на поле хлеб жать или что, нас оставили одних, а Катерина — старшая. Мы в куклы играли. В доме был голбец, в нем дырка для кошек. Вдруг смотрим: коровья нога стоит у голбца. Мы побежали, хотели задеть, а ее не стало. Отошли — опять стоит. Мы испугались, убежали на улицу. Пошла соседка с нами в дом. Открыла голбец — нет никого.

Как домовый выживает из дома

142

От чужой старухи слышала. Приехала она с Хабаровска и в своем доме домовый-то ее и попер. Ночью она с ним боролась, три

ночи он ее гонял. Там у них стеночка была разгорожена. Девка-то легла в комнате, а старуха-то тут, в трехстеночке. Глаза зажмурила, а тут дед и приходит. Борода — вот эка! Как шагнул, да и лег ей на грудь, а она его хлопнула и говорит: «Ах ты!» И всю ночь, девки, не спала. Опосля встала, покурила. Он опять привязался. И рассказывает: «Какой-то старик ко мне привязался. Вот экой низенький, борода вот эка. Напугалась, девки, всю ночь не спала». Вот втора ночь подошла. Девка ей говорит: «Мама, здесь ложись». А она: «Чья возьмет!»... Он снова подошел, одеяло сбросил на пол. Она говорит: «Ах ты! Тебе че?» Дак ведь холодно, одеяло-то схватила и говорит: «Уходи». А в третью ночь снова. Я уж, говорит, курску богоматерь читала. Боюсь, живот заболел с расстройства. Я его колодой по голове как двинула, а он все не уходит. А наутро-то в баню пошла, светло уж, все на работу идут, а я, говорит, баню-то открыла, а он в дверях. Он меня в баню не пускает, стоит, а морда обезьянья. Захворала, бояться стала. А потом уже ладить стали: ушел дедушка-то, опосля он к ей и не приходил.

143

Здѣсь, значит, жил учитель. И была тоже

здешняя старушка. Вот учитель с женой собрались куда-то и ее попросили: «Ты, бабушка, у нас побудь эти ночи, сколько мы уж погостим, подомовничай». Ну, она и осталась. А старушке лет шестьдесят, наверно, было. И она, говорит, пришла, печку натопила, все честь по чести, и прилегла. На печку прилегла. И вот появился свист. Вот так, говорит, засвистело да так вот кругом просвистело. Да ко мне! Ко мне да на меня, говорит. — Хы! Как дохнет! Но такой запах, просто невозможный! Вот, гыт, невозможный запах. Я, гыт, встала, трубу закрыла, честь по чести, избу-то закрыла на замок и домой прихожу. А дома-то зять был да дочь-то. Оне, гыт, прямо испугались: а это же было примерно в час ночи. «Ты че, мама, че с тобой? Почему пришла-то?» — «Да так, ребята, чего не заспалось мне и я пришла». Это же нужно — вот так встретить.

144

У нас в амбаре чудилось. Михаил пришел туды и лег спать. Он его выбросил. «Вот только лягу, — говорит, — пришел оттуда, он меня за ноги и ко дверям. Ко дверям (вот так, вот так, а ноги на полу. Отодвинусь, лягу, оденусь. Он меня опять тащит. И ушел из амбара; и спать не стал. Ране — у-у-у! — этих делов было.

Жили мы с бабкой на трудовой в двадцать седьмом году. Это дело было на Рождество. Ребята эти — Михаил, Владимир, Иннокентий — ходили в кино, из кина приходят часов в одиннадцать-двенадцать, постукались — я встал, запустил... Теперь легли только, еще не заснули... Застукался! На террасах (окна большие были) застукался так, дак аж эти окна задребезжали. А ее (бабки) отец, значит, тоже у нас был. Но, мол, он, поди, дедушка, пришел, дескать, это. Я выхожу: «Кто?» — Молчит. «Кто?» — Молчит. Что такое? Я не стал отлаживать, побоялся. Теперь разбудил Иннокентия, тот берет левольвер, вот Володя, значит, отлаживает дверь, а я беру топор. Но вышли — никого нет. Вот кругом обошли всю ограду — никого нет. Только зашли, двери заложили, еще не успели присесть — опять тошне старого застукал. Но мы опять вышли — никого нету. Что такое? Но в третий раз мы уже не пошли — побоялись. И вот он, примерно, постукал так... ну, до часу. Как петухи запели, он это... все прекратилось. Не стал стучать. Вот назавтра так же... Да, мы рассказали, значит. Но тут ездил... кто он? — вагон-лавка — тут продавец этой вагон-лавки. Калина фамилия его, — он с левольвером пришел. Теперь Федюха Усов

пришел. Иван Новиков, правда, вот ишо, их зять. Вот пришли. Вот застучало. Да, вперво-то, значит, собака залаяла. (Рядом Купалин жил Степан. У него цепна собака). Потом кони захрапели у их, потом наши захрапели. И застучался! Но мы че же, така орава — выскочили, кругом все оцепили — нету. Погреб там был, баня, зимовье, в амбаре — все обыскали, никого нету. Что такое? Степан-то тоже встал, пришел. Токо в избу зашли, успели двери заложить — опять застучал. Опять выскочили. И вот он опять простучал до петухов... И вот так продолжалось, примерно, ден десяток, наверно. Потом (...) я на Неверу поехал с зятем, работать туды на копах. Но мы погрузились, уехали — ниче не стало! Как я уехал — никто не стал стучаться!..

146

Шарф я Кузьке вязала. Вот я сидела, значит. Курмушка на мне была надета. А чулков на мне не было (...). Из угла мне ветром дует и дует в ноги. Теперичи мне почудилось, лапами меня кто гладит мохнатыми. Я сразу кошек: кыс-кыс-кыс. Они все четыре, кошка с котятами, соскочили с печки. У меня на столе горшок с молоком стоял. А я тут будто на лавке сижу-ка, а стол-то вот эдак, перед печкой.

Как этот стол-то бросит! — и молоко разлилось. О-ее! Я вот как есть во всю головушку заревела: «Но, не попугивай, все равно, пока клубок не извяжу, ты меня не утонишь». А сама не знаю, с кем разговариваю. И вот так, теперичи, и сидела чуть не до утра и вязала этот клубок, пока не извязала и спать не легла. И потом как ветром, ветром зашумело. Все защелкало — и кто куды че девалось...

147

Так немного времени прошло — надо за реку ехать. А меня чирьи одолели... Она (дочка) печку-то подтопила железну-то, да пошла по молоко. Теперича оттуда забегает: ой-ей-ей! Побелела, как бела речка, и слова сказать не может. Ее спрашиваем: «Че, че?» Она: «Крыса, — гыт, — там. Ой-еханьки кака!» И вот такие штуки творились. Я уж потом Егору: «Хоть ты сдохни, хоть ты меня сейчас убей — не буду жить все равно: это че-то кака-то беда тут дается». И вот укочевали и не стали здесь жить.

148

Арсюха Достовалов рассказывал. Я не знаю, он верил, нет ли, все ругался в Бога-то, а сам кого-то шептал ходил. Вот он пошел в лес, сделал избушку у солонца.. А как раз у скалы. Вот через несколько

дней пошел, солонец посмотрел: хорошо едет! «Но седни пойду». Пошел пораньше, сел. Понюхал табак. Сижу, гыт. Вот тебе двенадцать часов по времю-то, вот тебе час. (А я, гыт, у домового не попросился). Но сижу. Во втором часу-то как зашумело, как загудело, будто скала на меня валится! Выскочил сразу оттуда — стоит скала. И по верху вроде человек-то бежит, ревет. Но я посидел, — меня сперло, более туда не полез. Вроде я же и срубил, гыт, ее, избушку-то, а не попросился — и вот как!.. И пошел домой, не стал сидеть: побоялся. А потом пошел. Пришел, попросился — и с тех пор сидел и убивал коз этих. Вот, гыт, обязательно надо попроситься у домового. Это, гыт, обязательно надо попроситься у домового. Это, гыт, ты, паря, запомни навсегда!

149

Дак оно вот у нас в деревне было это дело-то. Дом срубили новый. А работник их, Швецов Иван, он домой-то не ходил, а в этом доме-то приспособился спать. И вот одну ночь давай его камнями оттуль понужать. Камнями, гыт, начал хлестать! Я, гыт, соскочил: «Че такое?» Ну, дескать, на крыше кто-то есть. (А он такой боевой мужик-то был). Выскочил, да обошел, а там такая дверь была маломальска. Я по

углу залез — никого нету! Пришел, только лег — опять! И бормочет, гыт, такой голос грубый, гыт, старика: «Уматывай, гыт, отсель!» И так этот вечер промучился и убежал домой. Вечером-то бердану притащил. Опять, гыт, лег — полночь опять поволок его!.. Дак он потолок-то истрелял весь — и никого нету. А уснуть так и не удалось. Ушел... И главное, дескать: «Уходи!»

150

Это было где-то в двадцать пятом-двадцать шестом году. Точно не помню. Я и сейчас-то не верю ни в Бога, ни в черта и тогда уже не верил.

Приходит ко мне братан Витя. А жил он один. Такая изба и коридор, в этом коридоре он больше обретался. «Пойдем ко мне почевать». — «Почему?» — «Ну, пойдем, там узнаешь. Ты не веришь ведь ничему?» — «Ничему не верю». — «Но поверишь...» Приходим. Он мне прямо — котора дверь из коридора в избу — стелет. Ну, раньше потничок, подушку там бросил. «Ты ложися здесь, а я рядом». Вот легли мы с ним. Я чувствую, еще не заснул, смотрю: кот на двери, черный! Глазишиши такие, светлые! Шипел, шипел — раз! На меня. И задавил лапами-то за горло. Я туда, сюда... Потом очнулся, кот-то вроде соскочил с меня. Этот Витя хохочет: «Ну че? Че ты

кричал? Кот давил?» — «Как ты знаешь? Видел, что ли?» — «Я так и знаю, что он уж меня несколько раз давил». Я говорю: «Как же быть? Я тогда домой пойду, не буду здесь спать. Сперло!» — «А ты с аршин подвинься вот сюда, или ко мне поближе, и он тебя оставит в покое». И действительно, лег на другое место, и больше никакого кота не было. Это переход его (домового) был, лег на его дорогу...

И вот до сейчас думаю, правда ли так получаются? Верю, не верю, а интересно получилось.

151

Мне отец рассказывал. Купили они с мамой дом. А в том доме жила злая старуха. Вот перед тем, как уехать, она мусор веничком на центр дома смела и вместе с веничком и оставила. Ну, наколдовала, видимо. Так после этого к маме стал по ночам приходиться домовый и душить ее. Плачет по ночам, кричит. Отец у нее спрашивает, в чем, мол, дело, а она: «Пришел в дом горный лохматый человек, душит меня!» Так дом продать пришлось.

152

Лежала я в больнице. Лежу, слышу, санитарки смеются, громко так. Глаза закрою, с меня кто-то одеяло тянет, открою глаза — нет никого. Снова закрою — снова

тянет, вдруг чувствую, мохнатый какой-то под бок подкатил. Я хочу позвать Наташу, санитарка там такая была, и не могу зухать. Потом, правда, сказали: «Выживает тебя». И правда, скоро выписали. Верь-не-верь, а вот так получается.

153

А вот у меня отец рассказывал. Дак это ему так трафлялось. Раньше зимовья были в степях, с конями уезжали, жили весной, осенью, со скотом жили там, в зимовьях-то... И вот у нас отец весной уехал с конями. Он еще был холостой. И, говорит, вечер-то натопили это зимовье (снег ишо был в сиверах-то). Ну, начали тут друг другу сказки рассказывать, да че-но: всю дребедень собрали. Трое их, три мужика, парни холостые: кто свистит, кто че. Но, набаловались, улеглись спать. А с ними был помладше, Егор Михайлович, нашего Абакума брат. Оне, эти двое-то, уж уснули — мой тятя и тот другой-то, Дмитрий Александрович, — уж уснули. А тот не спит, помоложе-то, и слышит: шагает к зимовью. Он, это, пролежал. Потом маленько погода второй шагает к зимовью. Он давай будить, говорит: «Кто-то двое пришли к зимовью». А оне его ишо изматерили по-матерски: «Лежи и не ври тут, спи!» А он говорит: «А вот слушайте».

И потом слушают — правда, по снегу — шар, шар, как человек идет опять к зимовью. Оне выскочили из зимовья, кругом обежали, поругались: «Кто тут, где тут ходит?» Герои же! Опять легли. Только легли — в стеклину вот так пальцами застукало. Потом опять на улицу выскочили, кругом обежали — нету никого. Опять легли. Легли: но теперь они пушшай ходят там, будем лежать... Дверь-то, говорит, как открылася! Аж в стену да обратно, вот эдак, у зимовья-то. Но они эти шубенки, говорит, вот эдак схватили — и были да нет! И дверь по́лу бросили. Убежали через речку и там потом костер расклали и до утра-то там у костра были. Но, а утром пришли, говорят, в зимовье-то: как че было, так все лежит. И че было, говорит, с нами?! Но, вот ишо раньше говорили, что надо у хозяина попроситься. А оне не попросились...

154

У меня случай был во время службы. Перевели меня... Я приехал, документы представил, меня устроили. Там на отшибе дом был большой. Все комнаты пустые, а одну для солдат отделали малость. Все ушли в клуб, а я устал с дороги, лег спать. Ребята ушли, и я лег спать. Вдруг старик лохматый из-за печки выходит... подходит ко

мне и давай душить. Душит! Я уж думаю: «Да неужели такой старый задавит меня!» Все силы собрал — как его толкну! Он улетел. А там западня, она открыта оказалась — он в нее. И замолк. Опять все тихо. Я наутро рассказал поварихе, она мне говорит: «Э, солдатик, ты здесь не задержишься. Это тебя домовой невзлюбил». (И точно — вечером меня отправили в другое место. Перевели).

155

Это вот тоже рассказывали... Мужик ехал домой откуль-то. И стояла избушка в лесу. Просто одна, в ней не жил никто. И он придумал, значит, ночевать остаться. А вот не спросил, когда входил-то, дескать, пустите меня переночевать. Но и лег. Лег ночью-то, вдруг мужчина пришел и говорит: «Вы почему не попросились?» Ну и такую страсть ему придал — он ведь убежал. Прямо такую ужась наводил — просто невмочь было никак! Он лежал, лежал: все трещит, все шумит. Ну, прямо ужась, такая ужась, что страшно лежать. И убежал. Он его просто выживал. Вот как.

156

Когда мама умерла, мы в избе смогли прожить только две недели. Пришлось в другую избу перебираться. Начало блазнить, вержиться, кто-то ходит, гремит лож-

ками по ночам. Была у нас между полатями и печкой дыра. И вот в эту дыру стал кто-то кричать. Голос мужской был, громкий: «Кузьма, вставай, долго спишь!» Отец потом ходил по избе с литовкой в руках и «косил». Это он так нечистую силу отпугивал.

157

Два домовых-то у нас. У меня и у мужа (мы съехались с мужиком-то моим, а домовые с нами так оба и остались). Так они дерутся между собой. Я сейчас живу в мужнином доме, так меня его домовый гонит. А один раз дралась я с ним. Руки, как резина, и сам весь, как резина. Воет, топчет, стучает по ночам. Я слышу, а мужик мой — нет.

158

Из Колупаева шли мужчина и женщина. И они рассказывали про свой дом. У них там то посуда разбивалась, то вещи перекладывались с места на место. Звали милицию, а милиция не верила. Потом пришла. Входит в дом. С печи свист, тапком в голову милиционеру кинули. Открыл милиционер занавески на печи — нигде никого. Так и ушли. Потом пришел один добрый человек, черпнул воды из дома и вылил в три ключа. И домового не стало, больше не выгонял.

А вот некоторые хозяева в дом войдут, так все кажется, что кто-то пугает. А вот ещё соседка говорит: «Спать боюсь. Только глаза закрою, как Тихон Трифонов из погребца выходит и целоваться лезет, с бородой такой». Я говорю: «Это суседушко тебя не любит. Откупись. Скажи: «Суседушко-батюшко, не обижай меня! Монеток покидай».

**Домовой оберегает
напросившихся к нему
на ночлег**

Раньше в Бодайбо наши ходили. И там приискатели, охотники ли, зимовье построили. Вот этот Стречнев и рассказывал. Прихожу, гыт, остановился ночевать в этом зимовье. Сходил воды принес, затопил печку. Но прежде всего попросился, что, хозяин, пусти меня ночевать! — Это как обычай. Сварил чай, попил, покурил... И вот, сколь уж время было — не знаю (...). Подул ветер, зашумело, все и — залетает (...). Дверь распахнулась, залетает... «Ага, у тебя человек! Давить будем!» А этот говорит: «Нет, не будешь. Он у меня выпросился», — это хозяин-то, домовый. И вот они сцепились. Возились,

возились — хозяин все-таки того выбросил. И тот засвистел, ветер зашумел. Я, гыт, уж не в себе, думаю: «Ежели бы не попросился, то значит все — отработал бы!» Он видеть-то их не видел, а только слышал возню-то иху, разговор.

161

Зимовье одно стояло. И вот мне пришлось раз идти. Я, теперича, опоздал. Дай, зайду в это зимовье, переночую, а утром еще пятьдесят километров до Зюльзи надо месить. Ну и захожу. А темно уже. Захожу за всяко просто. А то, мол, по лесу-то идти ночью темновато да и хуже же... Я дверь отворил, зашел, спичку чиркнул, смотрю: нары. Все пусто, никого нету нигде. Спичка угасла — я втору. Взглянул на леву сторону, в левый угол, смотрю: человек сидит на кукурках. Спичка угасла — я вторую и к нему вплоть, в угол. Так он же неживой, человек-то! Ну че, неживой, так неживой. Вот так зашел, может, и подох, вот так, как я же, зашел... Я все тут преспокійно. Но лето же было. На мне ту-журочка и больше ни ножечка, никово... Я туды, в угол-то — так нары-то настланы — прошел и лег. Фуражку да че под себя положил под голову. Гляжу: вдруг дверь, мне кажется, отворилась. Заходит — дядя как дядя! Гляжу (...). И вот, на-

ря (...) он ко мне тут пробирается. «Ага, ишо есть один». А я смотрю, а кто же из-под нар вылезит? Из-под нар вылезит бела кака-то фигурятина, здорова! Ну и сгреблись, и сгреблись.

Это вот бывало давно: когда заходишь куда-то (а да и счас оно есть), вроде, надо проситься у хозяина ночевать, у кого ли там. А я зашел, ниче не сказал, а на уме перевел просто: вроде, мол, хозяин, пусти ночевать. И вот, брат, аж шум, шум! Теперь, говорит, который из-под нар-то вылез: «Не тобою пущен, не тобой и взят». Ну, у меня все застыло уже. Боюсь. Что ты, шутишь? Навалится — смерть... И вот высадил он его. Высадил — и не стало никого. Выгнал. И дверь не затворена. Вот интересно-то. Вот тут и сам не могу до сих пор понять: то, может, мне пригрезило, а дверь-то почему по́ла была? Могло пригрезиться, если я уснул. Так я заходил, дверь затворил, а дверь оказалась по́ла. И вот утром уже рассветало. За колоду выглянул туды, сюды: никого нигде нет. Дверь туго затворялась.

Домовой сердится

162

Я уехала в Соликамск к дочери и долго у нее жила. Вот вернулась домой. Ночью за-

снула и вдруг слышу, как меня давит кто-то на грудь, мне прямо не вздохнуть. Проснулась, кругом гляжу — никого нет. Я опять лежу. Вот уснуть-то не успела ишо, гляжу, а из-за печки ко мне мужичок выходит, махонький такой. Подошел ко мне и с ног-то так шшупат. Руками-то все выше, выше, до груди дошел, да как сдавил. Уж как мне худо стало! Я и говорю ему: «Суседушко, батюшко, отпусти меня. Да я, суседушко, никуда не уеду больше, не оставлю тебя одного». Он меня тогда и отпустил.

163

Когда я училась в Соликамске, жила в общежитии. На его месте раньше было кладбище. Как-то раз девчонки прибрались в комнате, подмели, а мусор не убрали. Легли спать, а ночью вдруг что-то застучало в шифоньере, они испугались. На следующий день вахтерша сказала, что на третьем этаже что-то бегало, кричало, ходило так. Домовой, наверное, наказал за то, что мусор не убрали.

164

Бабушка моя ишо рассказывала. Жили они хорошо, коней имели. Все кони как кони, один же истрижен и худеет на глазах. Однажды утром дед по двору пошел, видит: варежка валяется из какой-то непо-

нятной шерсти. Притащил ее в дом, да и в печь бросил. Бабка ему: «Зачем ты это сделал? Ведь это суседка коня... И варежка его». Вечером дед пошел в зимовье. Ночью слышит: открывается дверь, кто-то залезает на печку и пыхтит. И давай вожжами деда выхаживать. Как настоящий мужик бил. Это суседка приходил.

165

У нас четыре коня было. Одного-то невзлюбил домовый и все. Утром приходят мужики. У всех овес насыпан, гривы заплетены (он им косички мелкие-мелкие плетет). А этот вспаренный весь, храпит. Ну, решили мужики подкараулить его. Взяли подвесили дырявое ведро под овес, а сами за скирдой спрятались. А домовый пришел, стал овес насыпать, а ведро дырявое. Он как кинет его в скирду, в мужиков. Ох, перепугались они и убежали.

Как задобрить домового

166

Когда дом строят, тогда суседку задаб्रивают. Когда матку ставят, пирог рыбный пекут, несут на полотенце, и выпивку. Там те, кто дом строит, и выпивают. А кто кладет десять копеек под матку, тот и полотенце себе забирает.

167

Чтоб суседко не пугал, надо серебрушку-денежку в подвал кинуть, он меди не любит.

168

Чтоб суседко не пугал, надо от своего кусочка, когда ешь, отломить крошечку и в подвал бросить.

И другие истории про домового

169

Суседиха, она питается тем, что у хозяина есть. Говорят, каждую посудину, все надо с молитвой, с крестом обносить. Тогда она не может ничего брать. А ежели без молитвы оставишь, она муку берет, молоко там, еще что. Ведь дьявол молитвы боится, а без молитвы он берет своей рукой, а ты его и не видишь, и не замечаешь.

170

Тут я, правда, знаю. Один старик бесей знал, знался с имя. У их со старухой мука по мешкам была, у каждого свой. Он всегда так брал. Себе мешок муки, ей другой отдает. Вот старуха примечать стала: у старика уж полмешка, а у нее еще полнехонек. Пришла она в голбец, спускается

туда, а там старик сидит бородатый и вот так вот ладонями муку трескает.

171

Сидит один мужик дома. Слышит: стучит кто-то, потом двери стал дергать. «Кто там?» — Молчит. Мужик давай молитву творить, а за дверью отвечают: «Эту я знаю, эту я знаю». Хозяин как пошел матом ругаться, тот, за дверью, захохотал: «А вот эту не знаю!»

172

Однажды в праздник пошла я в голбец, а там кто-то уркает, уркает. Я его спрашиваю: «Кто это здесь?» А он: «Это я, голбечный суседко».

173

На Зырянке жила одна старушка. К ней как-то приехал внук. И вот спали они ночью. Внуку показалось, что кто-то его за ногу тянет. А один раз вообще стащил с кровати. Потом мальчик как-то познакомился с этим домовенком, только тот ему не показывался. Еще утром некоторые вещи находили не на своих местах. Под печку домовенку клали тряпочек цветных, чтобы он ими играл, а не хулиганил по ночам, так он эти тряпочки уносил куда-то, пропадали они ночью-то. Из разговоров с домовенком мальчик узнал, что тот

маленький. Мальчик стал ему поест в ящик ложить. Еда тоже пропадала. Когда мальчик уезжал из деревни, он позвал домовенка в город, но тот не поехал. Сказал, что в городе пыльно, грязно, шумно.

174

В доме старушка-домовушка живет. Маша была дома и пела песни. Из-за печки вылезла домовушка и сказала: «Перестань!» Маша продолжала петь. Домовушка снова говорит: «Перестань!» Маша все равно поет. Старушка-домовушка говорит: «Перестань, а то удушю». Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за печку убежала.

175

Вот, видишь, пришла и повалилась спать старуха. Вдруг открылось подполье. Из подполья выходит женщина: «Дайте мне, пожалуйста, тарелок». — «На что вам тарелки?» — «У нас, — говорит, — будет свадьба». — «А какая свадьба?» — «В подполье свадьба». — «Тарелок, — говорит, — дам». Дала старуха — унесли тарелки туда. Потом и пошло там, танцы да гармонь заиграла да пела. Как посмотрит в подполье — там деревенская (из другой деревни) девка привезена у них там... Ну, танцевали, да выли, да плясали, да ходили. Потом приносят ей эти тарелки: «Вот, —

говорят, — тебе тарелочки и тебе на колпак материалу — парчи». Ну, она поразмеряла-поразмеряла материалу — да два колпака будет сшить. Так старушка рассказывала. Ей говорили: «Да не ври ты, не ври!» Так показывала... колпак.

176

У одной женщины было двенадцать детей. И она хотела, чтобы за них ей платили из государства. И как-то сказала это в доме. А из-под печки вылез такой черненький, косматенький и говорит: «Попробуй, подай — ни одного не увидишь». Женщина не ослушалась домового, и все ее дети выросли и жили хорошо.

177

Еще дядя Василий рассказывал. Собака лаяла во дворе. Никого кругом нет, а собака лает, да так страшно лает, да на стену овина кидается. Посмотрел он на крышу, а там суседко сидит, ногами дрыгает, собаку дразнит.

178

Вот у нас отец имал суседко-то. Его стал давить суседко. Я-де встал, да и пальцы ему в рот. Он поймал его, держит: «Девки! Девки!» Мы две девушки были. «Давайте огонь доставайте!» Мы закопошились, а он-де как подернется, только пальцы сшупкали, убежал.

Раньше чуды были — о-о-о! (...). Ребята ходили по вечеркам. Теперь, значит, пришел вперед один парень-то, сял разуваться-то — он идет из-за угла. Прямо к ему! И говорит: «Стой, не разувайся!» — Вот как! Он бросил один сапог, а другой-то на ем — и бежать! В притворе оборвал всю ногу. «Кто-то, — гыт, — не велел мне разуваться».

Это дело было давно. У одних-то было две дочери и сын. К ним как-то пришел парень, Василием звали, ее Дусей. Вот Дуся и Василий поженились и отделились от родителей в другой дом. У них родился ребенок. Как-то сам ушел в картишки играть, а она на печке лежала, а ребенок-то в зыбке рядом с печкой. Вдруг в двенадцать часов получается стук — стучит и стучит, стучит и стучит... Стучит по-над полом. Она на следующий день говорит мужу: «Ты вечер никуда не ходи». А ей все говорят, что это домовый ей чудится, стучит: ведь муж-то кузнец... Однажды она опять осталась одна. Видит, кто-то вышел мохнатый — и такой верзила! Зыбку качает с ребенком. И хохочет, и хохочет! Лицо белое-белое, а сам весь чернуший. Вот так покачает зыбку и исчезнет, а ребенок

не выпадают из зыбки. Позвала она сестру Гальку. Пришло время — он опять выходит... Бились оне, бились и перекочевали в другой дом. А в этом доме никто долго-долго не мог жить. А потом он, этот дом-то, сгорел.

181

Захочет ли он объявиться с печальным или радостным известием, или просто пошутить и попроказать, во всех таких случаях предпочитает принимать на себя вид самых домовых хозяев. Только (как успевали заметить некоторые) не умеет при этом прятать своих лошадиных ушей. В таком образе домовой не прочь и пособить рабочим, и угостить иного даже курительным табаком, старается успешно помешать конокрадам, вырядившись в хозяйское платье и расхаживая по двору целую ночь с вилами в руках.

182

В Смоленской губернии видали домового в виде седого старика, одетого в длинную белую рубаху и с непокрытой головой. Во Владимирской губернии он одет в свитку желтого сукна, волоса на голове и на бороде длинные и всегда носит, никогда не снимая, большую лохматую шапку. Из-под Пензы лижут, что это старичок малень-

кий, «словно обрубок или кряж», но с большой седой бородой и неповоротливый: всякий может его увидеть темной ночью до вторых петухов. Иногда там же он принимает вид черной кошки или мешка с хлебом.

183

Вот когда я еще в Дойной-то жила, был у нас на конце села дом. В нем никто не жил. Сколько людей-то покупали его, да все уезжали. Кто-ить жил-то в нем, рассказывали. Иногда обернешься, а из спальни двое мужичков махоньких таких выглядывают в большую половину. А как к двери подойдешь, исчезнут. Вот все из дому-то и бежали — боялись. А это, наверное, соседко выглядывал. Он, может, голодный был. Да к нему поисть дать никто не догадался.

184

Поженились мы с мужем недавно и в новый дом пошли. Только зашли, тут вышла баба и на меня глядит, маленькая такая бабочка. Руки в боки уперла, глаза выпучила и не мигает. Я испужалась-то, стою, за мужнин рукав схватилась. Говорю ему: «Гляди, гляди. Что эта баба на меня смотрит?» А она исчезла. Вот это, соседиха была.

185

Сениха сказывала. Дома сидела, ково-то стряпала. Из голбесу кто-то вышел. Больше кошки, а на кошку не похож. Она глядела, глядела, да замахнулась на него. Убежал. Это домовый был.

186

Ехал мужичок из деревни в деревню, сено вез. Доехал до пустого, заброшенного дома. Слышит, кричит кто-то. Удивился, но зашел туда. А из голбца кричат ему: «Эй, мужик! Домой приедешь, скажи Кухте, что Мухта умерла». Он приехал домой, рассказывает все это. И только проговорил «скажи Кухте, что Мухта умерла», в доме рев такой поднялся! Это домовые живут.

187

В Вятской губернии рассказывают, что домовый показывается людям стариком, ростом с пятилетнего ребенка, всегда в красной рубашке, опоясанной синим кушаком; лицо у него сморщенное, борода белая, волосы на голове желто-седые, а глаза, словно огонь, горят.

188

Ирина видела суседку во сне. Зашла будто в избушку, а он в солдатской одеже, в брючках с красными полосками. В из-

бушке чистенько, басенько. Он ей на колени сел. Мягонький, масенький, с ребенка двух-трех годов.

189

Я домового видела однажды. Чувствую, что душит кто-то, а проснуться не могу. Еле глаза открыла: на голове у него чунка, усы черные, чудной такой! Полосатый кафтан на нем был.

190

По народным рассказам, домовый охотнее всего принимает облик хозяина или одного из умерших членов семьи (...). Он обыкновенно носит и хозяйскую одежду, но всякий раз успевает положить ее на место, как скоро она понадобится наибольшему в семействе.

191

Есть сусед и суседица, его жена. А бывают и холостые. Мне этот сусед приснился во сне. Борода вот такая большущая. Мужики спрашивают: «Сколько тебе лет?» Ему пятьдесят, а суседихе больше. Они в одеже. Одежа, каки-то сапоги на ем были.

192

Я видела суседку, когда он меня давил. Глаза открыла — человек стоит, мужчина, до полатей головой. До того жутко стало!

Я говорю: «Дедушка-соседушка, уж ты меня так напугал». Он и ушел.

193

Я видела суседиху ночью. Вышла из подвала такая, как женщина, села, сидит. Мохнатая такая. Я испугалась, а она мне: «Не бойся, не бойся, я там, в подвале, живу. У меня там дети есть и мужик». Поговорила со мной и обратно к себе ушла.

194

Мама моя в положении с Андреем ходила. Приходить к ней стал молодой мужичок, небольшой, без бороды. И живот правит — руки-то мягонькие. Сначала она не говорила про это никому, потом матери своей сказала. А она ей говорит: «Иди в анбар спать». И сюда он пришел. «Я-то, — говорит, — ваш хозяин. У твоего отца детей много было. Я с тобой в Уктычу ездил венчаться и буду теперь вашим хозяином. Пойдем во двор со мной, посмотри, на кого ваш хозяин похож стал». Ну, пошли они. А там дед старый сидит, седой, оборванный. Вот этот небольшой мужичок и говорит: «Он скоро умрет, а я буду на его месте». И еще на корову белую показал, что она в том углу умрет. И правда, через несколько времени она в том углу сдохла.

101

195

Нашего домового Васей зовут, он неженатый, ему сто десять лет, сколько и дому нашему. Что потеряем, у него спрашиваем, он по карандашам отвечает. Двое стоят друг напротив друга и держат по два карандаша незаточенных, приткнув друг к другу, а поперек каждой пары лежит еще по карандашу. Спрашиваешь его. Если «да», то карандаши вверх поднимаются, если «нет» — вниз, если в разные стороны — сомневается.

196

Ночью проснулась, открываю глаза: из-за печки выходит мужик, весь в белом, в большущем белом колпаке. Вот так махнул рукой, и вышла женщина, тоже в белом. За ней — дети, человек семь. Посреди избы дети стали водить что-то вроде хорова, а мужик с женщиной стояли рядом. Потом мальчик один маленький стал подходить ко мне. А я лежала ни жива ни мертва от страха, зажмурила глаза, думаю: торцанет по голове — и пропала я. А ближе к утру мужчина опять знак какой-то подал, и они все ушли обратно: сначала он сам, потом женщина, потом дети.

197

Мама моя в молодости сидела дома. Заходит к ней мужик и просит напиться.

И тут у нее нож упал, наклонилась за ним, а гость и говорит: «Не трогай, я сам достану». Смотрит она, а у него вся рука шерстью покрыта. Догадалась, с кем дело имеет. Пошла она в подпол за квасом и нож с собой прихватила, там воткнула его в матицу. Вышла, а в доме уж и нет никого.

Как можно увидеть домового

198

Тем, кто пожелал бы его видеть, предлагают нелегкие задачи: надо надеть на себя, непременно в Пасхальную ночь, лошадиный хомут, покрыться бороной зубьями на себя и сидеть между лошадьми, которых он особенно любит, целую ночь (...). Говорят даже, что если домовый увидит того человека, который за ним таким образом подсматривает, то устраивает, что лошади начинают бить задом по бороне и могут до смерти забить любознательного.

199

Отец рассказывал. Возьмите, говорит, чистую расческу, налейте ведро воды, бросьте эту расческу в ведро. Через три дня будет волос от домового. Ну, че, мы посмотрели через три дня: там волос, пра-

вильно, седой, белый волос... А этот волос, говорит, потрешь на руках, свет-то вытушится, потушится. А потрешь волос-то, он появится, сам домовый. Ну, я, говорит, зашла домой, потерла волос — ниче че-то нет. А потом на второй день она ночью терла, домой зашла, видит: сидит старик такой белый. Ну, он голый только, волосами обросший, белый такой, седой, борода длинная, ну, старый старичок такой. Я, говорит, зашла и села сразу, напугалась так, ни слова, говорит, не могу вымолвить. А он посидел, говорит, и — раз! — я смотрю: его уже и нету. Раз! — и нету. А потом утром рассказала отцу-то своему. Он говорит: «Ну, это на счастье увидела его. Счастливо жить будешь, че-то там».

200

В чистый четверг домовый показывается или мохнатым — к добру, или голым — к худу. Есть примета: у кого руки, ноги и грудь обросли густыми волосами, тому жить богато; в деревнях девицы ходят гадать на скотный двор: если первая пойманная овца — мохнатая, то жених будет богатый, а если стриженная, то бедный («гол как сокол»).

КИКИМОРА

Как кикимора вредит

201

Кикиморы, поселяясь в избах, живут за печкой и по ночам надоедают страшным стуком. Любимое их занятие — прясть и ткать. В тихие часы ночи явственно слышно, как они тянут и сучат нитки и снуют ткань (...). Существуют народные поговорки: «Чу! Кикимора пряжу прядет»; «От кикиморы пряжи не дождешься!»

По русскому поверью, младенцы, проклятые родителями или умершие некрещеными, захватываются демонами и обращаются в кикимор.

202

Напротив нас дом был. Старинная печка там с целом стояла. Хозяйка в подполы полезет — кто-то юбку тянет, тянет с нее. Вдруг стало из-за печки попужать. Как трахнет — старику попало в голову. Приехал мужик один к ним, сел чай пить — и как камень на стол угодит! То из-за печки заяц вдруг выскочит, то щенок. Тогда один богатый дед и говорит: «Тут клад

есть». Они тогда выкочевали и стали печку рушить. И в той печке кукла оказалась, как живая смотрит. Привели тогда попа, иконы поставили, давай везде служить. Тогда утка вылезла, закричала и ушла. Потом не стало ничего больше.

203

Нил Платоныч партизанил тут где-то на Амурской (...). Был помкомвзвода. Вот, говорит, мы заехали в одну деревню. Уж не знаю, кака деревня, забыл, счас не помню. Но, заехали ночевать. Но, где же! Нас много ить, нас целый отряд был. Но, мы на краю деревни. Тут дом новый стоит, построенный, все, возле него, говорит, старенька худа избенка. Но мы теперь уж куды? Говорим: «Хозяин, ты нам (а тепло было) разреши в этом доме ночевать». Он, теперь, этот хозяин: «Ох, ребята! Я бы вам разрешил, но, — говорит, — в ем чудится, нельзя спать, никак жить нельзя (а все хорошо, уделано все)...» — «Но нас много! Нас же целый взвод. Че мы? Ниче, ночуем». — «Но, дело ваше. Я отомкну...» Пошел, нам открыл. Мы зашли в его, в этот дом (...). Вот теперь, Нил говорит, я нишо не успел уснуть, ребята захрапели сразу. А я не успел. Слышу (а темно, свету-то нету), слышу, говорит, музыка заиграла, пляска поднялась! Я на (...) соско-

чил и не знаю, в чем дело! Прямо, говорит, чечетку выбивают, пляшут, гыт, такую штуку в этом дому! Но, я теперь сразу — одного, другого... Но, все насторожились, значит, слушаем: играет музыка, да прямо так громко, и пляска така, говорит, идет! (...). Чиркнули спичку — нету никого, все спокойно. Потом он, гыт, нам такую мигульчку, лампу дал, хозяин: на случай, говорит, зажжете... (...). Зажгли эту светилку. Вот я лег. Потом, говорит, расстроился — уснуть-то не можем. Вот пока эта светилка горит — ниче, все спокойно, никого нет. Как только угасим светилку, лягем — опять така штука! И вот до утра никто потом не могли глаз с глазом... Никак, говорит, не дали нам...

204

Мама на птицеферме работала, цыплят маленьких сторожила. Тятя был на фронте... А мама одна боялась ходить ночевать, вот меня и взяла сторожить с собой. Пошли. Темно уже стало. А сперва-то пошли окошки закрывать. Все закрыли, одно осталось на кухне. Я закрывать-то стала, а там из окошка смотрит кто-то, глаза красные, пальцы растопырены. Закричала: «Мама, кто-то смотрит!» Мама спрашивает: «Где?» — схватила меня — да и к соседям. Всех собрали: Настасью, Антониду,

Степаниду. Пришли, поискали — никого нет. Но и пошла по деревне слава, что изба наша «пугает». И это не один раз. Однажды мама в город поехала. Повезла сено и молоко. Мы позвали подружек ночевать: Лизку Маланьину да Саньку Настасьину. Вот в эту ночь нас все пугало. Только мы легли спать, забегали по постели ноги, собачьи, кошачьи. Раз, другой... Мы испугались, под одеялы залезли. Вдруг грохот получился — треск, гром; полетели стекла впереди, заорали кошки, — и все тихо стало. Зажгли коптилку, давай искать: ни кошек, ни собак, и стекла все целы. Потом мы позвали Прокопия. Он умел лечить. Последний случай так совсем невыносимый был. Приехал к нам наш дядя. Мы его на курятнике спать положили. Мама с тятьей в боковушке. Потом дядя кричит: «Иван!» Тятя: «Но!» — «Ты, паря, на улицу ходил?» Тятя говорит: «Не». — «Счас зашел какой-то в белом тулупе, ушел в зал и обратно вышел». Тятя соскочил, зажгли лампу. Все просмотрели, в сенях двери заложены. Это пугает так. Вот после этого аж дядю Прокопия созвали. Он залез в подполье: где-то в углу должна быть заколочена куколка. А он ножик нашел. С тех пор пужать не стало.

Тоже в соседнем доме было. Чушка стала бегать. Житья нету тоже. Ково же! А получилось у них вот как. У них девочка маленька была. Она, хозяйка-то, вышла по хозяйству, а у них печка топилась. Девочка рядом со щепочками играла. Более никого дома не было. Девочка угольки, видно, выгребла — все загорело на ней, кухня загорела. Мать прибежала, двери открыла — ее огнем! Она попасть не могла. Девочка сгорела. И вот стало у них: это чушка бегала. Потом, — говорил, тоже ерничинку нашли, как куколка замотана. Ерничинку выбросили — и ниче не стало потом.

Я, однако, тебе рассказывал, у нас три чуда было. В избе, вот в этой избе. Заяц бегал, бык, собака. И чушка, поросенок. Хозяйка ушла за дровами, а в избе — поросенок. Она пришла — он на лавку, на стол — везде. А потом в этом самом дому стала маячить собака. А то управлялась: то чушка (...) — куча. Уберут, назавтра приедут — опеть. То двери расхлобыснутся. Вдруг все двери — раз! — все открылись. Потом тут шорну открыли (а в колхозе, знаете, шорна была: хомуты наложивать, седелки, седлы — к весне), теперь сперва

пришел старик, мохнатый, а рук-то нету, вот так. Мохнатый стоит. Тут шили, а он подошел, глядит. Но ить у каждого же ужась-то берет! (...) Один замахнулся — старик ускочил. Маленько погода собака мимо пробежала, желта. Потом на другой день собака пришла, да така кобелина дак о-е-ей! — как будто теленок, на это место. А потом че? Стали искать — там ерничинка, или палочка, ерничинку, наверное, не знаете, вы же городски, куколка завязана: будто как платочек, личико — или как сказать? — мордочка перевязана, все. А где вот ушкан-то, там (но же умные люди делали!) такая из резины из желтой сделана тапочка. Вот така! Тапочку убрали — маячить не стало. Но кто-то же делал!

207

Никонов отца взял как-то с собой (...) строить одному богатенькому дом. Трое они уехали: Поликарп, Вырупаев, наш отец и он. Но, хозяин, видимо, договорился на ихних харчах строить ему, цену там, все, а сам харчи-то давай подсовывать: то творог с червями попадет, то че-нибудь. Ну, богатенький — жалел вроде добрым-то накормить. Но Никонов, гыт, молчит, ниче не говорит об этом: черт с ним, как-нибудь проживем... Дальше. Когда вырубали, гыт, матку, чтобы ложить, щепка одна отлетела

и с визгом туды, на пол. А отец-то на полу работал. Он уже от нее отвернулся, этой щепки, а тот говорит: «Ты подай-ка сюды» — он ее подал. Он, оказывается, взял и под матку ее положил. Но, гыт, сделали дом, рассчитались и уехали. Ему надо за-кочевывать. Он, значит, попа позвал. Освя-тили, на матку, гыт, кресты навели — поп с этой своей кадилки. «Но, — говорит, — за-кочевывай». Вот закочевали — как завоюет в избе всё! Нет возможности! Они бились, бились. Попа опять привели: «Но невоз-можно жить никак». — «А я че же сделаю? Не знаю, че уж — я освятил. Все должно быть в порядке». А потом и говорит: «Да-вайте к мастеру, че ли он ни натворил». Он туды и поехал, хозяин-то, за сорок ки-лометров: «Вот так и так». — «Дак вот так! Ты сначала в твороге своих червей выбросай, а потом, гыт, под маткой щепку выбрось». А изба уж закрыта. Это же на-до поднимать домкратом, потолок разби-рать. Тот: «А вот как хочешь, но я не по-еду. Мне не надо никакой платы, а вот под такой-то маткой вытащи щепку. И свя-тить не надо будет. Но сперва выбросай червей из творогу!» Вот что-то он знал же?!

208

Это уж на моем веку было. Отец мой строил, а плотников чем-то осердили. Они

в последний ряд, под балку, куколку положили. Ночью как давай куакать: ребенок ревет, аж за душу тянет. Выкочевали. Спать никак не могли в доме. Посудили старики. Ну и пришлось снимать, раскрывать крышу и этот ряд бревен. Нашли там куколку. Ма-аленька така, из тряпочек сшита. Наотмачь ее бросили, а потом в печь. С тех пор все кончилось.

209

Тоже рассказывали. Старуха со стариком жила. У них невестка была. И че получилось? Они сидят, разговаривают все — вдруг полетели судомойки! Посуда летит, все летит! Просто бросаются! Хватятся — никого нету-ка. Потом пришлось: вызывали, кого-то искали, все никак не могли найти-то. И разоблачили. Избу-то ворочать стали, там ртуть лежит. Она и выфигуривала! Всякой ерунды... Человек-то сидит — то судомойка прилетит, то ложка, то поварешка прилетит! А че получалось, не известно (...).

210

Вот сейчас там клуб в Верхних Ключах. Этот дом-то клуб. Вот в ем чудилось. Значит, жил там этот, Кузьма Карпыч Григорьев... И вот что там происходило. Вот, гыт, ниче (они уже привыкли и вроде не обращали внимания, а это было действи-

тельно). Вот, гыт, лягем спать вечером — то табуретки запляшат, прямо, гыт, запляшат, то столы запляшат, значит. Вот така штука творилась! Вот один раз такой был случай, характерный случай. Значит, таз с водой — че-то замывали вечером и оставили этот таз, не вытащили. И вот только легли, еще не успели уснуть, вдруг в этом тазу как зашлепятся, зашлепятся! — как кто купается в ем. Но соскочили: че? Кузьма, гыт, соскочил... Орет: «Че бросили там? Кто где купатся? В бочке кто-то утонул, ли че ли?!» Ну, соскочили, зажгли огонь. И характерно, гөворит: кругом таза мокрота, гөворит, просто наплескано. И потом разглядели, значит: прямо копытцы маленькие (мокро же, он был мокрый) — и пошел так и за печку ушел, копытцы, гөворит. Вот чудилось...

211

У нас в одной деревне было. Тетка рассказывала про Дуньку и Акульку.

Шел один нищий по этой деревне, зашел к одной хозяйке. Та стирала, че ли. Гөворит: «Некогда мне тебя угощать». Ну он и пошел. Пошел да и сказал: «Попомнишь меня». С этого дня и началось чудиться. Акулька с Дунькой разговаривают друг с дружкой на печке... и пакостят. То золу, то коровьего кала намешают в еду. Суп по-

ставят в русскую печь, сами на поле уйдут, а Акулька с Дунькой намешают всякой дряни. Чай только скипятят да и пьют один. А масла раньше понемногу сбивали, так его в баню поставили, они и там все обезобразили. Так и мучились с ними. Дело к зиме стало. Ночью уйдут во двор, скот гоняют. Утром кони в мыле, пена изо рта, косы в гриве. А потом придут и разговаривают: «Ты замерзла, Дунька?» — «Да нет, а ты, Акулька?» — а самих-то не видно. Мучились, мучились с ними. Потом кто-то научил попа позвать. Поп пришел, молитву читает. Народ в избе собрался. А Акулька с Дунькой пустили с печки в попа скалкой. Поп перепугался, народ тоже. Как давай все из избы! А Акулька с Дунькой ступеньки крылечка разобрали — все кубарем!

Сколько времени, может, с год так в доме было. Они и в другой дом укочевали; так Акулька с Дунькой тоже туда перешли. Давай отыскивать старичка, нашли в одной деревне. Говорят: «Напоим, накормим, денег дадим, только давай, мол, дед, помогай, убери». Ну и правда, напоили, накормили, денег много дали. Пошел он, где-то из поленницы вытащил две куклы. «Вот вам, — говорит, — и Акулька с Дунькой». Это тетка из той деревни нам рассказывала.

От нас-то близко она была, кикимора. Где магазин, мы тама-ка жили. А кикимора — у Коли Сличенко, через дорогу-то на огороде дом стоял — там получалось. Ее цыгане пустили.

У матери три девки было, одна-то еще сейчас живет в Ушумуне. Вот он на ее и пустил, цыган, китаец ли... Да и тут тоже диво! Раньше подли печки-то ленивки были срублены, вот как диван, такой же ширины. А там, выше-то, опеть вот полати настланы. Нас людно, ребят-то было. Мы пришли слушать эту кикимору. Сидим тама-ка. А под нами мешок крестьянский лежал, тогда кули называли. Нас четверо сидело. Мы и не слышали, как с-под нас мешок вылетел... Сама-то, Ивановна: «Где-то мешок-то?» — «А он где был?» — «Под вами». А мы и не слышали, как она его из-под нас выбросила. Приезжали с Заводу, партизаны приезжали. Не верили же, что за кикимора. К нам заедут, папка: «Сходите, посмотрите».

Как-то узнавала, сколько чужих, сколько наших. Вот спросят: «Сколько чужестранных, из чужой деревни-то, здесь?» Стукнет — точно! «А сколько наших?» — то же само. А дядя Вася, папки-то свояк, чудной был: «Ну, ты хоть бы выиграла «кроковьяк» или «коробочку»... «Располным-

полна коробочка...» — выигрывала стуком на половицах-то. Играет и все... Откуль неизвестно, прилетит... Раз у их угли стояли студены, для самовару. Дак она их нажевала адали, больше горсти, да средь полу-то как в народ резнет! Которых позвало сразу домой уходить — застигнет же! У меня теща в гостях была. Теперь мама с папкой: «Но, пойдите, послушаем кикимору» (...). Я остался, они пошли. А у них там ботинки были связаны, старше-то сестры. Никто не знал, где они и лежали. А кикимора имя — раз! — тещу по голове. Не знаю, пошто.

Теперь с Тайны братка мой приезжал, папкиной сестры сын. Сидел на лавке — ногу ему отбросило. «...Че-то, — говорит, — ногу-то у меня отбросило!» Другу положил, придавил этой ногой. Раз! — опеть отбросило. «Да это че тако?»

Вот ниоткуль взялся клубок пряжи. Раз! — к ему под ноги. «Ты че бросаешься, ты че кидаешься?» — Как займется натаран кивать — все говором говорит! Все только дрожит! Спросят: «Кто тебя напустил, стукни. Китаец?» — Нет. «Кто? Кореец?» — Нет. «Цыган?» — Нет. «Русский?» — Нет. «Кто запустил? Не китаец, не кореец, а смесь?» Стукнет, давай щелкать. А мать-то у него русская была, он то ли от корейца, то ли от китайца.

А потом Кирика же Захарыча привозили с Ушусидну. Нельзя же жить. Хозяевам нет покою-то. Они говорят папке: «Степан Нильч, надо Кирика Захарыча звать...» Поехали (...). «О-о, в переднем углу в простенке у колоды в щели пошарьте-ка. Там ерничинка вот така большины подвязана, как куколка, это она фокусит». Он откуда узнал? Возвращается, забегают: «Дядя Степа, Кирик Захарыч сказал, что в простенке в переднем углу у колоды в щеле куколка затолкана!» Папка: «Но-ка, пойдете». Мама не отпускает: «Не ходи, там бы над тобою ково не наделала эта куколка!»... Хватили — верно. Тама-ка. А Кирик Захарыч имя сказал: найдешь, в ограде наклади костер, когда разгорится, ее наотмашь бросить в костер... Он потом взял ее, в костер бросил, потом ниче не стало.

213

...Дом был у одних тут, все девка в доме ходила. Все помогала. Оне уйдут, она чугунки просты в печку возьмет затолкает. А то и молоть помогала. Тогда же не было здесь мельниц, а жернова крутили. Вот она крутит камень, мелет. А ходила нага. И все делала. А спали раньше на полатях. И вот хозяйка пробудилась, рукой провела и ее учухала. А у ней, у девки, коса

так длинна! Вреда-то не делает им, но опасно! Оне боятся. И давай дом разбирать. И вот нашли куклу в матке. Куклу. Дом перетащили, после этого ничего не стало. Вот.

214

А тут однажды померещилось мне. Вот в этой же избе, где я в детях жила. Отчим с матерью на койке (раньше деревянные койки были, не железны), на койке лежат оне, а я возле них. Так вот бочка с водой стояла, так вот шкаф. А я между бочкой и между койкой лежала. Сплю на полу: чужой человек, приемыш. Лежу я, лежу. Надо мне сходить на улицу, по малому сходить на улицу. Пробудилась я, ...гляжу: возле бочки стоит девочка! Вот така стоит девочка! «Тут кто, — говорит, — спит, девочка или мальчик?» Я молчу, лежу. Она второй раз: «Тут кто, — говорит, — спит, девочка или мальчик?» Я молчу. Третий раз: «Кто тут лежит, девочка или мальчик? Счас задавлю!» И раз на меня! Я ни вздохнуть, ни охнуть, ни туда, ни сюда. Не могу, никак не могу. Че такое? Я никак. Крутилась, крутилась... Но вспомнилось мне: надо материться, по матушке надо сказать, вот так. Я хочу сказать — никак не могу сказать. Но сказала! Она соскочила с меня. Соскочила с меня — и

к подполью. Стала и стоит у подполья. Ладно. Я соскочила, подбегаю к тетушке. Подбегаю, бужу ее: «Тетушка, тетушка!» Она говорит: «Че такое?» — «Вот какая-то девчонка меня давила». — «Кака девчонка тебя давила?» — «Вот, вот она стоит!» А она передо мной стоит. Соскочила: «Где она?» Я говорю: «Вот!» Та — раз! — отскокнула — и к подполью. Тетушка: «Ах ты такая-то! Ты зачем сюда пришла? Ну-ка, иди-ка отсюда!» Она отскочила. Я потом легла. Не стала туда ложиться, к тетушке легла, побоялась. Раньше всякое бывало, ой-е-е-ей!

215

Я в девках была. В Кирге жила. У меня племянник был. Мы жили на горе, а он так, под горой жил. И вот были вечерки раньше, собирали на вечер дома и девок и парней, всех: верховские идут, низовские идут... На балалайках играют, пляшут, вальс танцуют — по старинке. Кончилось это в двенадцать часов уже, идти домой надо. Идет этот мой парень, племянник-то. Вот идет. Дошел до ворот и стал. Видит: кукла пляшет... Как пройти домой? Кукла пляшет и все. Как она жива! Он: «Ай, черт побери! Че она мне, эта кукла-то?!» — Ворота-то открыл, только пошел — она стук ему сюда! В голову. Пришел домой, лег

спать. У него жар поднялся. Вот заболел, заболел. Его отец сюды возил, туды... Ни-че не могли сделать. А он не сказал, что его кукла в голову стукнула. Высох он, и вот уже осталось ему два дня или три, как помереть. Он сказал: «Мама, я умру — вы вот этот столб выкопайте и посмотрите, что там есть. Меня кукла раз в голову тут ударила, может, я из-за этого и хвораю...» Он умер. Они... столб-то выкопали, там кукла. К этой кукле — его была рубашка, который умер-то — воротник был пришитый и брюки как были — ошкур, пришитый, и волосы его были. Мать-то потом узнала: вот это наколдовали, это по злобе. Один парень у ней был, больше никого не было. Мы все его звали братка. Он вычах, но прямо одне кости. Я помню, как он лежал. ...Он сказал: «Мама, эту куклу сожгите». Знаете, вот я стояла, я помню. Эту куклу потом отец выкопал, посмотрел ее — все Сенькино (а его звали Семен), все его: от рубашки, волосы... Они эту куклу взяли в огонь бросили. Знаете, че она там делала? Она вот так там вилась, прискакивала... Сгорела.

216

...Ходила кикимора по полу и сильно стучала ногами, а того мало: гремела посудой, звонила чашками, била горшки и

плошки. Избу из-за нее бросили, и стояло то жилье впусе, пока не пришли сергачи с плясуном-медведем: Они поселились в этой пустой избе, где кикимора, сдуру, не зная, с кем связывается, набросилась на медведя. Этот помял ее так, что она заревела и покинула избу.

Тогда перебрались в нее и хозяева, потому что там совсем перестало «манить» (пугать). Через месяц подошла к тому дому какая-то женщина и спрашивает у ребят: «Ушла ли от вас кошка?» «Кошка жива, да и котят принесла», — отвечают ребята. Кикимора повернулась, пошла обратно и сказала на ходу (ребята слышали): «Теперь совсем беда: зла была кошка, когда одна была, а с котятами-то теперь до нее и не поступишься».

217

В тех же местах повадилась кикимора у мужика ездить по ночам на кобыле до того, что оставит ее в яслях всю в мыле. Изловчился хозяин устеречь ее рано утром на лошади: «Сидит небольшая бабенка, и как быть следует, в шамшуре (головном уборе-волоснике, шапочке под платок), сидит и ездит вокруг яслей. Я ее по голове-то плетью — соскочила и кричит во все горло: «Не ушиб, не ушиб, только шамштуру сшиб»».

Оделась она по-бабьему, в сарафан, только на голове кики не было, а волосы были распущены. Вышла она из голбца, села на пороге возле двери и начала оглядываться. Как завидела, что в избе все полегли спать и храпят, она подошла к любимому месту — к воронцу (широкой и толстой доске в виде полки, на которой лежат полати), сняла с него прялку и села на лавку прясть. И слышат, как свистит у нее в руках веретено на всю избу и, зная, крутятся нитки и свертывается с прялки куделя. Сидит ли она, прядет ли, беспрестанно подпрыгивает на одном месте (такая уж у нее особая привычка). Кому привидится она с прялкой на передней лавке — быть в той избе покойнику. Перед бедой же у девиц-кружевниц (вологодских) она начинает перебирать и стучать коклюшками, подвешенными на кутузе — подушке. Кого невзлюбит — из той избы всех выгонит.

ПРОКЛЯТАЯ

Как нельзя детей в избе ругать

219

Святки идут — ворожат же. Ну и вот один парень, значит, говорит: «Пойду я в баню эти камушки вот набирать и нести в прорубь, спускать — тут что-то должно быть». Эти говорят: «Ты, мол, не пойдешь». Поспорили они там. Он: «Почему?» И ночью пошел. Пошел в баню в двенадцать часов ночи. Заходит в баню... Вот, говорит, когда заходишь в баню, протянешь руку, и вот если в мохнатой рукавице возьмет — значит, богатая невеста будет (или там жених), а если просто голой рукой — значит, бедная. Он, значит, заходит, а его хватает голая рука и говорит: «Ты на мне женишься?» Он боится, напугался: если не женится, значит, что-то с ним будет. Придется, значит, жениться. Он же не знает, не видит, кто, вот рука только. Темно же, ниче не видать, только рука одна держит его: «Женишься, — говорит, — на мне?» Он говорит: «Женюсь». «Ну раз женишься, завтра вечером приходи. Ты пойд», —

гыт, — ечас домой, матери скажи, отцу, мол, жениюсь я. Принесешь, — гыт, — к завтрашнему дню мне одежду полностью, ну, всю женскую одежду мне принесешь». Напугался. Она его отпустила, все. Он пришел домой. Молчит, ни с кем не разговаривает, печальный такой, ну, напуганный еще вдобавок. Приходит; значит, и говорит: «Тятя, мама, я, — говорит, — жениюсь»: — «На ком женишься?» Он молчит, ниче не говорит. Ну, что он скажет? Сам не знает. А сам-то в мыслях думает: «Вдруг окажется какая-нибудь ведьма, старуха». Ну всяко может быть. Ну вот. Они, значит: «Ну, женишься — женишься». Переубеждать не стали. Хоть по старинке, ну, видимо — таки родители попались — не стали его переубеждать. Женись, ладно.

На другой день с матери попросил: «Давай мне платье; нижнее белье — все». Взял, чтобы, значит, одеть-то полностью. Пришел туда, в баню. Опять в такое же время, ночью. В то же самое время пришел, она ждет: «Пришел, — говорит, — принес мне одежду?» «Принес». Она одевается. Он еще не видит, как она оделась. Она была совершенно голая. Девушка. Он ее ведет, видит очертанья, а лица сам не видит. Когда завел ее в избу, она оказалась такой красавицей! Вот писаная красавица. Она говорит: «Ты меня ничего не

спрашивай. Я, — гыт, — тебе ничего не скажу, откуда взялась в этой бане. Ничего не скажу. Потом, — говорит, — ты с годами все узнаешь». Прожили они несколько лет. Ну, детей не было, правда. Вот она начала скучать. Скучает, тоскует, жена-то. Ну, жили очень хорошо, в общем богато жили. Он, значит, эту девушку, жену-то свою: «Ну что, — говорит, — с тобой случилось?» — «Мне бы в гости съездить». — «К кому?» — «Ну, — гыт, — к знакомым своим, родственникам». — «Ну, хорошо, — гыт, — я тебя повезу».

Запрягли пару коней, поехали. Едут сутки, двое, трое. Она говорит: «Езжай, езжай дальше. Вот, — говорит, — еще одно село будет там. Вот туда мы едем». Уже темно. На улице ночь. Они подъезжают к селу этому — и крайнее окошко. Свет горит. «Вот, — говорит, — заверни, — говорит, — мы здесь переночуем». Он заворачивает к этому дому, стучится. Оттуда старческий голос, старуха говорит: «Кто там?» Они: «Откройте, бабуля, переночевать». — «Зачем вы мне тут со своей переночевкой. Мне и без того... всю жизнь я тут маюсь». Ну, открыла дверь, так они вошли. «Дите, — говорит, — с малых лет не растет. Лежит целыми сутками и ревет. Все силы, — говорит, — уже с ним... Измучилась. И не знаю, че делать. А тут вы

еще с гостями со своими». Ну, она уже дошла до того... бабка, худая! А ребенок все не растет, все в зыбке качается и даже ни на минуту рта не закрывает: кричит и кричит, и плачет, плачет и плачет, да заревывается еще! Вот она с ним прямо не знает, че делать. И кормит его, и все... Ладно. А эта, жена-то его, и говорит: «Когда я, — гыт, — была маленькая и лежала вот в этой зыбке качалась, я заплакала, ись попросила, а ты послала меня к черту: «Пошла, — гыт, — ты к черту». Ну она была еще молодая в те годы. Вот это мать прокляла ее, послала к черту, а черт это услышал, взял ее и забрал, эту девочку. Забрал и растил до восемнадцати лет, до совершеннолетия. Воспитывал. А вместо ее, значит, положил полено. Это полено, конечно, в ребенка превратил. Положил это полено... И черт ее растил до восемнадцати лет. Вырастил и говорит: «Ну, ты уже совершеннолетняя. Тебя нужно замуж выдавать». Он не черт был, а вот этот банник самый. Она в бане росла до восемнадцати лет. Но только невидимая была. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, он ее видимой сделал и говорит: «Вот если придет сюда парень молодой, если он откажется жениться на тебе, то ты вообще не выйдешь замуж и будешь такая же невидимая. Никто тебя не увидит, и вооб-

ще ты будешь одна. Если, — говорит, — согласится он жениться, то будешь жить ты счастливо, богато». А мать-то не верит, говорит: «Врешь!» Не верит, что это ее дочь-то. Она: «Нет, — говорит, — я не вру». Подходит и это полено, ну, ребенката берет — и к окошку. А старуха-то закричала, напугалась. Она это полено-то, ребенка, берет и в окно выбросила. Ребенок-то упал, закричал и в полено обугленное превратился.

220

В Новый год молодые парни собрались, девки заспорили, кто пойдет в баню, принесет камень. Один парень пошел, подошел к каменке, хотел взять камень — а его цап за руки. «Возьмешь замуж — отпущу, нет — задавлю». Пришел домой парень, заболел. День, второй... На третий все рассказал матери. Мать дома все перекрестила и засвятила. А она ночью приходит: «Что? Засвятила, закрестила? А я тебя все равно найду!» Ну вот, отец поехал к попу. А поп говорит: «Пушай он ее заставит в церкви венчаться». Пришел парень в баню, сказал ей про венчанье-то, а она: «Ну и что? Я венчана буду, жена твоя буду. Мне ни платья не надо, ниче не надо. А откуль ты высватал меня, оттуль и бери. Ты придешь в баню, там будет стол, на нем закуски,

вино. Вы не пейте, не ешьте. А ты бери меня за руку и выводи». Вот они пришли, открыли баню, а она, правда, сидит, ободочена уже. А перед этим она ему сказала: «Только не говори: «Господи благослови». Вывел ее. Пара коней стоит, а она ему сказала: «Поезжай, а я за тобой следом». В церковь пришли, окрестили; поставили к венцу, обвенчались. Приехали, смотрят красавица-девка, статна така. Поп сказал, чтобы двенадцать обедней отслужили.

Вот на масленку все молодые едут к теще на блины, а свекровка говорит: «Вот видишь че, а вы куда поедете? В баню?»— «А че? И мы поедем, только далеко. У меня тоже отец и мать есть». Собрались, поехали. День едут, второй едут, на третий заехали в деревню. Подъехали к одному дому, а в нем ребенок ревет. Она: «Иди, просись ночевать, да и полечить ребеночка надо». Заехали, подошла она к зыбке-то, это невестка-то, посмеялась. А хозяйка-то ей: «Девка, ты че? Умеешь, дак лечи». Попросила топор, берет из зыбки осинное полено в тряпнице. На пороге трижды рубанула его и говорит матери: «Вот ты с кем водилась. Ты меня прокляла, а чертенок-то в зыбке остался».

221

Ну, вот спорились они. Вот один говорит:

«Ты сходи, притащи мне камень из бани». — «Че ж я его притащу? Ставь четверть вина — так притащу». — «Поставлю». Он гыт: «Я только руку-то протянул — женска рука меня за руку... Взяла да и говорит: «Возьми меня замуж, так я, — гыт, — тебе дам камень. Мне уж, — гыт, — двадцать лет, так мне надо судьбу-то...» Ну он потом испужался, принес камень, дал имя, а сам домой пришел. Согласье-то дал, а сам боялся. Ну, теперь мать-то, значит, — че такое? Женщина пришла, под окошком повертелась, гыт, ушла. А на второй-то вечер приходит, имя его называет и все. «Ты же че же, Миша, посулился... Мне уж двадцать лет, а ведь я нагишом хожу, мне стыдно. Давай, говорит, бери меня». Ну мать-то говорит: «Ладно, доченька, иди. Завтра придем вечером к тебе». Она мать-то послушалась, пошла туда, в баню. Вот они вечером священника взяли, он ризу взял, священник-то. Одежу взяли, все. Приходят в баню. А она там готовилась, стоит. Но нагишом. Он ризой накрыл ее. Здорова така дивчина. «Ну че, доченька?» — «Да ниче, — гыт, — пойдемте. Теперь я, — гыт, — знаю, что пришли за мной». Ну, пришли. Свадьбу сыграли, все.

И вот, гыт, год живем, сын родился, дочь родилась — и ниче, говорит. Ну, те-

перь, на крестины все собираются, а я гыт, сижу да говорю: «У всех есть родня, а у меня нету, к кому же поехать?» А она: «Почему? У меня есть родня. Отец, мать есть. Вот живут там-то, там-то, такой-то переулок. Запрягай только жеребца». Приезжаем, гыт, она заходит. Мать качает зыбку. Вот качат, качат. Она говорит: «Ты кого, мама, качаешь? Дай, — гыт, — мне качнуть ту зыбку». Она гыт: «На, поводишь, деточка (она ее не узнала), поводишь, деточка». Она взяла это полено, бросила. «Вот, мама, я приехала с мужем». (Они ее прокляли). Ну и вот, гыт, дожили до этих пор. Хороша. Все берется делать. Все, гыт, у матери спрашивает, все училась: я же, гыт, проклятая, я же по баням.. А мылась-то, гыт, ходила по речке, мылась, гыт, в речке. Зимой, гыт, в прорубе купалась, проклятая.

222

Жили мужик и жонка. И детей у них много-много было. А она опять двоих принесла. А мужику уже деток не нать — кормить нечем. Да еще девки. А он девок не любил. Вот она и говорит мужику своему: «Поди, мужик, у меня ребенка брать». А сама тихо и спроговорила: «Хоть бы одну-то подпольник взял». И только сказала, глядь — одной девки нет нигде.

как не бывало! Ну, ладно, она и мужику ничего не сказала.

Прошло лет много. Девка эта у родителей выросла. Уже лет семнадцати стала. Вот праздник там пришел, отец с маткой поехали в соседнюю деревню. А девка эта сидит у окна в избы, в пяльцах шьет. Шьет она, шьет, как тут подполье открылось в подпечи (из-под печи), и девка друга оттуда вышла. «Здравствуй, — говорит, — девица, слушай, што я тебе скажу. Принесла нас с тобой матка в один день, мы с тобой сестры-однобрюшницы. Побоялась мать мужика своего, што деток много. Позвала мужика к себе, а сама говорит, што хоть бы одну подпольник взял. Ну вот, ты и выросла на белом свете у отца-матери, а я у подпольника. Да недолго уж жить мне в етом подполье, сегодня взамуж выхожу, уйду в друго подполье. Ты, сестра, погляди на свадьбу мою. Открой подполье вечером и гляди. Не бойся, тебя не тронут, ниче тебе не сделают. Только дальше, чем за пояс, не затягивайся и гляди до двенадцати часов. Как зайдет за полночь, так тогда не гляди. А утром поди спустишь в подполье, увидишь там ящичок, там полушалок, фартук возьмешь — гостинец тебе». Сказала — и как нет девки, пропала. Сестра та дождалась вечера. Сделала все, как та сестра велела.

Открыла подполье, стала глядеть. Сперва темно ей показалось, а потом как загорит, загорит свет! И люди-то идут, едут! Полна изба. И невесту-ту ведут. И мужик такой с ей видной — жених. Свадьбу играют. Глядела, глядела та сестра. А тогда стало двенадцать часов, так все снова темно стало. Ничего не стало. Сестра-то закрыла подполье и ну реветь, ну плакать. А утром говорит брату-то (годков пяти он был): «Спустился в подполье, там мне чего-то поглядеть нать». Ну, спустились они. Все так и есть, как та девка сказала. Открыла сестра ящичок, взяла фартук, полусалок хорошие (...).

БАННИК

В какой бане банники живут

223

В бане тоже свой хозяин есть — банник. Когда идешь в баню, надо у него напрашиваться: «Пусти меня, банный староста, помыться-попариться!» Или вот так: «Батюшка-парушко, как впустил, так и выпусти». А не то быть беде.

224

Раньше нищих много было. В холода они искали теплые места: в дом просились, в баню... И вот нищая одна рассказывала. Много нас было, разделились мы и пошли в разные бани. Наша группа, человек пять, зашла в одну баню, мы спросились у банного старосты. А те, другие, зашли в другую без спроса. Мы спим, и вдруг двери открываются, и какая-то нечистая сила говорит с порога, что хочет нас убить. А банник не пустил ее. Только светать стало, мы оттуда задом и убежали. А в той-то бане все убитые были.

К одному крестьянину приходит вечером захожий человек и просит: «Укрой меня к ночи, пусти ночевать». — «Вишь, у самого какая теснота. Ступай в баню: сегодня топили». — «Ну, вот и спасибо, я там переночую». На другое утро вернулся чужак из бани и рассказывает: «Лег я на полок и заснул. Вдруг входит в баню такой мужик, ровно бы подовинник, и говорит: «Эй, хозяин. На беседу меня к себе звал, а сам пущаешь ночлежников: я вот его задушу». Поднялась той порой половица, и выходит сам баенник. «Я его пустил, так я его и защищаю. Не тронь». И начали они бороться. Боролись долго, а все не могут одолеть друг друга. Вдруг баенник крикнул: «Сыми крест, да хлещи его». Поднялся я кое-как, стал хлестать, — оба они и пропали».

Это было в Пажгино. Я там рыбачил во время войны. Я к бабкам там пришел, бабки там соберутся в одну избу и это все рассуждают. Я пришел как-то так к им сидеть вечером. Они все рассуждают: «Вот, — грит, — факт был у нас. Раньше в избах не давали рожать, в банях рожали: родильницы. А в баню идти — надо набиваться к банной старосте. В баню, во двор

ли, где у них, — грит, — хозяин». Вот они стали рассказывать, у меня на голове волосы заподымало. Ужасно было. Вот оне факты стали рассказывать.

Две родильницы в одну ночь слегли в баню. А в баню-де если не напросишься, банник родильниц-де задавляет. Так эта, которая-то, напросилась к банной старосте на две недели. На сколько ты идешь, у банной старосты напращиваешься: «Банная староста, пусти меня». Ну, на квартиру к ей, как говорится. Она будет хранить. Вечер пришел, поздно, часов двенадцать, наверное, близко. А у ее-де маленький огонек мигает на лавке. Она с ребенком лежит. Одна-де (банная староста) пошла к другой: «Подруга, пойдем ко мне». А та-де: «Зачем?» — «У меня седни там родильница. Надо нам с тобой ее задавить». А та отвечает: «Не, я не пойду, девка. Ты как хочешь, иди, я не пойду. У меня квартирантка. А ты иди сама одна — делай как хочешь». Утром встали. Действительно, та родильница задавлена. Ребенка не задавила, ее задавила, младенца-то не задавят — он безгрешен. Эта напросилась, а та, видать, нет. А эта такую вот рассказала историю.

227

Мой дедушка Иван любил в бане спать.

Вот на новое место перебрались, пошел дед в баню. А этот банник, видно, не любил, когда у него спят. Ну, дед-то этого знать не мог ведь. Так вот что вышло. На первый день банник его прогнал. Дед на другой день приходит. А там на лавке лежит здоровенный теленок и па него глядит. Дед сам ушел. Че такое? На третий раз он все же лег в бане. Так банник его за это согнул в три погибели и в печь сунул. Старуха утром деда едва вытащила. Он потом вскоре помер. Во как!

228

Пьяным в баню тоже ходить нельзя. Отец один раз ходил в баню пьяный, лег на лавку, стал засыпать. Вдруг старик заходит, белый такой, бородатый, стал его душить. Отец сматерился, вырвался и убежал. Говорят, это банник душил.

229

Я с именем господа Бога топлю баню. А когда я собралась рожать, свекровь меня послала в баню и говорит: «Варя, в баню зайдешь, говори: «Господи, благослови». Примет у меня ребенка, в тряпку завернет и меня вперед посылает, вперед ее чтоб шла домой. Иначе банник роженку может не отпустить, до смерти задавить.

У нас была така баушка хороша — у тяти мать. Добрая и богомольная такая старушка. И вот у ее снохи родился ребенок. Раньше больниц не держали, все дома рожали. Роженку одну не оставляют, два дня в бане живут, совсем в избу не ходят: Наносили-ка на пол соломы и остались спать. А ночью каждый камень на каменке зашевелился! Как вот черви, камни на каменке зашевелились! Мы утром ребенка схватили — и бежать. Это уж бабушка сама рассказывала.

Женщина неделю в бане с ребенком лежала, и с ней все время кто-то был, одну не оставляли. К одной женщине ночью двое пришли. Посмотрели баню и говорят: «Нет, она не одна». И ушли. А там мальчишка, малец-то всего и был. Но они все равно испугались, банники-то, и не тронули ее.

Девка была у нас в тягости. А мать у нее не родная была, она ее боялась. Ушла в баню — там рожать хотела. А у нас в то время вечер колхозный был. День работаем, а вечером собираемся, гуляем все вместе — и девки, и парни. Ну вот, баня-то рядом с клубом стояла. В баню-то зашли — рев ее кто-то услышал. А когда за-

шли туда, она мертвая была, и ребеночек тоже. Головой в каменке лежала на полу, а пол-то весь исцарапан был. Беда красивушка девка была, шибко бойкая. Люди говорили — банники задушили.

233

В Лубянке рожонка ушла в баню. Ребенка вымыла, муж ребенка и снес. А около бани брат дрова пилил. Вдруг в бане забрякало, брат мужа крикнул. Муж в баню заходит, видит — а жена в каменку по пояс затолкана. Это бес ее так. Сырой женщине нельзя одной в бане оставаться.

234

Бабушка моя сказывала. Пошла одна женщина в баню, а говорят, что нельзя роженице одной в бане мыться. К ней банник вышел, а она моет ребенка, ей кажется, что мать пришла. А он и говорит женщине-то: «Сними крест, убей ребенка!» Да тут настоящая мать-то пришла, и банник исчез.

235

Мать моя была сирота, мачеха была у ей. Пришла она рожать в баню с баушкой. Родила двойню. Баушка утром и говорит: «Посиди, я домой схожу, пошлю к тебе девчошку или мужа». Сидит она, заходят две женщины, одна с веником и тазом,

другая же просто так. Одна другой говорит: «Запарим». Другая говорит: «Давай ребятишек унесем». Спорят и спорят, и нет между ними согласия. Пришла в это время девчонка ее, они исчезли. Прибежала, говорит: «Сейчас тятю пошлю». Так нет, не осталась мачеха, пошла посреди огорода, ушла, муж за ней прибежал потом.

236

У нас сноха родила маленького. Она пошла мыть его в баню, а там шапки вострые красные, ноги мохнатые — большой да маленький. Она, видать, молитвы-то не знала, еле-еле сама убежала оттуда.

237

Вот еще мамка сказывала. Молодая девка была. Интересно все было. Вот и доинтересовалась, понесла. Рожать подошел срок, дома и родила. Пошли они в баню ребенка мыть. Пока молодая вождыхалась, баба решила хлеб поставить. Садит она хлеба, глядит в окно — в баню востроносые шапки заходят, ноги волосатые. Около молодухи вертятся, все к ней ладятся. Бабка когда пришла, дверь отворила — и пропало все.

238

Свекровь рассказывала. Раньше ребенка родили, тоже в баню ходили. Пошли в ба-

ню молодуха со свекровью, пришли, а мыло-то забыли. Свекруха ушла за мылом, а молодуху-то оставила. Она пока ребенка разворачивала. Заходят в баню два солдата. Один говорит: «Бери ее». А другой: «Нет, не буду ее брать, у ей на руках младенец». И стоят, тот заставляет, а этот говорит: «Не буду я ее брать». И эта бежит, с мылом-то, и вдруг их не стало. Дак та говорит: «Я стою вот как немая, свекруха-то не знает ниче». Потом молодуха-то скорей-скорей ребеночка вымыла и скорей из бани-то бежать. Вот, нельзя молодых-то в бане оставлять.

Банник подменивает ребенка

239

Я вот от свекрови своей слышала. Одна баба родила парня да на второй день мыть его пошла. А воды-то в бане нет, она его на лавку положила, а сама за водой побежала. Приходит, а парнишка-то под лавкой лежит. Когда его достала, совсем не такой оказался, какой был. Они осиновое корыто сделали, сверху им ребенка накрыли и рубили до трех раз. Через день помер. Стало быть, ребенок подмененный был. А раз подмененный, то не жилец.

Пошла у нас одна ребенка грудного в бане мыть, а он у ней еще некрещеный был. Пошла, а мыло что ли забыла. А бани-то у нас у реки, на задворках, недалеко. Она мигом обернулась, а прибежала обратно — ребенок у ей криком заходится. Ну, помыть она его помыла. А ребенок день ревет, два ревет, год ревет и не растет совсем. А умер когда, из него черви полезли. Так вот это банник его подменил.

У моего свекра был брат, Александр, они умерли уже все. Дак баба его родила в бане ребенка, девку, и, говорит, ишо пошла когда, свекор-де: «Иди с Богом, может, тебе кого Бог даст». Она там родила девочку, а не было ножниц, надо было пупик отрезать. Она по пожницы пошла домой. Пришла, а она ведь не знает, она переменная или нет, маленькую-то не узнала. А она у ее была страшная такая, ниче не понимала, рот откроет большушший, язык выставит. И вот до двадцати семи лет прожила, не знала, как ее называют. Страшная-страшная. Баба-то grit: «Подмененный у меня ребенок». И когда, эту девушку Надей звали, и умерла она на двадцать седьмом году, ей привиделось во сие на девятый день. Grit, столько детей

там, эта ограда-то белая, в оградке-то столько детей! И у всех-де цветы в руках и все они с бумажкима ходят, кто читает, кто пишет. А я-де подошла к оградке-то, она мне кличет: «Мама, иди сюда». Я-де подошла, она по-за оградке ходит. Я говорю: «Надюшка, тебя че не пускают-то?» — «А двери на замке закрыты. Меня-де не пускают». Я-де подошла, и верно на замке. Я-де воспитательницу кличу: «Подойдите сюда, ко мне». Из них-то никто не подошел. А потом она куда-то отошла, а она уже осталась там, девушка-то. Мне попалась женщина — идет навстречу, туда. Я-де говорю: «Почему мою Надю не пускают?» А она-де говорит: «А она не наша. Нам се не надо». Не наша, значит, перемененная была. Ой, какая страшная!.. Так, видно, положено ей было столько прожить. Ну и все, она ведь около царства небесного, ее туда не пускают. В оградке-то маленькие все, они уж умерли. В райских дверях они, видишь, в царстве. А Надя по-за царством. По сну-то.

242

У нас у бабушки был сын. Ваней звали. Она его родила дома. Потом она истопила баню. Баня у них, жили, они дико, около речушки баня была. В бане-то у нее холодной воды нету. Ребенка-то положила,

пошла — ведро воды принесла, ну, две-три минуты. А ребенок ревет. Домой пошла: все ревет-ревет, ревет-ревет. День и ночь ревет. В люльке качает — ревет, не качает — ревет. Все ревет. И вот пришел цыган — на квартиру к ним попросился ночевать. Глядит на ребенка и говорит: «Ой, Тánюша-Тánюша, это не твой Вánюша. Давай топи баню. Я тебе его выменяю. В какой ты бане его сменила?» — «Да, — говорит, — в своей бане». И баню затопила. На третью баню токо ребенка-то достали. Ой, он спал сколько суток, не просыпался! Первую баню он, значит, делал — ему его не отдали — то свинепка выбросят, то голубенка выбросят, то веник сухой выбросят. На вторую баню так же. На третью баню выменял. Скорее дверь закрыл. «Бежи, — говорит, — и не оглядывайся». Еще там сидит скока, отговаривается. «Вот, — говорит, — на тебе Вánюшу. Это, — говорит, — у тебя был не ребенок, а веник». Веник был брошен. Вот он и шумел, веник-то. Он сухой, шебуршит, а кажется — ребенок ревет. А ребенка всего измучили. Вон, чуть тепленький. Так трое суток спал. Парень был. Банник его подменил, пока она за водой ходила. А тожно цыган говорит: «Купи мне шаль большую». Эти большущие шали-то были. А у дедушка была лошадь. Говорит: «Свези меня до

Ныроба». До Ныроба свез и шаль ему большую дал за то.

243

В бане живет банница. Она злая. Однажды она подменила ребенка. Женщина в бане рожала, а банница его украла. А той положила не настоящего ребенка. Он ест и спит, а только не растет, не движется. Прошло семнадцать лет. Однажды один парень пошел в баню. Его поймали черти и захотели убить. Пришла банница и отобрала его у них. Повела его к себе и говорит: «Выбери себе невесту, а то убью». Перед ним на лавке сидят девки, все улыбаются. У них зубы желтые, только у одной белые. Он взял эту, с белыми зубами. Вот они повенчались и стали жить. А девка-то пришла к той женщине, у которой ребенок не растет, схватила его и бросила через себя, а он покотился и стал чуркой. Девка и говорит: «Это меня подменили, ведь я твоя дочь».

244

Пошел парень в баню ворожить. И вот кто в него вцепился и не отпускает. Он смотрит — это девка перед ним. Она и говорит: «Замуж меня возьмешь, тогда и отпущу». Парню нечего делать; согласился. Она ему тогда наказывает: «Приходи в двенадцать часов ночи в баню со сватами. Выйдет нас

двенадцать девок, а чтобы ты меня отметил из всех нас одинаковых, я ленточку на плечо себе пришью. И с каждой стороны будет стоять по три мешка. Так ты возьми те, что справа». А может, и слева она ему сказала, я уж не помню. А в мешках-то деньги были, приданое ее. Он так и сделал. Вот свадьбу сыграли и сколько-то прожили, она и говорит-де: «Поехали к моим родителям». Парень с родителями подивились: «Да куда ехать-то?» А она все пристаёт. Ну, те согласились. Ехали, ехали, остановились у одного дома, вошли. Глядит — женщина сидит, зыбку качает. Девка к зыбке подошла да как швырнет ребенка к порогу: «Кого рбстител!» А ребенок-то вдруг поленом стал. Подмененный, видимо, ребенок был. А настоящая девка у банницы росла.

245

Мама моя случай рассказывала. Родился ребенок и не растёт. Ест, а не растёт. Поповский ребенок-то был. Восемнадцать лет пролежала в колыбели девочка, да такой и осталась. Потом у той семьи, как двенадцать часов наступит, в малой избе свет зажигается. Утром приходят — никого нет, а пола вымыты, все чисто. Работника попова послали туда ночью посмотреть. Пришел он и залез на печку. Открывается

половица, девушка выходит красивая, начинает прибираться. Потом говорит: «Ну, выходи, молодой человек, или боишься? Выходи, бери меня замуж». — «Ты, может, чертовка?» — «Нет». — «А венчаться будете?» — «Да хоть сейчас». Пришли к попу: «Венчай нас». Обвенчал. Девушка в избе сидит и спрашивает: «Что в зыбке-то?» — «Ребенок». — «А сколько лет ребенку?» — «Да вот уже восемнадцать лет не растет». Девушка взяла ребенка на руки, перекинула через левое плечо, тот поленом обернулся. «Я ваша дочь, — говорит, — меня чертовка украла и восемнадцать лет воспитывала. И приданое припасла». Под пол пошли — там сундук стоит.

После третьего пара

246

...Банник всегда моется после всех, обыкновенно разделяющихся на три очереди, а потому четвертой перемены или четвертого пара все боятся: «он» накинется — станет бросаться горячими камнями из каменки, плескаться кипятком; если не убежишь умеючи, то есть задом наперед, он может совсем зашпарить. Этот час дух считает своим и позволяет мыться только чертям; для людей банная пора в деревнях обык-

новенно полагается около пяти-семи часов пополудни.

247

После трех перемен посетителей в бане моются черти, лешие, овянники и сами банники. Если в это время пойдет кто париться в баню, то живым оттуда не выйдет: черти его задушат, а людям покажется, что тот человек угорел или запарился. Повсеместно на Руси распространено поверье об этой четвертой роковой банной «смене».

248

Было в деревне четыре брата. Все женились, у всех семьи. Один брат избу новую построил, баню поставил. Приехала родня, баню натопили. Кто мужики, первые, ну, потом пошла тетя Катя с ребятами. А говорят, после третьего пара банник может появиться, а тут уж не знаю, какой пар-то был: много народу. Она мужу-то и говорит: «Ты, Федор, приди за ребятами-то потом». А Федор напился, спит в избе. Была у них раньше собака Чупа рыжая, да давно сдохла уже. Ну и вдруг заходит в баню эта собака, тетку за шею и поволокла в каменку. Пичкала, пичкала там. Ребята ревели в голос. Ну, Федор проснулся, прибежал. Смотрит, а жена головой в

каменке. Потом она долго в больнице лечилась.

249

Дочь у меня однажды захотела в баню сходить. Истопили баню, а я ушла корову доить. Прошло время. Ее нет и нет. Потом чувствую — что-то случилось, корову не могу доить. Побежала в баню. Смотрю в окошко, показалось, она одевается. Забегаю в предбанок, двери дергаю, никак не могу открыть. Спрашиваю: «Почему так крепко закрылась?» Стучу — не отвечает. Вот говорят, Бога нет, а все равно Бог есть. Говорю: «Господи! Что такое? Открой, помоги, господи!» Перекрестилась, а дверь как открылась, что я к стене улетила. Забегаю вовнутрь. Смотрю: она с полка вешается головой вниз, в ванну головой, а ноги там. Сняла ее, вытащила в предбанник. Мяла, мяла ее, врача вызвала, еще минут пять бы и живой не была бы. Дочь потом ничего не помнила.

250

Женщина одна пошла в баню. Ну и потом она оттуда — раз! — выбегает. Ну, голая вся (пока разделась, мылась...). Выбегает, че-то вся в крови, в общем. Прибежала домой, отец на нее: че, мол, случилось? Она кого? Она ни слова, никою не может сказать. Пока водой ее отпаивали... Этот

отец в баню забежал. Ну, ждут час, два — нету его, три — нету. Раз — опять туда забегают: там шкура на каменке натянута, а его самого нету (...). Это банник! Вот он, короче, побежал: он с ружьем, раза два успел выстрелить. Ну, а, видать, рассердил его шибко... Ну, и шкура, говорит, там натянута на каменке.

251

У нас в Еремино дед один... Константин, кажется, попался баннику. Они с бабой в баню ходили. Баба-то уже оделась, а дед взади остался: Ему шапку да тулуп одеть осталось. Баба ему и говорит: «Я уж пойду, а ты догоняй». Домой пришла, а деда минут пятнадцать нет, двадцать... Побежала в баню. А старик-то в предбаннике лежит, весь голый. Ну, живого его захватили еще. Он потом сам рассказывал: схватили его, раздели, на полок утащили, а потом с полка стаскивать начали. Кто за ноги, кто за голову тащит. И душат, и мнут... Вот отсюда-то и идет: ходи в свой пар.

252

Не любит банник, когда в баню поздно ночью ходят, особенно после двенадцати. Пугает он тогда людей, выгоняет всяко, а то и задавить может. Много случаев рассказывают.

253

Был у нас мужик один. Ну, он в чертей и колдунов не верил. Все отвечал: «Брехня это все. Ничего такого нет. Я, говорит, сам черт». Вот пошел он в баню однажды. А после двенадцати часов пошел. Потом сказывал. Пришел к нему черт в виде дядечки. Он схватился с ним. Мужик-то сильный был. Черт-то его все на каменку метит бросить. Боролись, боролись, не смог он его побороть. Размахнулся им, да как бросит его в дверь, так косяк-то и вылетел. Мужик-от тот три дня лежал, без языка был. Только на четвертый день и отошел.

254

Говорят, в Усть-Уролке один пошел в баню в двенадцать часов, да еще пьяный был. Хозяйка-то его вымылась и ушла домой, спать легла. А мужика все нет. Приходит она в баню, а он уже мертвый, язык у него вытянен. Банник его задушил, защипал всего, он весь в синяках был. Вот как поздно-то в баню ходить!

255

В Смоленской губернии, всходя на полок париться, приговаривают: «Хрещеный на полок, нехрещеный с полка!» А выходя из бани, оставляют ведро воды и веник для

домового, чтобы и он мог омыться и выпариться.

256

После смерти Борисовой только одна баба у нас не верила, что в бане после двенадцати мыться нельзя. Все в баню по ночам ходила и делала что-то там, с чертями или как, не знаю... В общем, эта баба пошла туда после двенадцати. Мыться стала, голову-то в тазик наклонила, а по спине ее кто-то будто шерстяной рукой задел. Я, говорит, так голая на улицу и выскочила со страху. А ведь не верила раньше, не боялась ничего. Потом баню эту перелаживали наоборот — наизнанку, все обратно. Это чтобы не мерещилось больше.

257

Брат-то раз вот вечером поздно пошел в баню. А банник-то это любит, ждет, значит. Брат-то грит: «Дверь открываю, а там — жабы, змеи, гады всякие! Кишит все!» Все на него, а он — бежать.

258

Еще одна баба сказывала: «Вот топила ночью байну. А потом ведь пришла (тогда с коровьей шерсти кафтаны ткали, кители шили такие коротеньки) — ено как, — сказывает, — меня сгрибчило, так у этого каф-

тана зад отпал в руки в бане. Ну, потом мужики приехали, пошли в байну мыться: и каменка разрытая, и вода вся вылита. Вот, вот ночью в байну ходить!»

259

Теща у меня раз приходит в баню. Стала баню затоплять. Она, значит, затычку снимает — дым хоть некоторый выходит, она раз выдернула затычку — не выходит, другой раз — ни черта. На третий раз выдернула она — а из трубы показались пальцы сизые, длинные. Ну, она тут перекрестилась, помолилась. Стала топить баню. И больше ничего.

260

А тут одна баба чесала лен тоже. Лен-то у нас по вечерам чесали. Ведь дни-то коротеньки осенью, дак. Пришла в байну чесать лен. Чесала-чесала. На полках сидит как белая кошка, глаза сверкают-сверкают такие у ней. Я, сказывает: «Кис, кис, кис...» Киска не двигается. Да я бегом это, щеть в руки, да лен. Дак побежала за камнем, сказывает, колготнула в байну, дак. Вот привидения какие.

261

Один раз мама с тетей чесать лен пошли в баню, и я с ними увязалась. Надолго я этот случай запомнила, хоть и маленькая

была. Зима была, времени много уж было. А тетушка со снохой жила плохо, очень она ей не нравилась. Стала она говорить, что все равно удушится, не будет жить со снохой. Только сказала, а углы как зашевеливаются, как зашумит все. Мама стала креститься, молиться, кочергу поставила поперек двери; потом мы все вышли задом из бани. Не понравились, видно, кому-то те слова...

262

А я когда-то мяла, вот теперь расскажу. Раньше мяли лен, вы ведь не помните. Я ушла в четыре часа утра. Я говорю: «Мама, разбуди меня в четыре часа, я пойду». Я пришла в баню, да жарко. Че-ко опять легла на лавку. Видится мне во сне: пришел китаец, меня под задницу пинает. Я встала. Встала — сижу — под полком шшенок ревет. Ну, под полком-то земля была. Я этот трепала, трепала лен, он все ревет. Прямо вижжит. Стала мять лен. Я взяла тогда принесла куштан и давай копать эту землю под полком. Всю ископала землю, а на середине стоял столб. Столбик такой вот — полоч приколачивают. И он ушел под вот этот, под столбик и замолчал. Я прихожу домой когда-ко, говорю: «Я больше одна в баню не пойду рано», — грю.

Женщина одна в Усть-Уролке живет. Она еще от порчи лечить может. Сама она сказывала. Истопила баню, поздно уже. К ей одна женщина ходила мыться все время, а в этот раз не пришла. И вот пошла она одна в баню, думала: «Я-де одна помоюся в бане хорошо!» Только начала мыться, а ей с потолка на голову словно грабли тянутся. Она испугалась и домой побежала. А это банник ее страшал за то, что поздно в баню пошла.

Забрался он перед праздником, запоздалым в дороге, в свою баню, после полуночного часа. Раздеваясь второпях, он вместе с рубахой прихватил с шеи крест, а когда полез на полок париться, то никак не мог оттуда слезть «подобру-поздорову». Веники сами собой так и бьют по бокам. Кое-как слез, сунулся в дверь, а она так притворена, что не отдерешь. А веники все свое делают — хлещут. Спихватилась баба, что долго нет мужа, стала в оконце звать — не откликается, начала ломиться в двери — не поддается. Вызвонила она ревом соседей. Эти пришли помогать; рубили дверь топорами: только искры летят, а щепок нет. Пришла на выручку баба-знахарка, окропила дверь святой водой,

прочла свою молитву, отворила. Мужик лежал без памяти; насилиу оттерли его снегом.

265

Банники людей давили. Мне уж не блазило, люди рассказывали. В бане давили, на полу. Еще мы жили вместе. Две сестры были. Пошли-де париться с имя. Вот, гляжу, это брат говорил, он тогда еще маленький был ишо. Вот, гляжу, девки, Клавдия да Груня, лезут в каменку. Я-де их вышвырну, возьму-де их, выдержваю, опять-де в каменку лезут. До того-де дошло, что я их на улицу выбросал. На улице. Ну, не знаю, зачем лезут в каменку. Кто-то их-де тама волок.

266

Татка рассказывала. Утром встаю, на самовар угли надо. Серенький свет, часа три-четыре. Дверь открыла — ой! — ладушки захлопал, заревел, захохотал. Я, гыт, закрестилась и взапятки, взапятки — и убежала. Ну, не пойду теперь сроду больше за углями... Ну, едва прибежала! Я ей говорю: «Дак ты че в баню-то ночью? Какой тебя понес?!» — «Так углей нагребу: самовар ведерный».

Как банники моются

267

Женщина одна рассказывала. Пошла она как-то в баню взять что-то. Подходит к ней, а она ночью шла-то, и чувствует, что она горячая вроде. Приоткрыла дверь, а откуда пар валит, и будто вениками хлещутся. Закрыла она дверь и убежала. А это банный староста сам парился.

268

И в банях чудилось тоже. Значит, все перемылись. И пошли они вдвоем мать с ребяташками, ли че ли. Налила, говорит, воды, начинает мыть. А под полком — поллок кверху поднимается — ребенок ревет: «Увяк, увяк...» А тут кто-то и говорит: «Ну, погоди, я тебя сейчас помою...» А баба та собралась, ребенка в пазуху — да нагишом из бани...

269

Соседка, она у нас раньше жила. Она рассказывала, что когда была маленькая, у них было семь человек, кажись, семья. И вот, когда после шестого человека (...), когда она была маленькая, она пошла в баню, разделась уже и слышит — на полке кто-то парит ребенка, ребенок ревет, короче. И веником кто-то парит. А это, говорят, была банница. Она перепугалась и по-

бежала домой. А потом сказали — говорят, когда заходишь в баню, в старую, в черную, то надо говорить: «Банница, пусти помыться».

270

У моего двоюродного брата в бане черти мылись. Давно это было. Вот налили горячей воды, взяли веник и давай париться. Он из клуба шел, услышал, что гремит в бане что-то, заглянул, а там такие волосатые с хвостами. Он испугался и убежал. Потом пришли в баню, а в тазике вода, и веник чуть живой.

Чудится в бане

271

Девки собрались в баню в субботу и гармониста позвали. Гармонист-то раньше в баню к ним пришел, ему показалось, что девки в бане уже танцуют. Он сел на порог и подыгрывает им. Вдруг смотрит: в углу-то сидят в яркой рубахе нарядной (она всегда ярко одеваются), а ноги-то коровьи, и у девок-то тоже. Он и побежал из бани, а девки-то за ним. Пинжак сорвали с него.

272

Раньше все девки собирались вечерами в бане: пряли, песни пели, ребята приходили.

Сидели с лучиной. Парень один с гармоникой шел, искал, в какой бане собрались. Слышит — девки песни поют. Зашел в ту баню — никого. «Ага, — говорит, — от меня скрываетесь». Спичку шваркнул, а там висит кожа! Не то человеческая, не то от зверя какого. Он убежал, испугался, гармошку даже оставил.

273

Проходил мой сват покойный мимо бани ночью и чует — девки поют. Пошел он к ним. Только стал в баню заходить, а оттуда собака большущая выскочила. А в бане-то никого не было.

Банник пугает

274

Дяденька один был, у него три сына: большой, средний и меньшей. Пошли они в баню. Вдруг шум появился, двери сразу раскрылись. Тут дядечка не растерялся: самого меньшого одел, вывел, потом среднего, старшего, а после сам оделся и вышел. Тот схохотал огромным хохотом за его спиной: «Хитрый ты, знаешь, что делать!» Так банник их пощадил, что отец сначала о сынах подумал, а потом о себе.

275

Сестра Валя рассказывала. В бане мылася

вечером с сыном. Вдруг двери открываются. Она глянула — там никого. Закрыла. Второй раз дверь открылась. Опять никого. И снова, в третий раз. Ну, она сына в охапку и бегом. В дом прибегает, а те не открывали.

276

Пошли как-то мать с бабушкой в баню. Мылись при лампе. Вдруг лампа погасла. Зажгли снова. Снова погасла. Они руками пощупали, где их одежда лежит, и не нашли. Испугались! Как были, убежали в дом. Прибежал дед: лампа горит, одежда на месте.

277

Ходила в баню с мамой. Думаю: помоюсь, постираю. Пошла, вымылась, думаю, потом постираю, опять скупнусь. Мама часто заходила в баню меня проведать. Слышу, когда мама ушла, шестом — раз! — по углу, раз! — по другому, третьему, четвертому — кирпичи от трубы и падают — обращать внимания не стала. Собираю белье, только отвернусь — пыль и песок, кирпичи взади меня сыплутся. Было так, пока белье не сложила, потом, пока шла из бани — закрыла сад, баню и дома в сени дверцу — все шел кто-то за мной...

Банник
показывается людям

278

А вот с моей подругой было дело. Старик ей говорили, что одной баню замыывать нельзя. А она то ли забыла, то ли посмеялась. Пошла в баню-то одна мыться, последней. В девках еще была. Зашла, голову намылила да за водой-то нагнулась, глядь: а под лавкой сидит маленький старичок! Голова большая, борода зеленая! И смотрит на нее. Она кричать и выскочила. Нашли ее братья на снегу. Еле откачали.

279

А вот насчет банника-то. У нас была старая баня. Но, в ей зимовали курицы, все. И вот сестра и сестреница пошли загонять вечером куриц в эту баню, зимой. Но, загнали куриц, сестра-то ушла, а эта — сестреница — осталась закрывать куриц. И дедушка, старик, сидит. Шубой накинулся и сидит, грит, а там видно было все. Она после говорит: «Я его ишшо подошла за плечо потрепала: «Ты че, дедушка, сидишь, делаешь тут?» Он мне че-то ответил, мыкнул. Я, грит, не поняла. Но и повернула, и убежала. В избу забегат: дедушка как сидел, так и сидит: «Ты, дедушка, как

пришел из бани-то скоро?!» — «Я, — grit, — не был там, ты че?!» И вот схватились, кинулись туды — никого нету, никакого дедушки не оказалось.

280

Папа один раз рассказывал матери. А я уж была бóльшенькая. Он ехал на подводе, своя пара лошадей с колокольчиками. Ехал по набережной. И вот тут, где берег, — на той стороне же жили — стояла баня. Я еду, он маме рассказывает, выходит женщина или мужчина и говорит: «Виктор Афанасьевич, зайдите!» Громко, ясно видно. Я, говорит, коней-то завернул, баню-то открыл, спичкой чиркнул — никого нет! Он, говорит, с испугу-то упал в кошевку, и кони-то — они! знали двор-то свой — они привезли его. И он чуть не умер. Чудится!

281

Парень с девкой ходили. Как-то раз девка ему посулила, что в баню ночью придет. Парень-то сидел, ждал-ждал ее в бане, вдруг поблázнилось ему, что она зашла, а вроде и не она. Он выбежал быстрее. На следующий день у девки и спрашивает, приходила она или нет. Она сказала, что нет. Блазнил это ходил. Дьявол этот в двенадцать часов поднимается.

У нас мамка все говорила: «Ой, милая, ты Бога не лишайся. Бог есть и он своим делом ведет. Он теперь невидимый, теперь пророков нет, никто не знает про Бога, а ты знай — в душе имей, носи крестик». Я и ношу. Ну и вот, мама-то говорила: ваш отец парнем еще был, с ней не жил, перед последним временем, как жениться, шел откель-то из Рожнева, дак девок там раньше в банях сидело да в домах... Шел и вдруг на дороге, тут на Бобыке, были много бани настроены, он grit, в окно кто-то постучал, он, grit, увидел синенький огонек в бане. Зашел — там никого. Он, когда двери стал закрывать, ему кто-то из бани сказал: «Не уходи. Ты нам нужен». Да и я, grit, как бежать, как бежать, туда под гору, в деревню. Я грю, все с молитвами бежал в деревню, до самого дома. Домой пришел, брату рассказал. Он: «Ой, Сенька, Сенька, ты женишься — это не к добру. Че-то у вас получится». Ну вот он прожил с ней сколько, нажил детей да умер. У их дом сгорел, да он перепугался, и с сердцем стало плохо.

Был у нас Коля один. Подруга его родила девчонку. И вот пошел он один раз в баню. Через некоторое время заходит в

баню будто Ирина с ребенком. Она уголь с печки взяла и кинула на Николая. Он сразу убежал оттуда. А скоро война началась, убили его. Так, видно, неспроста то блазило ему.

284

Еще как-то поздно в баню пошла. Баня на берегу стояла. Вот смотрю: белые люди из нее выбегают, длинные такие. «Ага, испугалась!» Это уж я сама видела. Кофты у них розовые, юбки длинные, белые, в платках белых.

285

Отец-то у меня был коммунист и ни во что не верил. Как-то пошел в баню и сказал для смеха: «Хоть бы мне леший показался!» Ну вот, подходит к бане, а тот-то и вышел! Выше бани был леший, бородастый, в дверях бани стоял. Отец испужался, побежал. Оглядывается, а тот все стоит, усмехается.

286

Вот мне рассказывали. Жила тут девка одна, вон где угор сейчас. Ну, и пошла однажды баню топить. Только-от топить-то начала, слышит голос какой-то ей говорит: «Топи баню жарче, чтобы кожу снимать ловчее!» А она, глупая, баню дальше топит. Вот вытопила баню-то, пошла та девка с

матерью. Ну, вымылись оне, вышли уже. Девка-то и говорит: «Обожди, я повóдник там оставила. Пойду заберу». Мать ей отвечает: «Да брось ты его. Завтра возьмишь». Та не послушалась, все одно в баню вернулась. Вот мать-то подождала ее да кричит: «Где ты долго?» А та отвечает: «Сейчас, сейчас». Сама из бани-то не выходит. Мать опять ей кричит: «Где ты долго там?» Девка-то опять ей: «Сейчас, сейчас». Три раза ее мать звала, а потом видит — дело плохо. Она мужиков-то в баню и послала. Они вошли туда, видят — девка-то наполовину уже ободрана. Черти-то ее предупреждали же, не послушала.

Банник сердится

287

Раньше ведь строили бани по-черному. Ну, вроде зимовейку построят и такую примитивную печь из камня. Ну, чтоб стена-то не горела, эту печь вплоть не ставят ко стене, а там щель остается, ну, примерно, сантиметров где-то двадцать. Так вот, нам старики все говорили: «Ребятишки, если моетесь в бане, один другого не торопите, а то банник задавит». Вот такой, дескать, случай был. Один мужик мылся, а второй: «Ну че ты там, скоро или нет?» — раза три спросил. А потом из ба-

ни-то голос: «Нет, я еще его обдираю только!» Ну, он сразу это... побоялся, а потом открыл дверь-то; а у того мужика, который мылся, одни ноги торчат. Он его, банник-то, в эту щель протащил. Такая теснота, что голова сплющена. Сам же он не мог бы так полезть, чтобы голова-то сплющилась. Ну, вытащили его. А ободрать-то он его не успел.

288

В Осокино было дело. Мужик один мылся, лешачился (бранился, значит). Банник на него и набросился. Мужик из бани еле убежал. Крест нательный на скамью бросил. Потом людям показывал: крест весь помятый был, изогнутый. Дрался мужик с банником, видно.

289

Вот парни в бане в карты играли. Вдруг таз ни с того ни с сего загремел. Это банник знак подал. Не любит он, видно, когда люди без дела в бане сидят.

290

Договорились мы с парнями под Рождество ворожить. Они нас поджидали в старой бане. Пришли мы, а они все какие-то хмурые сидят, вроде и не собираются ворожить-то. Мы и так и эдак выспрашивали, че, мол, такое. Они говорят: «Смотрите

сами, че такое». Стали на гармошке играть, а под полом кто-то затопал, козы заблеяли. Испугались мы нечистого духа и убежали оттуда.

291

В комсомоле когда были. Было бюро райкома. Тогда все гадали — ну, и мы с двумя девчонками тоже решили гадать. Пошли в баню в задах горсовета гадать на жениха. Надо говорить: «Где мой женишок, там собачка залай». А нам ничего не чудится. Говорили, говорили, а все ничего. Пошли из бани, а выйти не можем. Ожег (палка, которой в печи мешают) стал в дверях ходить. Вверх-вниз ходит, выйти не дает. Кто-то как водит его. Через окно не выйти, окошко маленькое, а ожег за нами бегаёт. Мы заревсли. В райкоме услышали, вышли на крыльцо и говорят: «Кто-то где-то ревет». Нашли нас, открыли двери, поругали, а ожег на месте стоит, ходить перестал, как не было ничего.

292

Дед Тимофей Распутин рассказывал. Построили одни баню, и в это время заболела у них дочка. А под подушкой мать каждое утро находила кусочки сахара. Уже и покупать стали сахар-песок, а все равно каждое утро мать находила сахар. А девочка все хуже и хуже себя чувствует.

В это время в их доме остановился старик проезжий. У него-то и спросил отец, почему девочка болеет. Тот посмотрел и сказал сходить в двенадцать часов на кладбище, накрыть стол белой скатертью и поставить на него две рюмки и бутылку водки. Причем, рюмки должны быть не граненые, не с рисунком, а простые, светлые. Все так и сделал отец. Стоит и ждет. Вдруг слышит: водка наливается. Он повернулся, а никого не видит. Смотрит, а рюмка уже пустая, и вдруг кто-то говорит: «Баня у тебя не на месте». Послушался его отец, стал разбирать баню. А девочка помаленьку стала выздоравливать. И уже когда оклад разбирал, вышла девочка на крыльцо. Видно, правду говорил он, что баннику место не понравилось.

293

У нас в бане за каменкой банник жил. Его Митькой Окоюнным звали. Мы перед призывом в армию вытягивали его веревкой из бани. Сначала его концом веревки дразнили. Он хайлом схватит, разозлится, потом дернет веревку, мы все попадали. А сам он весь из шерсти, лица, рук, ног нет.

294

Вообще шутить с собой банник не позволяет, но разрешает на святках приходиться

к нему завораживаться и по выставленному в двери заду либо бьет когтистой лапой — к беде, либо нежно гладит мохнатой и мягкой, как шелковая, большой ладонью — на счастье. Собрались о святках девушки на беседу, а ребята за что-то рассердились на них — не пришли. Сделалось скучно, одна девка и говорит подругам: «Пойдемте, девки, слушать в бане, что нам банник скажет». Две девки согласились и пошли. Одна и говорит: «Сунь-ка, девка, руку в окно: баенник-от насадит тебе золотых колец на пальцы». — «А ну-ка, девка, давай ты вот сначала сунь, а потом я». Та сунула, а баенник-от говорит: «Вот ты и попалась мне!» За руку схватил и колец насадил, да железных: все пальцы сковал в одно место, так что и разжать их нельзя было. Кое-как выдернула она из окна руку, прибежала домой впопыхах и в слезах, а лица нет от боли. Едва собралась она с такими словами: «Вот, девушки, сморите, каких баенник-от колец насажал. Как же я теперь буду жить с такой рукой? И какой баенник-от страшный; весь мохнатый, и рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Как насаживал он мне кольца, я все редела... Теперь уж больше не пойду к баням слушать».

Зайскивают расположение банника тем, что приносят ему угощение из куска ржаного хлеба, круто посыпают крупною солью. Чтобы навсегда отнять у него силу и охоту вредить, держат про себя, на всякий случай, уверенность в том, что банный дух любит черную курицу. Когда выстроят после пожара новую баню, то такую курицу, не ощипывая перьев, душат, а не режут, и в таком виде закапывают в землю под порогом бани, стараясь подогнуть время под чистый четверг. Закопавши курицу, уходят из бани задом, все время отвешивают поклоны на баню бессменному и сердитому жильцу ее. Он стремится владеть баней нераздельно и недоволен всяким, покусившимся на его права, хотя бы и временно.

Опытные люди отвращают злые наветы своих банников тем вниманием, какое оказывают всякий раз при выходе из бани. Всегда в кадушках оставляют немного воды и хотя бы маленький кусочек мыла, если только мылись не щелоком; веники же никогда не уносят в избу. Вот почему зачастую и повсеместно рассказывают, как, проходя ночью мимо бани, слышали там, с каким озорством и усердием хлещутся

черти и при этом жужжат, словно бы разговаривают, но без слов. Один прохожий осмелился и закричал: «Поприбавьте!» — и вдруг все стихло, а у него самого мороз побежал по телу, и волосы встали дыбом.

297

Во многих северных лесных местностях в баню вовсе не ходят, предпочитая париться в печках, которые обычно в тех сторонах занимают целую треть избы. Бани здесь существуют всегда, но, под увлечением хорошими урожаями льна (...) они превращены в маленькие фабрики, в трепальни и чесальни. Тех, кто залезет в печь, банник, помимо власти и разрешения домового, иногда так плотно заставляет заслонкой, что вытащат их либо в обмороке, либо совсем задохнувшимися. Не любит банник также и тех смельчаков, которые выхвастываются посещением его жилища не в указанное безопасное время. Так как на нем лежит прямая обязанность удалять из бани угар, то в его же праве наводить его на тех, кем он недоволен.

ОВИННИК (гуменник)

Какие на овине черти

298

На тех же деревенских задворках, а в некоторых случаях вблизи к избам и подручным приспешням, торчат безобразные, своеобразного вида бревенчатые строения — овины. Словно какие чудовища с разинутой черной пастью, готовую проглотить человека целиком и без следа, обступают они со всех сторон порядок приземистых жилых изб, возвышаясь над ними целою головою. В сумерках, а особенно ночью, при лёгком просвете на утренних зорях, овины в особенности обманчивы своим неуклюжим видом, обещая нечто необычное из этой темной пропасти, называемой садилом, куда принимают снопы хлеба для сушки на колосниках над глубокой ямой, мрак которой еще гуще и зловеще. Там, где огонь в этих «подлазах» разводится не в курной печи, а прямо на земле, задымленные и почерневшие в уголь овины в самом деле являют из себя (как подсказывает загадка) «лютого волчища

выхвачен бочище, не дышет, а пышет». Так как без огня овин не высушишь, а сухи снопы, что порох, то и суждено овинам гореть. И горят овины сплошь и рядом, везде и каждую осень. Кому же и приписать эти несчастья, сопровождающиеся зачастую тем, что огонь пепелит все гумно со всем старым хлебным запасом и новым сбором? Кого же завинить в труднооправимом горе, как не злого духа, и притом совершенно особенного (...).

Вот он и сидит в нижней части строений, где разводят теплины и днем пекут деревенские ребята картошку, сидит в самом углу подлаза днем и ночью. Увидеть его можно лишь во время Светлой заутрени Христова дня: глаза горят каменными угольями, как у котов, и сам похож на огромного кота, величиной с дворовую собаку, весь черный и лохматый. Умеет брехать по-собачьи и, когда удается ему напакостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего. Сидеть под садилом (в ямине, отчего чаще зовут его «подовинником») указано ему для того, чтобы смотреть за порядками кладки снопов, наблюдать за временем и сроками, когда и как затоплять овин, не позволять делать этого под большие праздники, особенно на Воздвиженьев день и на Покров. Тогда, как известно, все овины бывают

«именинниками» и, по старинным деревенским законам, должны отдыхать (с первого Спаса их готовят). Топить овины в заветные дни гуменник не позволяет: и на добрый случай попихнет у костра в бок так, что едва соберешь дыхание; на худой конец, разгневаешь так, что закинет уголь между колосниками и даст всему овину заняться и сгореть. Не позволяет также сушить хлеба во время сильных ветров и безжалостно больно за это наказывает.

На Феклу-Заревницу (заревы от овинных огней) происходят обыкновенно замолотки (начинают молотить по углам с огнем); это первый именинный овин; на Покров — вторые именины.

299

В Брянских лесных местах (в Орловской губернии) рассказывают такой случай с бабой, захотевшей в Чистый понедельник в риге лен трепать для пряжи. Только что успела она войти, как кто-то затопал, что лошадь, и захохотал так, что волосы на голове встали дыбом. Товарка этой бабы со страху кинулась бежать, а смелая продолжала трепать лен столь долго, что домашние начали беспокоиться ее продолжительным отсутствием. Пошли искать и не нашли: как в воду канула. Настала пора мять пеньку, пришла вся семья и видят

на гребне чью-то висячую кожу. Начали вглядываться и перепугались: вся кожа цела, и можно было различить на ней и лицо, и волосы, и следы ножных и ручных пальцев.

300

В Смоленщине вздумал мужик сушить овин на Михайлов день. Гуменник за такое кощунство вынес его из «подлаза», на его глазах подложил под каждый угол головешки с огнем и столь застрашал виновного, что он за один год поседел, как лунь.

301

В вологодских краях гуменника настолько боятся, что не осмеливаются топить и чистить овин в одиночку: всегда ходят вдвоем или втроем.

302

Одного силача Валуя овинник согнул в дугу на всю жизнь за то, что он топил овин не в указанный день и сам сидел около ямы. Пришел этот невидимка-сторож в виде человека и начал совать Валуя в овинную печку, да не мог изжарить силача, а только помял его и согнул. Самого овинника схватил мужик в охалку и закинул в огонь. Не прошло ему это даром: выместила злобная нечисть на сыне Валуя — тоже ражем детине и силаче и тоже за топившем овин под великий праздник: гу-

менник поджег овин и спалил малого. Нашли его забитым под стену, и все руки в ссадинах — знать, отбивался кулаками.

303

Угождения и почет гуменник так же любит, как и все его нечистые родичи. Догадливые и опытные не иначе начинают топить овин, как попросив у хозяина позволения. А вологжане сохраняют еще такой обычай: после того, как мужик сбросит с последнего овина последний сноп, и перед тем, как ему уходить домой, он обращается к овину лицом, снимает с головы шапку и с низким поклоном говорит: «Спасибо, батюшка овинник, послужил ты нынешней осенью верой и правдой».

304

Гуменник хотя и считается домовым духом, но самым злым из всех: его трудно ублажить — смирить, если он рассердится и в сердцах залютует. Тогда на овин рукой махни: ни кресты по всем углам, ни молитвы с обносом иконы Богоматери Неопалимой Купины не помогут, и хоть шубу выворачивай мехом наружу и стереги гумна с кочергой в руках на Агафона-гуменника (22 августа).

305

На овине тожо есть хозяин. Хозяин овина. Вот я ходил на овин, тоже напраши-

вался. Там идешь ночью ведь. «Пусти меня, хозяин овина, спаси меня! Я иду топить камницу». Камницы там, как в бане черной. Там же надо посреди ночи идти, дымища. Все ведь от старых людей взято. Люди-то не видят, а ты знаешь, вот и напрашиваешься у хозяина, он с тобой не разговаривает, видимо, раньше людям показывался. Он может в лошадь показаться. А если он тебя в овине-то невзлюбит, то он тебе рога покажет только, а сам не покажется. Это мне бабка, она бравенькая еще была, рассказывала.

Гадание в овине

306

Не отказывает овинник и тем девицам в своей помощи предсказанием судьбы, когда самые смелые из них дерзают мимо бань к нему ходить гадать на гумно. Та, которой досталась очередь гадать первой, поднимает на голову платье и становится задом к окну сушила: «Овинник-родимчик, суждено что ли мне в нынешнем году замуж идти?»

А гадают об этом всегда на Васильев вечер (в канун Нового года). Время его, им любимое и заговоренное, — в полночь, между вторыми и третьими петухами (по привычному деревенскому счету времени).

Погладит овинник голой рукой — девушка будет жить замужем бедно, погладит мохнатой — богато жить. Иные в садило суют руку, а по тому и судят; что если никто не тронет — в девках сидеть, голой рукой погладит — за бедным быть, мохнатой — за богатым.

307

Ходят слухи, что в иных местах удается задабривать его в именинные дни. Приносят пирог и петуха: петуху на пороге отрубают голову и кровью кропят по всем углам, а пирог оставляют в подлазе.

308

Перед Святками мужики сговорились: напугать девок. Девкам один говорит: «Идите у амбара слушайте, кто жених будет». Но вот девчонки побежали слушать. Молчит, молчит... А там уже мужчина залез, его замкнули. Но, теперича, одна подходит, втора... Вот хозяйска дочь подходит, слушает. Оттуда кричат: «На сусеке мужик переломленный лежит!» Те испугались, забегают в избу. А там знают, дескать наш мужик сидит. Потом че-то кинулись в амбар: верно, он на сусеке лежит переломленный, мертвый этот человек.

309

Я маленькая еще была. Мы по овинам-то лазали в Сусе-то, девки-то ворожили. Вот

там рассказывали, он, грит, с овина-то все снопы повыкидывал, все. Они — бежать. «Овинник!» А девки-то пошли, я щас помню — мне было лет семь-восемь — в аккурат было: Рождество. Девки пошли туда, залезли в этот овин-то. Он, грит, такой чумазый вылазит. «Вы зачем сюда пришли?» А они, грит, бежать, а он за ними. Они, кто с визгом, кто в обморок попадали там, а потом в деревне-то в аккурат какая-то свадьба была. Колокольчики-то побренчали, он исчез.

310

За людьми-то железны печки бегали. Вот это я слыхала. Тама-ка Федя-пастух жил, сказывал. Бежала печка за девкима. Она бежала, бежала, а тут раньше одинолично жили, сани-то у всех стояли под окошками. Бежат-де: «Девка, на кобылу! Девка, на кобылу!» Девка на кобылу набежала, тут и дух отдала. Печка-то бежала, кричала. Это еще до нас, это мы слыхали от старых людей. С гумна-де бежала, с гумна.

311

Вот печка бегала за людьми. Печки топятся да бежат за людьми. Это ж на Святки тожо. Печка бежит за девками: «Девка, иди на конь! Иди на конь!» А тут сани запряженные, гуляли Святки. Девка на сани набежала, на кобылу бросилась, дак

и померла на ней. Печка-то с гумна бежала.

312

Да! Бывало два старика были дома и перед Рождеством по старинушке слушали, что чудилось, что смотреть было можно. Ну вот, пошли на гумно, значит, слушать. Сели (была на гумне кожа) на эту кожу и взяли в руки сковородник, очертили эту кожу, чтобы нечистый дух не спихнул их, да обчертили и сели. Вдруг выходит с этого овина человек, нечистый дух, наверное. Ну вот, взял эту кожу (а хвоста они не обчертили), взял эту кожу за хвост, раз-два махнул — этие мужики улетели с этой кожи, да. Ну, конечно, они уже растерялись, открыли ворота и убежали домой. Пришли, переговорили промеж собой. Ну, один и говорит: «Это неправда, я пойду сам туда, сяду на кожу, и он ни за что меня с кожи не спихнет, значит».

Ну, и потом пришли, эту кожу взяли и сели. Один сел на середину, а другой сел на голову этой кожи и проложил руки в дырки, где уши были прорезаны у коровы про рога, заложил руки и положил на них замок и сидит. Кожу обчертили кругом, а хвоста не обчертили. Только сели на кожу, вдруг дверь открывается и выходит с овина опять нечистый дух, вроде как че-

ловек. Взял он эту кожу за этот хвост — и давай кругом вертеть. Вертнул раз один — этот первый мужчина, который на середине сидел, сразу улетел к воротам, а этот, которого руки положены в дырки, значит, сидит все время. Он давай крутить его, крутил-крутил, сам устал. Мужчина лежит в углу, он в другом лежит — дышит, конечно дело, живой, значит. Отдохнул и снова давай крутить его. Этот мужчина все лежит, держится за эту кожу, руки в дырках, дак зря не свернешь его. Крутил-крутил, потом больше не занемог крутить, бросил и ушел, двери закрыл. И мужик дожидал-дожидал его, дожидаться не мог и потом ушел домой. Вот так.

ПОЛТЕРГЕЙСТ

Как полтергейст пугает

313

В январе этого года с одесской пятиклассницей Олей О. стали происходить самые невероятные вещи. Где бы она ни жила — у мамы ли в центре города, у бабушки ли на Черемушках, у дедушки ли в деревне — сами собой начинали двигаться предметы: игрушки парили по квартире, бабушкин платок перемещался и повисал на люстре, пальто летало и падало в самом неожиданном месте. Неведомая сила ломала стулья и переворачивала телевизор. Модели самолетов, сделанные папиными руками, — разбиты вдребезги... Непрошеного домового родные окрестили Чебурашем и — ничего не подделаешь — стали с ним общаться, увещевать, упрашивать. Уж очень шаловливый у него оказался характер. Неоднократно он «поднимал руку» на домочадцев (особенно доставалось бабушке и дедушке), допоздна барабанил в стены и потолки, срывал двери с петель, швырял тяжелыми предметами в гостей. По-

том заговорил Олиным голосом, научился писать простые предложения, ругаться — увы! — нецензурно, петь песни...

В марте была создана инициативная группа по изучению проблем аномальных явлений... Увиденное и услышанное ими составило около пятидесяти протоколов.

«Из кухни в комнату влетел, устойчиво держась в воздухе ручкой назад, алюминиевый черпачок. Долетев почти до середины комнаты, он, словно потеряв опору, упал с обычным звуком».

«Неожиданно искусственные розы перевернулись, раздался шелест, несколько цветков, плавно взлетев в воздух, упали на стол, по полу покатился какой-то предмет».

А уж свидетельство телевизионных мастеров, которые пришли по делу, и вовсе обескураживает. Они заметили, что «ножницы в полете резко изменили траекторию. Тем временем подушка вылетела из рук Оли, в затылок Олиного отца ударился кошелек».

«Вчера Чебураш попрощался и сказал, что улетает навсегда», — говорит Оля и в глазах у нее смешанное чувство радости и грусти. «Слава тебе, Господи! — восклицает бабушка, — может, закончатся наши мучения». ...Прошло время. Чебураш, как видно, действительно улетел навсегда, оставив после себя много вопросов.

...Вы не знаете, что такое «аяки»? — Так Елена Васильевна назвала бестелесные образы людей, с которыми столкнулась однажды в крохотном коридоре своей однокомнатной квартирке. Сперва она приняла их за грабителей и стала уговаривать, что, мол, поживиться у нее нечем. Они отмалчивались, но когда женщина спросила чернявого: «Ты сколько раз сидел?» — тот ответил: «Три раза...» — «Вот видишь, значит, если убьешь меня — тебе вышка!» Надо сказать, что Елена Васильевна всю жизнь работала следователем в прокуратурах... Она назвала своих посетителей «аяками» — от аббревиатуры АЯ (аномальные явления). Они ничего не взяли, только сложили особым образом куртки, висевшие на вешалке, и исчезли... Во время присутствия (группы наблюдателей) услышали звук гитарной струны, который шел откуда-то из-за шкафа. Но там ничего не нашли...

Загадочное существо, о котором неоднократно рассказывали телевидение и газеты, похоже, сменило московское проживание на мурманское. Первой его «проделки» заметила хозяйка дома на улице Мира. Ни с того, ни с сего у нее начала греться сте-

на кладовки. Затем стали подгорать хранившиеся в ней продукты. А вскорости произошло уж совсем невероятное: взорвалась железобетонная стена. Ее раскаленный кусок вылетел в коридор. Из железобетона на линолеумный пол полился, словно из электропечи, жидкий металл. Оказавшиеся дома хозяева быстро потушили возникший пожар. Чтобы установить его причину, пригласили специалиста-строителя. Осмотрев солидный кусок бетона с оплавленной арматурой, он только руками развел. На месте происшествия побывали энергетики, представители службы радиационной безопасности, ученые кафедры физики местного высшего инженерно-морского училища. И они пока не разгадали тайну. А в городе ходит слух, что это «проказничает» шутник-невидимка.

316

Один из жителей Волгограда позвонил в православную церковь: «Вы не могли бы помочь изгнать из дома нечистую силу?..» «Однажды, лежа в постели, вдруг ощутил из-под матраса сильный удар в спину, как будто стукнули кулаком. Через минуту — другой. Потом что-то затрещало в подушке, и оттуда получил еще удар в скулу. Перебежал с кровати на диван. Но через пару дней и там такое же началось... Стал

замечать и другое: появился в комнате ветер и дует на меня, как из вентилятора. Хотя были закрыты окна и двери. А однажды проснулся от неясного гула. Оказалось, тумбочка моя, весом в добрую четверть центнера, вместе со стоящим на ней магнитофоном... поехала вдоль комнаты. Вскочил я, остановил тумбочку, хотел сесть на стул, а он от меня «убегает». Другой стул — тоже. Стою, остолбенев, посреди квартиры, а мои собственные стулья вокруг меня вальс вытанцовывают. Как я пережил этот кошмар — сам удивляюсь. Но вскоре, отчаявшись, решил от «нечистой» спасаться дедовским методом. Упросил знакомого принести мне церковного ладана и вечером долго жег его, пока сам не заснул в пахучем дыму. С тех пор дома стало потише, тяжелые предметы стали вести себя спокойно. Разве что иногда вдруг полетит в угол то ложка, то кружка, то буханка хлеба. В хорошем настроении он даже заигрывать со мной пытается: то по струнам гитары ударит, то приятельски по плечу похлопает. Спать, однако, по-прежнему не дает. Я назвал его красивым именем Бим, что, впрочем, при расшифровке звучит не так уж красиво — бандит и мерзавец...»

На глазах нашего корреспондента в одной из пермских квартир по улице Большевикской вдруг сам по себе начал двигаться двухстворчатый бельевой шкаф. Вроде он совсем мирно и неподвижно стоял возле стены и вдруг начал покачиваться, потом заходил ходуном и заскользил по полу. А затем — взмыл вверх и вошел в соприкосновение с потолком. Повисев так несколько секунд, шкаф стремительно, но очень мягко опустился на пол, а потом «переполз» на старое свое место — абсолютно беззвучно, кстати... Опрошенные свидетели полтергейста в завершение всего услышали неизвестно откуда донесшееся издевательское «хи-хи!» В течение того же вечера проявила способность к левитации посуда. Кусок колбасы оказался сам собой аккуратно нарезанным. И все это сопровождалось зловредным хихиканьем. Хозяин квартиры утверждает, что раньше «шумные духи» никак себя здесь не проявляли.

Настя Остроумова — редкий человек. Она одна из немногих, кому удалось своими глазами увидеть «барабашку». Забегая вперед, скажу, что «барабашка» ей совершенно не понравилась. Она его испугалась.

Насте тринадцать лет, учится в сороковой школе города Ижевска. Как-то раз, пойдя на базар, она купила килограмм яблок, заплатив за них всего три рубля при цене десять. «Я просто протянула продавцу три рубля и попросила килограмм яблок». А однажды Настя была дома одна и вдруг увидела, как в ее сторону летит консервная банка. Затем прилетел батон хлеба, ложка, тарелка. Само по себе поехало кресло... Вечером пришла мама. Они спокойно посидели у телевизора, даже позволили себе отпустить в адрес «барабашки» несколько шуток. Когда же Настя легла спать, то почувствовала, как прямо возле ее головы задымилась обои. Настя вскочила. Прибежала мама. Обои уже пылали. Пожарным в тот раз не звонили, огонь затушили сами. Хотя в дальнейшем, когда «барабашка» разводил свой костер в неожиданных местах, пришлось вызывать пожарных... Пожарные приезжали с января по июнь тридцать восемь раз. В тот первый раз, когда погасили обои и Настя вновь улеглась, она мысленно задала вопрос: «Зачем ты это сделал?» И вдруг совершенно отчетливо в ее голове прозвучал ответ: «Да так, решил баньку истопить, чтобы тебе нехолодно было». Настя испугалась: «Ты кто?» — мысленно спросила она. «Я — Коля», — ответили ей. «Где

ты? Какой ты?» — допытывалась Настя. «Я здесь, — был ответ. — Хочешь, покажусь?» — «Нет, нет!» — испуганно взмолилась Настя.

С тех пор Настя и «Коля» почти всегда вместе. Она чувствует, когда он рядом. Во-первых, по резкому специфическому запаху. («Вся квартира провоняла», — сказала на это мама). Когда «Коля» проходит или пробегает (а может, пролетает) по комнате, Настя ощущает легкий ветерок. Если собака Дик, которая тоже живет в доме, насторожена, и шерсть ее дыбом стоит, значит «Коля» где-то здесь.

Однажды в квартире были гости. Настя переходила из комнаты в комнату и вдруг услышала внутри себя: «Погляди на меня». Повернув голову, она увидела «его». Он стоял рядом — ростом с табуретку, зеленоватый, оплывший, как свеча, с постоянно меняющимися чертами. Безобразный... Насте стало плохо.

319

Уже два месяца постовые милиционеры облизполкома испытывают по ночам странные ощущения. Будто кто живой и невидимый поселился в здании. Дверью хлопнет, свет в коридоре включит, зашлепает легкими шажками по полу — в прятки играет? Может еще уставиться прямо в гла-

за и подолгу смотреть. Одного постового так напугал, что тот, бедный, до утра просидел с пистолетом наготове. А другой решил поговорить с неизвестным. «Познакомимся?» В ответ два стука. «Будешь барабашкой зваться?» Опять стучит...

320

На улице Зои Космодемьянской, в доме номер сорок один происходят необъяснимые вещи. Одни называют это полтергейстом, а другие проще — явлением «барабашки». Итак, недели две назад в доме стали трещать стены, летать кирпичи, были выбиты стекла, толстое стекло поднялось на высоту крыши и с силой врезалось в веранду, слышится покашливание. Все это в присутствии множества свидетелей, включая журналистов, уфологов, экологов, сотрудников госбезопасности и т. д. Милиция оцепила квартал, дежурила в доме. Внезапно взбесилась одна из служебных собак и укусила своего хозяина.

321

В начале 1983 года несколько газет рассказали о загадочных событиях в одной из квартир столичного микрорайона Измайлово, а затем продолжившихся в совхозе «Коммунарка» Московской области. Участкового вызвали на место происшествия, когда из форточки одной из девяти-

этажек прохожие услышали бапальное: «Караул!» Началось все, как выяснилось, со стука в дверь, за которой никого не оказалось. Бабушка с внуками несколько раз хотели выяснить, кто так шутит, даже соседей по лестничной клетке попросили понаблюдать в дверной глазок, но незнакомец был... невидим. Начал щелкать язычок в английском замке, проворачивались вставленные ключи, которые потом и вовсе стали выскакивать из замочной скважины... Не помогло и присутствие милиционера. Приставленный к двери стол отскочил на полметра. Потом и вовсе началась чертовщина: полеты по комнате предметов — яблоч, посуды, игрушек. Холодильник в течение часа прыгал по кухне, переворачивались столы, раскачивалась люстра... В квартире перебивали десятки любопытных, которые убедились, что чудеса на свете не перевелись.

322

Вот так, например, описывает самопроизвольное перемещение предметов в пространстве, которое происходило в июне 1988 года в доме «заявителя», майор милиции Ю. Карташов: «Вместе со старшим оперуполномоченным розыска капитаном милиции И. Шишло беседуем с жильцами квартиры. Я стою спиной к дверям из до-

ма — держу в поле зрения прихожую. Заметил, что из комнаты, где находится счетчик, вылетает пробка, поворачивает по касательной прямой мне в голову... Пролетев дверь на веранду, пробка упала мне под ноги».

Следователь майор милиции П. Можейко: «Прибыли на место. Осмотрели помещение — порядок, окна и форточки закрыты. Все вместе вышли на веранду, посидели, побеседовали. Двери были открыты, никто в комнаты не входил, никакого шума не доносилось. Зашли минут через пятнадцать — в спальне матрац, одеяло и подушки — на полу, покрывало вынесло через форточку на улицу. Когда собрались ехать в отдел и выходили со двора — в дверь с силой врезалась пробка... Уже заводили машину, когда вторая ударилась в калитку».

323

В 1874 году в селе Пришиб Астраханской губернии в доме священника в течение двенадцати дней сильные стучи в наружную стену. Неведомый дергал оконный железный болт. Поставлен караул, все стены освещены фонарями, но стучи продолжались. Часто — по требованию любопытных.

В 1883 году в селе Дягилево, что в семи верстах от Рязани, в новоотстроенной

избе крестьянина двигалась и летала утварь. Во время молебна кадка с водой «подошла» от печи к священнику, всех при этом обрызгивая. После молебна эти явления не прекратились, и крестьянин сжег избу со всем имуществом. Как видим, городовые и священники не смущали «нечистую силу».

324

Свидетельствует Валентина Ивановна: «Сегодня полевые цветы оказались на полу, а ваза на кровати. Это пока я ходила в магазин. Ваза стояла на столе. Куда делась вода — неясно, но на кровати было сухо. Вчера пять раз появлялась вода на кухне, посередине пола. Потолок и стены сухие, холодильник в порядке; только собираю воду тряпкой — снова большая лужа.

Тринадцатого июня в шкафу с чистым бельем обнаружила сухую половую тряпку. Эта тряпка исчезла за полтора месяца до этого при следующих обстоятельствах. Я мыла пол, пришли соседки, и я с ними заговорила. А когда хватилась, тряпки не было. Все обыскала — ну нет и нет. Кстати сказать, когда обнаружила ее в шкафу, проверила белье — абсолютно сухое и чистое.

Вскоре после смерти мамы мы были дома втроем. Сын спал, а мы с дочерью разго-

варивали. Я лежала вот на этом диване. Вдруг диванная кровать начала подниматься, и меня довольно ощутимо прижало к диванной спинке. Я очень испугалась, еле выбралась с помощью дочери. А диванная кровать упала на место с громким стуком. Дочь спокойно сказала: «Это домовой». Ей и сейчас все понятно».

Хозяин и хозяйка красили на кухне пол, хозяин устал и пошел прилечь на диван в зал. Зазвонил телефон. Хозяйка положила кисть и пошла в зал, где стоял телефон. Звонила соседка, интересовалась, не появляется ли вода снова. Разговор длился минуту. Когда Валентина Ивановна вернулась на кухню, весь пол был залит водой.

Однажды Валентина Ивановна лежала на диване и вдруг увидела, что из коридора прямо на нее летит черная хозяйственная сумка. Не долетев полметра, сумка повернула на девяносто градусов и упала рядом с телевизором.

А вот еще один случай. Валентина Ивановна пошла с мужем на кухню. Не успели они туда войти, вдруг из проволочной сушилки для посуды вылетела тарелка и разбилась о противоположную стену в метре от них. Хозяева, встревоженные, вернулись в зал и сидели на диване до тех пор, пока вся посуда таким образом не раз-

билась. Потом пришлось вынести из квартиры два ведра фарфоровых осколков.

Не раз устранивался разгром в спальне. Падала мебель, разбрасывались вещи, была сильно повреждена картина на холсте. Однажды дверь спальни была подперта изнутри тяжелой тумбочкой.

325

Дело было в 1982 году. Все началось со звонка в дверь. Дети утверждали, что видели в дверной глазок мужчину с черными усами, в черной шляпе, в черном пальто и с чемоданчиком в руках. Но дверь ему не открыли. А потом пошли чудеса — из дверного замка сами собой принялись вылетать ключи, задрожала и застучала дверь, на следующий день непонятная сила расколотила плафоны люстры, опрокинула стол, пытаясь уронить холодильник (по другим сообщениям — уронила). Игрушки посыпались с гардероба, яблоки полетели из кухни в коридор, а за ними и посуда... Ну, а когда хозяева собрались уезжать, то «веселый дух» на прощанье огрел хозяйку по спине.

326

Лето 1987 года я проводил в большом южном городе. Когда мне рассказали о местном полтергейсте, я, естественно, уговорил знакомого повести меня туда...

Собственный дом, каменный с шиферной крышей. Глухой забор из бетона и гофрированного алюминия, гараж. Нас встретила хозяйка дома, пожилая, но крепкая женщина с пронзительными глазами и резкими движениями (...). «Дух» стал шалить шестнадцатого августа 1986 года... Обращались и к священнослужителю. Он пришел, прочитал молитву, покропил святой водой. И вдруг ребенок зовет всех на кухню. А там три полные трехлитровые банки стоят друг на друге, а поверх всей пирамиды водружена табуретка. Священник позорно бежал, заявив, что в доме дьявол. Что же вытворял «дух»? Бросался чем попало. Вот и неделю назад запустил ночью куском мыла в хозяина, да так сильно, что раскровянил старику затылок. Показали след от сырого яйца на стене, куда залепил «дух». Раз ночью перетащил из сада шестидесятикилограммовый мешок с цементом и водрузил на бачке в сортир. По ночам швыряется тапками. Завязывает носки в тугий клубок... А недавно у него прорезался голос, позвал подростка, а пока тот ходил выяснять, кто зовет, чем-то острым проткнул новенькую раскладушку, на которой мальчик недавно лежал. Проткнул, как им казалось, снизу. Дыра квадратная... Временами «дух» дает передышку, иногда шалит сверх меры. Не-

давно все наблюдали, как стул вращается вокруг оси. Муж невестки, военнотружущий, ночью видел, как его тапок поднялся и улетел. Хозяева считают, что их «дух» мужского пола. Почему? Иногда бросается окурками, зажженными спичками... И еще пикантная подробность — как-то раз «дух» пытался задрать подол невестке... Ну, шалит с телевизором — включает и выключает его без спроса, завивает жгутом шнур антенны. Однажды хлопнул деда ниже пояса детским сачком. Дед в это время вкручивал пробки счетчика. С пробками балуется — выкручивает. Кто-то посоветовал хозяевам отвадить духа книгой, в которой описано нечто подобное. Мол, прочитает и уйдет... Книгу достали в библиотеке, положили на комод. «Дух» заинтересовался, книгу несколько раз видели открытой, некоторые места дух читал подолгу, дня два-три... Впрочем, книга не помогла.

327

В период с июля по ноябрь... в детском доме № ... происходили неотожествленные АЯ (предположительно полтергейст). Из сообщений свидетелей стало известно, что все случаи АЯ происходят в ночное время. В это время количественный состав дежурного персонала бывает от трех до

пяти человек... Как сообщили свидетели, в коридорах и подвалах дома неоднократно были слышны звуки шагов, разговор. По описаниям, шаги тяжелые, слышались отчетливо. При шагах скрипели керамические облицовочные плитки пола. Идущих и разговаривающих свидетелям обнаружить не удалось. Так, Н. сообщила, что, услышав из спальни приближающиеся шаги в коридоре, она спряталась за дверь. Когда шаги были совсем рядом, она рывком распахнула дверь в коридор, но ни за дверь, ни в коридоре не увидела никого. Также неоднократно были слышны звуки, напоминающие разговор. Свидетели сравнивают эти звуки с мурлыканьем двух кошек. Мурлыканье было неоднородно — менялась тональность, продолжительность пауз и звуков. Свидетели определяют эти звуки как членораздельную речь. Именно этой «речью» сопровождался шаг в коридоре. Иногда свидетелям приходилось наблюдать черные человекоподобные фигуры. Они либо исчезали тотчас, либо, метнувшись в тень (темноту), переставали быть видимыми. В обоих случаях обнаружить «фигуры» не удавалось. Также не удавалось обнаружить какие-либо следы недавнего присутствия. В ноябре 19... года мне стали известны случаи немотивированного массового поведения детей одной из групп.

А именно — дети немедленно просыпались и в панике выбегали в коридор после того, как помощник воспитателя выходила из группы.

328

А у соседей наших вообще полтергейст был. Придут домой, а бабушка у них сидит под зонтиком, вся мокрая. Говорит, что вода на нее каплет неизвестно откуда. Вещи часто пропадали. А спросят вслух: «Куда девались?» — летят вдруг откуда-то или сверху упадут.

329

А что же делать нашим читателям, если у них в доме вдруг начнется полтергейст? Прежде всего: не бояться, хотя страх, как ни странно, является одной из движущих сил почти любого сообщества. Альтернативой страху может стать любовь. Страх — это ужасная вещь, он убивает наши души. Желание защититься, как и желание напасть, обычно перерастает в прямую агрессию...

Я скажу так — не бойтесь полтергейста. Полюбите этих духов или кто там у вас начнет шалить, и они успокоятся. Кстати, «полтергейст» в немецкой мифологии и означает как раз веселого духа-невидимку, который заявляет о себе стуками, толчка-

ми, летающими предметами и прочими, вполне безвредными, хотя и нелепыми выходками.

Из интервью с кандидатом физико-математических наук Всехсвятской И. С., старшим научным сотрудником Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн.

ДОПОЛНЕНИЕ

(В Дополнение включены тексты из издания А. Е. Бурцева «Русские народные сказки и суеверные рассказы про нечистую силу» (1910 г.).

1

Крестьянин деревни Окарыхи жестоко поплатился за непочтительность к овинному. Хороший, степенный и умный был мужик Тихон Сосипатрович. Деревенское общество много раз выбирало его в сельские старосты, но он всякий раз отказывался от этой чести. «Осlobодите, православные, — говаривал мужик, — выберите другого. Ежели я приму на себя такой чин, то мне придется с добрыми людьми ссориться, браниться и в грех вступать, а я этого не желаю, мне охота с вами в мире пожить». Ну, прошение его и уважат, потому — первый человек в обществе, а главное — человек больно нужный, всякого он из нужды выручит, хлеба даст и деньгами ссудит, и никогда тебе не паомнит, ждет, пока сам не вернешь.

Был он человек бездетный. Жил с одной женой Маврою. Хотя оба и в летах, но здоровые, работать злые, и всего у них было

много. Справные люди, жили хорошо. Каждое воскресенье и праздник в церковь ходили, нищую братию одежали. Одним только Тихон Сосипатрович пренебрегал: лет пять не справлял именины овинника. «Самое пустое это дело, — говорил Тихон. — Разве есть какие овинные? Ну хоть бы дал о себе вестку».

Сняли они хлеб, насадили сушить овин на ночь, чтобы утром, на зорьке, обмолотить. Насадил Тихон овин, потушил огонь и пошел домой, чтобы отдохнуть на печке. Только он лег, не успел глаз сомкнуть, как слышит крик: «У Тихона Сосипатровича овин горит!» Соскочил с печки, вон из избы бежит на гумно, а овин так и полыхает! Народ сбежался, стройку растаскивали, а хлеб, рожь до последнего зерна испепелились. «Экое несчастье, — говорил народ, — все погорело». Тихон живо изладил заново овин, опять снопов насадил, а сам по дворам пошел. Не успел на печь залезть, как на поле кричат: «Овин Тихона горит! Овин горит!» До тла и другой овин сгорел, ровно корова языком слизнула. Поставил и третий овин, такая же участь и этот постигла. Тихон с хозяйкой советовался, как быть, что делать. Мавра — баба разумная — посоветовала к попу сходить, он наставит уму-разуму. Точно, батюшка-покойник, царство ему небесное, наученье такое сделал:

«Станешь сушить хлеб и покарауль. Это, по моему мнению, овинный бедокурит, озорничает нечистый». Тихон за науčenje сунул в руку батюшке и исполнил, что тот ему приказал. Построил новый овин, ночью высушил снопы, огонь в полазе потушил, взял кол и сел на пеледу. Поджидает: не покажется ли где овинный с огнем. Недолго пришлось ждать. Смотрит: идет гумном сосед его Иван, идет спешно и по сторонам озирается. Подошел к овину, выхватил из подзастрехи пучок соломы, чиркнул спичкой и стал зажигать. Тихон Сосипатров выкатился из-за пеледы, да как хватит колом соседа. Тот — дралка! Тихон с колом за ним бежит да сыплет. Сшиб с ног Ивана, а сам знай накладывает да приговаривает: «Так-то по-соседски поступаете! — шумит, — Четвертый овин удумал спалить?» А Иван вместо того, чтобы повинную принести и замиренья просить, все матерком, матерком Тихона-то. Ну, тот известно, в сердца вошел, пуще колом насаживает. Оставит на малое время, думает: будет с него, а Иван опять бранится, растравляет Тихона-то. Даст себе передышку Сосипатрович и еще угощает доброго соседа. Бил он соседа, бил, инды сам весь изнемог. Иван перестал браниться, лежит и уж не дышит. Тихон нагнулся к нему, полагал — не притворился ли. Где! Весь дух вышиб, кончи-

ну принял от кола-то. Тихон — домой, бабу зовет: «Пойдем-ка поскорее тело убирать». По дороге к овину Тихон говорит: «Ведь я соседа убил. Иван овин пытался поджечь, а я подкараулил и колом поподчивал. Надо подальше куда его оттащить». Прибежали к тому месту, где убитый лежал, а его уж нет. «Ах, грех какой! Знать, уполз. Беда теперь моей головушке, на каторжные работы сошлют». Вернулись, до утра не спали — пойдет ли уж тут сон, когда эдакое страшное дело стряслось!

Утрочку Сосипатрович вышел на улицу, чтобы узнать стороною про соседа: гребтится на сердце-то, боится за свой грех. Глядь, а сосед Иван навстречу. «Здорово, Тихон Сосипатрыч, — говорит, — а я было к тебе». — «Просим милости, — отвечает Тихон, — пойдем в избу». И глядит на соседа: ни в чем невредим стоит перед ним Иван, смотрит на него приветно, доброжелательно. «Ничего, здесь перетолкуем, — говорит сосед. — Все ли у тебя благополучно, Тихон Сосипатрович?» — «А че?» — спрашивает Тихон и сам пытливо глядит на Ивана. «Да хозяйка моя ночью на двор выбежала, — рассказывает Иван, — так слышала, как на твоём гумне кто-то стонал и на столбу у овина дубиной стучал. Хотел я досмотреть, да, правду сказать, позабоялся: не овинный ли на кого зубы то-

чит». Полегче вздохнул Тихон Сосипатрович, отлегло от сердца-то. «Кажись, у меня все слава богу, — отвечает соседу. — Позапоздал я сегодня, надо торопиться овин обмочивать». — «Ступай с богом», — сказал сосед Иван... На току Тихон и рассказывает своей хозяйке: «Какое диво, Финюговна, как я вечером бил Ивана, замертво на месте оставил, а он седни у ворот со мной разговаривал, и хоша бы чем-нибудь себя выдал»... «Да его ли ты накрыл, не другого ли кого ты нахаживал?» — промолвила баба. «Кажись бы его, — раздумчиво ответил Тихон, — разве я обознался?» — «То-то, не овинный ли тебе представился». Ухмыльнулся Сосипатрыч: «Полно, глупая, не дело ты болтаешь». Молотит, а сам беспокоится: «Кого же я убил?»... Ожидает, не подойдет ли кто, не объявит ли, что вблизи мертвое тело оказалось. Не слышать... Успокоился Тихон Сосипатрыч, поужинал и на печь завалился, а хозяйка на лавке прядла, сквозь окошки от огня светок небольшой на волю бил. Деревня Окариха на берегу вытянулась, избы окошками на реку Большой луг глядят. Изба Тихона посерединке стояла, с левой стороны проездной проулок к реке, мелко тут, куры вброд переходят...

Вот часов так в десять ночи Мавра и слышит: с улицы в подоконницу стучат.

Она подняла иконенку, видит: человек в свету стоит, одет по-кучерскому и с плеткой в руках. «Чего тебе надо, добрый человек?» — спросила. «Да вот, с господами еду, — отвечал кучер, — да не знаю, как через реку перебраться. Впервой еду, боимся». — «Поезжай смело, родимый, — говорит Мавра, — в этом месте не глыбко». — «Да слышь, место-то незнакомое. Не потрудится ли твой хозяин, не покажет ли нам место?» Хозяйка крикнула, разбудила мужа. Тот слез и к окошку. Видит: кучер стоит, а в сторонке тарантас, и в нем два барина сидят, цыгарки курят. «Чего ты сомневаешься, — говорит Тихон человеку в кучерской одежде, — дорога прямо едшая, вода тут разве по лодыжку захватит». А кучер ему в ответ: «Все же мы опасаемся, выде, пожалуйста, почтенный, укажи нам переправу. Госнода за труды заплатят». Тихон побиделся: «Платить мне не за что, невелики, а перевести я, пожалуй, переведу коней». Как был в одной рубахе и босиком, так и вышел за ворота, пошел к реке, а кучер, взлезши на козлы, за ним поехал. Госнода цыгарки курят, дымок так и пышут. У бережка Тихон приостановился, спросил у кучера кнут, взял и опустил кнутовище в воду. «Видишь ли, — сказал, — полтора вершка нет. И дальше не глубже. Не стоит и мерять. Поезжай свободно».

А человек в кучерской одежде с козел просит: «А ты ногой-то стань, мне видней будет». Сосипатрыч усмехнулся, шагнул: «Гляди», — крикнул и встал ногами на дно реки. Только он встал, как тарантас с баррами и человек в кучерской одежде с лошадьми исчезли, а сам он очутился в больших хоромах.

«Стою я посреди горницы, — рассказывал после Тихон Сосипатрыч, — барин али какой атаман сидит за столом в креслах, и с шеи на грудь цепь свесилась. Вот в каких земские начальники сидят. Барыня расхаживает взад и вперед по полу, и вот как уныло кто с изразцовой печки стонет. Атаман, начальник-то, на меня как закричит грубым голосом: «Че ты, подлец, как человека-то изувечил! Разве так возможно драться?» Я так и дрогнул. «Виноват, ваше превосходительство, — докладываю, — сосед у меня три овина сжег, четвертый хотел поджечь, я его и проучил». — «Какой черт сосед! — напустился на меня начальник. — Ты моего закадычного друга изурочил. Вон он так на печи-то стонет. Я тебя за это, подлеца, в Сибирь на каторгу сошлю!» Я вертелся, вертелся, душой-то кривулял, кривулял, и никак-то не могу отвилаться. А барин пуще распаляется, напирает на меня и кричит: «Розог! Палок!» И барыня в его руку тянет: «Отодрать му-

жика хорошенько! Он моего полубовника изурочил. Куда он теперь годеи?» Я тут и взмолился: «Господи, помилосердуй! Крест чесной, животворящий».. И не докончил молитвы, опять очутился в мху, близ бережка. И никого вблизи нет. Тут я и вспомнил слова-то нашего отца духовного, справедливо предсказал, кто овины у меня сжег.

С тех пор каждую осень в Сергиев день не позабываю справить именины своего овинного».

2

Охотники большие овинные вышучивать девок. Иной раз и предсказывают им будущую судьбу.

На Святках бегают в овин «завораживаться». Соберутся где на задах у поленниц или где на улице в потаенном местечке ночью, чтобы ничей глаз их не увидел. Перед тем, как идти завораживаться, они от места дорожку к овину протопчут. Вот когда население все затихнет, они и примутся за свою ворожбу. Сперва одна пойдет в овин, сведает про свою судьбу и воротится к подругам. Потом другая, за нею третья и так все перебиваются. Подойдет гадальщица к овину, крест с себя снимет, юркнет под навес, повернется спиной к

прорубленному окошку, в которое подают снопы сушить, заворотит сарафан или платье и сядет, посвесится в овин-то и сейчас заклятье говорит: «Храни меня, мани меня по голому гузницу, мохнатой ручищей». Тут девка уж и почувствуй, какой рукою он погладит: ежели мохнатой — за богатого выйдет замуж, голой — за бедного, колючею, словно елка, — за пьяницу. Такая уж судьба и выйдет девке, какую ей в овине покажет. Самые смелые над подлазом завораживаются: свесятся и тоже заклятье скажут.

Не всегда, однако, благополучно обходится. Ладно еще, если овинный облапит только девку, поиграть с нею захочет, а то плахой или лопатой треснет. Мало того, что перепугает и долго проболит то место, по которому он хватит, невозможно девке понять, какую это судьбу ей предсказывает: счастье или несчастье.

Пытают по овинам судьбу и молодые бабы, у которых мужья в солдатах или где на стороне живут. Одна такая баба в Угорах живет, Кологривского уезда, Матреной ее зовут. С большого разума удумала в овин заморозиться, увязалась с девками, покатила и над самым подлазом села. Так ее из ямы-то как чем-то тяжелым двинет, так она уж и не помнит, какую силую ее вышибло из овина и опять к дев-

кам принесло. Долго не в своем разуме солдатка находилась. Должно, замужней женщине не подобает судьбу пытаться.

3

Бывало о Святках у нас одна девка задумала погадать. Взяла хомут, да ночью и ушла с хомутом-то, да зеркалом, да восковою свечкою не в жировую избу. Засветила там восковую свечку и поставила ее перед иконою, а сама надела себе на шею хомут, взяла зеркало и села на печной (стоящий около печки) столб в хомуте-то. Сидит, смотрится в зеркало да и говорит: «Дворовушко, батюшко, покажи ты мне жениха, за которого я выйду замуж». Сидит и все смотрит в зеркало. Вдруг лишь дворовушко сам и идет, страшной, мохнатой. Подошел к ней, да лишь схватил ее за шею, да и задавил. Утром домашние ее встали да и говорят: «Где-ка у нас девка-то, куды же она ушла? Ведь вчера она ложилась с нами спать, была дома». Стали ее искать... Пришли, а девка-то там сидит на печном столбе, сидит, не шевелится. ...Подошли к ней, а она мертвая и глаза выпучила. Дотронулись до ее потихоньку, а она лишь хрюснула на пол. Ну, все тогда заревели да и говорят: «Видно, дворовушко ее задавил».

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Ба́нник, ба́енник — 219, 224, 225, 227, 228, 231, 232, 234, 240, 242, 246, 247, 250, 252, 255, 257, 263, 265, 274, 279, 287, 288, 289, 292, 293, 294, 295, 296, 297.
- Ба́йница — 243, 244, 269.
- Ба́йный(ая) ста́роста — 225, 226, 267.
- Бес — 233.
- Гумб́енник — 298, 300, 301, 302, 303, 304.
- Дворово́й, дворово́й хозя́ин — 25, 28, 33, 37, 59, 74, 112, 3д.
- Домово́йха — 49.
- Домово́ушка — 174.
- Домово́й — 1, 13, 19, 20, 21, 24, 27, 30, 35, 36, 46, 48, 50, 53, 54, 55, 56, 58, 60, 63, 64, 65, 70, 75, 77, 89, 91, 92, 95, 96, 97, 118, 121, 126, 128, 129, 130, 131, 142, 148, 151, 154, 157, 158, 160, 163, 165, 173, 176, 180, 181, 182, 185, 186, 187, 189, 190, 195, 198, 199, 200.
- Дья́вол блази́ла — 281.
- Кня́ймора — 201, 212, 216, 217, 218.
- Ку́колка — 211, 215.
- На́щий — 211.
- Ови́на хозя́ин — 305.
- Ови́нник — 302, 306, 309, 1д, 2д.
- Подови́нник — 225, 298.
- Пе́чка — 310, 311.
- Пло́тники — 207, 208.
- Подменё́нная(ый) — 241, 244.
- Подпобльни́к — 222.

Полтергейст (барабашка) — 318, 319, 320, 326, 327, 328.
Проклятая — 219, 220, 221.
Сусэди́ха (домови́ха) — 16, 49, 62, 69, 72, 120, 169, 184, 191, 193.
Сусэ́дко, сусэ́душко (домовой) — 7, 8, 15, 18, 31, 33, 36, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 49, 52, 57, 70, 71, 79, 83, 99, 100, 101, 108, 109, 111, 124, 132, 135, 159, 162, 164, 168, 172, 177, 178, 183, 191, 192, 288.
Хозя́ин (домово́й) — 9, 17, 22, 25, 39, 113, 136, 153, 194.
Цыга́н — 242.
Че́рти — 61, 243, 247, 253, 270, 286, 296.
Чертóвка — 245.
Шама́н — 40.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АКАЯ** — Архив Пермской областной комиссии по аномальным явлениям.
- АФАНАСЬЕВ** — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. Москва, 1868.
- БАЛАШОВ** — Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. М., 1970.
- БЫЛИЧКИ** — Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье (сост. К. Э. Шумов). Пермь, 1991.
- ЗИНОВЬЕВ** — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири (сост. В. П. Зиновьев). Новосибирск, 1987.
- КРИНИЧНАЯ** — Легенды, предания, бывальщины (сост. Н. А. Криничная). Москва, 1989.
- МАКСИМОВ** — Максимов С. В. Крестная сила; Нечистая сила; Неведомая сила. Кемерово, 1991.
- ФАЛУ** — Записки из фольклорного архива Львовского государственного уни-

- верситета, сделанные в Калужской области в 1987—1989 гг.
- ФАПУ** — Записи из фольклорного архива Пермского госуниверситета, сделанные в Пермской и Кировской областях в 1986—1992 гг.
- АКАЯ** — 313—327, 329.
- АФАНАСЬЕВ** — 24, 25, 95, 96, 97, 187, 190, 200, 201, 255.
- БАЛАШОВ** — 222.
- БЫЛИЧКИ** — 6, 7, 33, 34, 44, 45, 49, 53, 66, 68, 70, 88, 93, 117, 124, 125, 137, 152, 159, 162, 163, 170, 174, 178, 183, 184, 185, 226, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 241—245, 253, 262, 263, 265, 267, 269, 270, 277, 281, 282, 286, 293, 305, 309, 310, 311.
- ЗИНОВЬЕВ** — 14, 17, 36—38, 40, 50, 54, 61, 76, 84—86, 104—106, 113, 116, 139, 140, 142—151, 153—155, 160, 161, 164, 165, 179, 180, 194, 199, 202—215, 219—221, 250, 251, 266, 268, 276, 278—280, 287, 292, 308.
- КРИНИЧНАЯ** — 26, 112, 175, 258, 259, 260, 312.
- МАКСИМОВ** — 1, 10, 27, 29, 30, 46—48, 55, 56, 58—60, 74, 91, 181, 182, 198, 216—218, 225, 246, 247, 264, 294—304, 306, 307.
- ФАЛУ** — 3, 13, 28, 115, 130.
- ФАПУ** — 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 18—23, 31, 32, 35, 39, 41—43, 51, 52, 57, 62—65, 67, 69, 71—73, 75, 77—83, 87, 89, 90, 92, 94, 98—103, 107—111, 114, 118—123, 126—129, 131—136, 138, 141, 156—158, 166—169, 171—173, 177, 186, 188, 189, 191—193, 195—197, 218, 223, 224, 227—231, 240, 248, 249, 252, 254, 256, 257, 261, 271—276, 284, 285, 288—291, 328.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ-МОТИВОВ БЫЛИЧЕК

1. ДУХ ПОСТРОЙКИ ПОКАЗЫВАЕТСЯ ЛЮДЯМ В ОБЛИКЕ:

- 1) простого (высокого) мужика (домовой — 45, 116, 155, 159, 192, 194, 197; банник — 238, 253, 284, 285; овинник — 302, 312, 1 д);
- 2) старика (домовой — 61, 112, 142, 154, 182, 194, 199, 228);
- 3) женщины (маленькой женщины), девушки (домовой — 44, 51, 62, 67, 68—70, 72, 88, 120, 174, 184, 196; банник — 235, 271; кикимора — 213, 217, 218);
- 4) хозяйна дома или родственника (домовой — 57, 69, 111, 126, 181, 190; банник — 234, 279);
- 5) ребенка (домовой — 67, 68, 196; кикимора — 214);
- 6) маленького человечка (домовой — 44, 51, 53, 110, 111, 124, 162, 182, 183, 187, 188, 194; банник — 59, 278);
- 7) мохнатого, страшного существа (домовой — 64, 114, 176, 180, 3д; банник — 193, 293; гуменник — 298; кикимора — 206; полтергейст — 318);
- 8) кошки (домовой — 109, 150, 182; банник — 260, гуменник — 298);
- 9) собаки (домовой — 42, 106; банник — 248, 273; кикимора — 202, 206);
- 10) крысы (домовой — 147);

- 11) зайца (домовой — 106; кикимора — 202, 206);
- 12) свињи (домовой — 107, кикимора — 205, 206);
- 13) теленка, быка (банник — 227, кикимора — 206);
- 14) утки (кикимора — 202);
- 15) ужа (домовой — 43);
- 16) маленького пушистого зверька (домовой — 105, 185).

2. ДУХ ПОСТРОЙКИ ПОМОГАЕТ ЧЕЛОВЕКУ ПО ХОЗЯЙСТВУ, ОТВОДИТ БЕДУ:

- 1) ухаживает за скотиной: кормит скотину, заплетает гриву лошадям в косы (домовой — 31, 35, 41, 42, 44, 48, 49, 50, 165);
- 2) дает знать хозяину, какую масть скотины лучше купить (домовой — 27—29, 46);
- 3) охраняет дом, конюшню (домовой — 53, 55, 56, 95, 181);
- 4) предупреждает об опасности или неблагополучии в хозяйстве (домовой — 54, 92, 93, 96, 99, 70, 176);
- 5) отводит беду: помогает тушить пожар, не дает человеку, балующемуся с веревкой, повеситься (домовой — 54, 61—63);
- 6) оберегает от нечистой силы напросившихся на ночлег, роженицу, не чинит вреда напросившимся в дом, в баню, на овиn (домовой — 148, 160, 161; банник — 224, 225, 226, 229; овинник — 303, 305);
- 7) помогает по дому: а) выполняет работу по дому (домовой — 50—52, 59; кикимора — 213); б) присматривает за ребенком (домовой — 64); в) прядет (домовой — 67, 68, 69, 101); г) сеет муку, ставит квашонку (домовой — 71, 122);

д) возит в бочке воду (домовой — 52, 59).

3. ДУХ ПОСТРОЙКИ ОБЩАЕТСЯ

С ЛЮДЬМИ:

- 1) вступает в разговор с человеком, рассказывает о себе (домовой — 171—173, 179, 191, 193, 194);
- 2) отвечает на вопросы (домовой — 195; кикмора — 212; полтергейст — 319, 328);
- 3) обращается к человеку с просьбой одолжить на свадьбу тарелок, передать известие, дать напиток (домовой — 175, 186, 197);
- 4) заплетает людям волосы (домовой — 74—79);
- 5) принимает подношения, подарки (деньги, хлеб, карты) и перестает «шалить» в доме, пугать в бане, на гумне, мучить скотину (домовой — 26, 36, 38, 39, 166—168; 239; банник — 295, 296; гуменник — 307);
- 6) дерется, борется с человеком (банник — 288, гуменник — 302, 312);
- 7) поминает умершего хозяина: плачет, выходит проститься, пьет кисель с поминального стола (домовой — 7, 80—85);
- 8) дает советы, как лучше поступить (домовой — 126, 176);
- 9) дразнит собаку (домовой — 117).

4. ДУХ ПОСТРОЙКИ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ

БУДУЩЕЕ:

- 1) показывается (домовой — 72, 96, 104—111, 120; банник — 280, 282, 283; кикмора — 218);
- 2) отвечает на вопрос «К добру или к худу?» (домовой — 93, 99, 100, 101, 115, 116, 122—124);
- 3) предупреждает человека, разговаривая

- с ним (домовой — 112, 114, 121, 125; банник — 286);
- 4) стучит (высекает души умерших), топчет, шумит, стонет, бьет человека — к несчастью (домовой — 102, 103, 113, 117, 118, 119, 124);
  - 5) гладит человека теплой и мохнатой рукой — к добру, или холодной и шершавой — к беде (домовой — 86, 89, 115, 130; банник — 294; гуменник — 306, 2д);
  - 6) сест муку (домовой — 72, 123);
  - 7) прядет (домовой — 70, 120; кикимора — 218);
  - 8) гоняет кур по избе (домовой — 125);
  - 9) бьет по воротам — к свадьбе (домовой — 128, 129);
  - 10) раскатывает поленицу — к переезду (домовой — 127).

Б. ДУХ ПОСТРОЙКИ НАКАЗЫВАЕТ ЧЕЛОВЕКА (ПУГАЕТ, ГУБИТ):

- 1) за неуважительное отношение к себе (домовой — 47—49, 73, 74, 79, 136, 162—165, 174; банник — 250; гуменник — 299—302, 308, 1д);
- 2) за жестокость в обращении со скотиной (домовой — 45);
- 3) за то, что человек держит неудобную духу дома масть скотины (домовой — 31, 33—37, 39, 48; кикимора — 211, 217);
- 4) за то, что баня или двор стоят не на месте (домовой — 40; банник — 292);
- 5) за нарушение обычаев: а) пугает, выгоняет ненапросившихся в дом, баню, овин (домовой — 148, 153, 156; банник — 224, 226; овинник — 300, 302); б) за то, что не помянули покойника как положено: губит скотину (домовой — 85);
- 6) наказывает мать, проклявшую своего ребенка: губит ребенка, подменяет ребенка, ребенок не растет (домовой — 219—222);

- 7) за появление в бане, овинс в неположенное время: губит человека, пугает (банник — 246—249, 251, 253, 254, 256—258, 260—264, 266; овинник — 300, 302, 309);
- 8) спящих, играющих в карты, гадающих, ругающихся, говорящих о смерти в бане, торопящихся мыться: прогоняет, пугает, давит (банник — 227, 228, 261, 287—291, 294);
- 9) дух постройки прогоняет человека, легшего спать на его дороге (домовой — 150);
- 10) дух постройки использует предметы, оставленные без благословения: сеет муку, крадет решето, прядет, ест муку (домовой — 65, 67, 73, 169, 170).

6. ДУХ ПОСТРОЙКИ ВРЕДИТ ЧЕЛОВЕКУ:

- 1) пугает, давит, губит человека (домовой — 86—90, 178. Зл: кикимора — 214, 215; банник — 230, 232, 233—238, 251, 259, 265, 277, 284, 286—288, 294; гуменик — 299, 308, 310, 311);
- 2) выживает из дома, прогоняет из бани, овина (домовой — 142—149, 151, 152, 154, 156—159; кикимора — 216; банник — 289, 290; гуменик — 309);
- 3) беспокоит, пугает людей стуком, шагамя, разливает воду, устраивает пожары, бьет посуду, двигает мебель, кидается различными предметами, в доме слышится пляска, голоса (домовой — 134—141, 171; кикимора — 202, 204, 208—212, 216; банник — 274—277, 291; полтергейст — 313—328);
- 4) подменяет ребенка (банник — 239—245);
- 5) выбрасывает кур из пестка, гоняет по избе (домовой — 131—133).

7. ДОМОВОГО ПЕРЕВОДЯТ В НОВЫЙ ДОМ:

- 1) хозяева приглашают домового в новый дом: зовут с собой, ставят угощение, перевозят на помеле, на венике и в лапте (домовой — 2—8, 11, 13, 14);
- 2) домовый плачет, если хозяева не взяли его с собой (17, 18);
- 3) домовый сам приходит в новый дом (12, 15, 16; кикимора — 211);
- 4) домовый напоминает хозяевам о себе перед переездом: плачет по ночам, бросает на стол лапоть (20, 21);
- 5) домовый новых хозяев дома дерется с домовым, оставленным прежними жильцами (19).

8. ПАРНЯ, ПРИШЕДШЕГО В БАНЮ:

- 1) хватает за руку девушка, проклятая родителями в детстве или подмененная баптицей, парень женится на девушке, освобождая ее от заклятья, девушка находит своих родителей (219—221, 243—245).

СПИСОК ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

- Амбар** — строение для хранения зерна, муки.
Бахан, баханка — козел.
Боровчан — годовалый бычок.
Бердана — ружье.
Блазнить — казаться, чудиться.
Выживать — прогонять.
Гблбец — подпол.
Гумно — постройка для просушки и хранения хлеба.
Девичник — вечеринка подруг невесты накануне свадьбы.
Ереничка — куколка из тряпок.
Задобривать — сделать снисходительным, расположить к себе.
Западня — крышка над люком в подпол.
Закуржаветь — покрыться инеем.
Зеленка, отава — трава, выросшая после косьбы.
Зимовье — изба в лесу для скота, охотничий домик.
Зыбка — колыбель.
Каменка — очаг, выложенный из камня в банс, на гумне.
Кормушка — куртка.
Литовка — коса.
Матца, матка — центральная балка в постройке, на которую настиляется потолок.
Напрашиваться — просить разрешения.
Овин — постройка для сушки хлеба.
Оклад — основание фундамента.

Повбдник, повбѣник — платок, шаль.
Подволбка — чердак.
Полати — дощаной настил от печи к стене, на котором спят.
Полбк — высокий помост в бане, на котором парятся.
Пропадáть — умирать, погибать.
Пряслица — прялка.
Сѣвер — северный склон горы.
Сусѣк — отгороженное место в зернохранилище для ссыпания зерна.
Солонцы, солончак, солянка — пропитанная солью земля.
Тенѣта — паутина.
Тябло — полочка для икон в иконостасе.
Шесток — припечник, место между устьем и топкой печи.
Хайло — (грубо) рот, глотка.
Яманий — сделанный из козьей шерсти.
ясли — кормушка для скота.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	3
Домовой	
1—22 Дом домом, а домовой даром .	13
23—47 Суседушко-братанушко, люби мою скотинушку	22
48—64 Добрый помощн	31
65—70 Ночная пряха	39
71—73 Суседиха сеет муку	41
74—79 Кому домовой косы заплетает? .	42
80—85 Как домовой помнит своего хозяина	44
86—90 Домовой давит спящих	46
91—130 Домовой предсказывает будущее	49
131—133 Домовой кур пересчитывает	69
134—141 Домовой «шалит»	70
142—159 Как домовой выживает из дома	74
160—161 Домовой оберегает напросившихся к нему на ночлег	87
162—165 Домовой сердится	89
166—168 Как задобрить домового	91
169—197 И другие истории про домового	92
198—200 Как можно увидеть домового	103
Кикимора	
201—218 Как кикимора вредит	105
Проклятая	
219—222 Как нельзя в избе детей ругать	123

Банник

223—238	В какой бане банники живут	133
239—245	Банник подменивает ребенка	140
246—266	После третьего пара	146
267—271	Как банники моются	156
272—273	Чудится в бане	157
274—277	Банник пугает	158
278—286	Банник показывается людям	160
287—297	Банник сердится	164

Овинник (гуменник)

298—305	Какие на овине черти	171
306—312	Гадание в овине	176

Полтергейст

313—329	Как полтергейст пугает	181
	Дополнение	200
	Указатель персонажей	210
	Условные сокращения	212
	Указатель сюжетов-мотивов быличек .	214
	Список диалектных и устаревших слов	220

Правдивые рассказы
о полтергейсте
и прочей нежити
на овине, в избе и бане

Редактор К. Шумов
Художественный редактор О. Иванов
Технический редактор Т. Сайтарова
Корректор А. Полякова

Сдано в набор 30.04.93. Подписано в печать
14.10.93. Формат 70×108^{1/64}. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 4,9. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 10 000 экз. Заказ 553. Цена договорная.
Малое предприятие «Книга», 614001, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.

П $\frac{4604000000-022}{Д25(03)-93}$ Без объявл.

ISBN 5-87916-022-X